

АЛТАЙ

8

1954

Электронная библиотека АКУНЬ, eLIB.altlib.ru

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЪМАНАХ
АЛТАЙСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

8

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул 1954

Борис КАУРОВ

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Она легла на карту островами,
Размежевав широкие поля,
Продутая шальными степняками
Целинная алтайская земля.

Весне на смену приходило лето.
Шумела осень желтою травой.
Потом — метель с рассвета до рассвета..
И вновь весна — обычной чередой.

Но нынче, задымившись, набухая,
Ручьями мутноватыми бурля,
Она проснулась — свежая, сырая,
Веками пустовавшая земля.

Ее пласты тяжелые вздымая,
Как в бой, стальные тракторы идут.
Алтай сегодня на переднем крае,
У всей страны великой на виду.

Как в дни Магнитки, с песнею веселой
По зову партии со всех концов
Пришли сюда посланцы комсомола,
Чтоб повторить здесь молодость отцов.

Они полны задора и дерзаний,
В труде дружны и в спорах горячи —

Кубанские казаки, ростовчане,
Орловцы, горьковчане, москвичи.

Дни пролетят, и непременно станет
Такою вековая целина,
Какой она — пока что нынче в плане —
С высот Кремля московского видна.

Трудом своим мы с карты снимем пятна,
И на земле целинной широко
Повеет свежим, хлебным, ароматным
Дыханием алтайских степняков.

Николай ДВОРЦОВ

НАШЕ СЧАСТЬЕ

ПОВЕСТЬ

«Нельзя отделить семейные дела от дел общественных.

... Ваше собственное поведение — самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни».

А. С. Макаренко.

Часть первая

ПЛОХО, КОГДА ПАПЫ НЕТ

Всякий раз, когда товарищи заводили разговор об отцах, Вася замолкал. Серые внимательные глаза его холодели, задумчиво останавливались на одном каком-нибудь предмете. В такие минуты на смуглом, крутолобом лице мальчика особенно заметным становился шрам. Розовой неровной полоской он пересекал щеку, тянулся к самому уху.

Да и что он, Вася, мог сказать? Нет отца. Мальчик никогда не видал его. В 1941 году отец добровольно ушел на фронт и не вернулся. Остались только его фотографии. С тех пор Вася с матерью живут одни. Плохо...

Вон у Светки отец — дядя Степа — с языка не сходит. Покупает ей все. Одних книг сколько понавез.

Летом дядя Степа насажал полон кузов ребят и всех возил в город. А его, Васю, пригласил в кабину. Говорит, некому тебя побаловать, садись. В городе сливочного мороженого купил. А когда Вася съел, спросил:

— Ещё хочешь?

Вася, конечно, хотел, но признаться в этом постеснялся.

Дядя Степа, пожалуй, лучше всех шоферов Якова Павлюкова тоже хвалят. Говорят, он машину хорошо знает, работать умеет. На доске показателей, что стоит у ворот гаража, фамилия Якова либо на втором, либо на третьем месте. А иногда и на первом бывает. Здорово, значит, работает. И на вид он хороший: высокий, стройный, из-под фуражки сбоку козырька выбивается черный курчавый чуб. Брови тоже черные, густые. Любит Яков пошутить. Только ребят он не замечает, будто их вовсе на свете нет. И лишь однажды, когда Вася крутился около машины, Яков сердито крикнул:

— Пошел отсюда, безотцовщина! Стащить чего-нибудь нацеливаешься?

Вася нахмурился, глаза потемнели. «Ну, подожди!» — мысленно пригрозил он, уходя.

С тех пор Вася всей душой возненавидел Якова. Незнакомо для чего он, как хищный зверек, стал следить за каждым шагом шофера. Ничего не ускользало от зоркого взгляда мальчика.

Как-то Яков, остановив груженую комбикормом машину, побежал по обычаю в буфет пропустить «служебную», а Вася быстро подскочил к кабине, выхватил из-под сиденья первый попавшийся инструмент, боязливо озираясь, бросился сломя голову за околицу поселка. Бежал, а Яков, кажется, топал вслед своими большими кирзовыми сапожниками. На опушке бора Вася остановился. Было тихо, безлюдно, лишь с фермы слышался визгливый лай, да где-то над головой монотонно стучал дятел. Мальчик распахнул полу куртки, там оказались новенькие плоскогубцы и разводной ключ. Вася повертел их в руках и, не задумываясь, с размаху бросил в самую гущу шиповника. Пусть поищет!

Яков хватился инструмента дня через два, когда поставил машину на технический осмотр. Он долго копался в кабине, потом сердито выбросил все оттуда.

— Сперли, черти проклятые! — угрюмо заключил шофер и понуро обошел за чем-то машину. — Расписывался за него...

Вася был необычайно доволен. Засунув руки в карманы и, важно пошвыстывая, мальчик с независимым видом стоял неподалеку от Якова. «Так тебе и надо, будешь знать... Скажу дяде Степану, пусть возьмет себе плоскогубцы и ключ. Украденного он не возьмет... Украденное?.. Выходит, я вор?» — впервые удивленно подумал Вася и быстрой, озабоченной походкой зашагал от гаража.

С тех пор прошло немало времени. Пышную, цветастую алтайскую осень сменила зима. Как полновластная хозяйка, она засыпала бор и поселок пухлым, искрящимся снегом, нахлобучила на дома кудлатые белые шапки, рисовала на стеклах затейливые узоры; провода, ветви берез обросли мохнатым инеем.

И только с буйной красавицей Катунью зима долго не могла справиться. Почти весь декабрь река шумела на перекатах.

В зверосовхозе провели забой лис. Черно-серебристые шкурки разбили по сортам, обработали, бережно упаковали и сдали государству.

Вася почти забыл о плоскогубцах и ключе. Но чувство враждебности к шоферу не угасало. При виде его мальчик настораживался, внутренне собирался, точно готовился к схватке. А Яков, наоборот, кажется, подобрел, несколько раз пытался заговорить с Васей. Только получалось у него это как-то неуклюже. Непонятно было, то ли насмехается, то ли помириться хочет. Очень нужно мириться с таким...

Вчера Яков повстречался у гаража, подмигнул.

— Как живем, меченый?

Мальчик стыдливо закрыл рукавицей пересекавший щеку шрам.

— Сам-то хороший.

— Я шучу, — Яков криво усмехнулся.

Хороши шутки! Будто он, Вася, нарочно с березы сорвался. Грачиное гнездо разорять полез. А сорвался потому, что маленький еще был, девятый год только шел. Теперь бы он ни за что не увал.

Сегодня получилось совсем неожиданное. Идет Вася из школы, а Яков стоит с его, Васиной, матерью на дороге. Разговаривают. Мальчик оторопел, тоже остановился, сразу не мог сообразить, что делать. Пригласить мать домой? Не пойдет. Какой-то странной она стала в последнее время. С ним, Васей, обращается то ласково, то начнет кричать, хоть из дома беги. Иногда подолгу смотрится в зеркало и, вздыхая, тихо поет:

И снова я одна...

Да, я одна...

«Почему же одна, а я?» — хочется спросить мальчику.

Несколько раз Вася заставлял мать с заплаканными глазами. А теперь с Яковом такая веселая, совсем неузнаваемая. Застенчиво опустила глаза, слушает, а щеки так и полыхают румянцем. О чем они говорят?

— Ключ где? — требовательно спросил Вася.

С губ матери сбежала счастливая улыбка.

— Что ты не знаешь, где ключ? — сухо отрезала она.

— Здорово, Васек, — приветливо бросил Яков. — Сам-то не догадаешься поздороваться.

— Ты что же? А еще школьник, пионер, — укорила мать.

— Дикой он, настоящий звереныш с фермы.

— Без отца. Известное дело...

Вася, недобро косясь, обошел Якова.

— Так я, Валя, завтра вечером загляну?

— Что же, заходите, — согласилась мать.

Вася хотел остановиться, крикнуть: «Нечего тебе делать у нас! Не пуцуй!» Но разве послушают его? Мал он еще. Вот если бы отец был. Плохо, когда папы нет...

ДУШЕВНЫЙ РАЗЛАД

Дома Вася разделся, помыл руки. Достав из печки чугунок, налил из него аппетитно парящих шей, опустил в тарелку увесистый кусок мяса.

После еды он убрал посуду, подмел пол и сел за уроки.

Сегодня классный руководитель Глафира Павловна рассказывала об экзаменах. Представители будут. Все надо знать. А вдруг забудешь что? Это не в четвертом классе. Там-то просто было. «Тебе, Вася, — сказала Глафира Павловна, — русскому языку надо больше уделять внимания, не в ладу ты с ним».

Вася и сам знает, что не в ладу: за последний диктант двойку получил. Странно как-то выходит. Когда пишешь, не раздумывая, — хорошо получается, а как начнешь правила применять, то обязательно столько ошибок наделаешь, что все становится пестрым от красных чернил Глафиры Павловны, а внизу обязательно двойка красуется. Выходит, лучше не применять правил? На это учительница как-то сказала, что правила надо знать твердо. Когда хорошо знаешь, то не собьешься, и сомнений не будет.

Вася открыл грамматику.

— К первому склонению относятся существительные... — шептал он. — Существительные... — А зачем Яков придет? Что ему надо?

Эта мысль не давала покоя. Правда, во время хлопот на кухне мальчик как-будто забылся. Но теперь мысль опять всплыла. И как Вася ни старался сосредоточиться, она была неотступной, как надоедливый комар, беспокоила и раздражала.

Всё кончилось тем, что Вася, сердито захлопнув грамматику, начал тоскливо бродить по комнате, заглядывать во все углы, будто чего-то искал. Потом подошел к комоду. У зеркала в маленькой узорной рамке, подаренной одноклассником Левой, стояла последняя фотография отца. Он был в шапке-ушанке, ватных фуфайке и брюках, в серых облепленных снегом валенках. Придерживая висевший на груди автомат, отец смотрел на Васю так, вроде хотел сказать: «Ты чего приуныл, сынок? Крепись, пионер! В жизни все бывает».

Долго мальчик не отрывал взгляда от фотографии, а потом тяжело вздохнул и опять сел за уроки.

Когда в углах комнаты начали сгущаться быстрые зимние сумерки, Вася прижался к печке. Теплая, она приятно грела спину. За окном слышалось сухое поскрипывание снега — народ возвращался с работы. А мать еще не скоро придет: на ферме сейчас кормежка зверей. Обычно в это время Вася становился

на лыжи и убегал в бор или на берег Катуня. Но сегодня идти на улицу не хотелось. Сердце щемило. Вот зашел бы сейчас отец, и он, Вася, бросился бы к нему. Крикнул бы: «Папа!»

— Папа! — вслух повторил мальчик, и от этого необычного для него слова по всему телу пробежала дрожь.

Ох, и хорошо бы стало потом. Яков уже не пообещал бы зайти.

Вася так размечтался, что когда хлопнула коридорная дверь, он испуганно вздрогнул. Вошла мать.

— Сумерничаешь?

По голосу Вася понял, что мать в хорошем настроении. Она быстро разделась и принялась хлопотать в кухне. В цветистом халатике, стройная, она двигалась по комнате легко, точно не касалась пола. В ее небольших полных руках всякое дело горело. Вася долго возился с дровами. Толстые, длинные поленья не укладывались в печку, а у Валентины они точно сами прыгали туда.

Через несколько минут дрова, весело постреливая, запылали, зашумел на плите чугунок. Мать крошила в него очищенную картошку. Белые ломтики один за другим бултыхались в воду. Когда ломоть оказывался потяжелее, на плиту вылетали водяные капли, с шумом вскипали.

За ужином мать, склонясь над тарелкой, к удивлению сына, начала оживленно рассказывать о звероферме. Соболь, прозванный всеми Озорным, ночью каким-то чудом выскочил из клетки. По следам видно было, что он долго носился по вольере, а утром опять оказался в клетке.

Прервав рассказ, мать вдруг удивленно вскинула тонкие, чуть подкрашенные брови:

— Ты что так подозрительно смотришь на меня?

— А зачем Яков завтра придет?

Мать, кажется, смутилась, в замешательстве взялась зачем-то за тарелку, затем на ее полных, как будто чуть припухлых губах появилась улыбка. Она показала Васе неискренней.

— А почему же ему не зайти? Мы ведь одни живем.

— Жениться будете? — Вася ковырял вилкой клеенку на столе.

— Что за глупости ты говоришь? С чего взял? — рассердилась мать. — Оставь клеенку!

Вася не поднял головы и вилку не положил. Мать встала. Глаза такие же серые, большие, как у сына, метнули на Васю гневный взгляд, а маленькая ладонь сжалась в кулак.

— Кому я говорю? — срывающимся голосом крикнула она и ударила кулаком по столешнице. Ей во что бы то ни стало хотелось добиться своего — побороть это непонятное упрямство сына.

Наступило тягостное молчание. Вася, попрежнему не под-

нимая головы, прерывисто посапывая, кажется, ещё усерднее ковырял вилкой.

Мать гневно шагнула к сыну и вдруг поняла, что злит ее не упрямство и непослушание сына, а совсем другое — то, что он вмешивается в дела взрослых, разгадывает ее тайные, еще совсем робкие, неформившиеся намерения. Да и были ли они, эти намерения?..

— Мальчишка! Твое дело учиться, а не совать носа куда не следует! Мало ли кто ко мне может зайти. Тебе какое дело до этого.

Вася попрежнему склонился над столом, выставив вперед крутой, упрямый лоб. Мать пристально смотрела на сына. Незаметно гнев сменила горячая жалость. Она подошла к мальчику. Тот напряженно дрогнул, сжался.

Мать погладила сына по голове, обняла. У Васи жарко вспыхнуло лицо, зашипало в горле, веки стали горячими, мокрыми. Хотелось повернуться к матери, приласкаться. Но мальчик этого не сделал. Он еще ниже опустил голову, двинул плечом, стараясь освободиться от руки матери. И мать с горечью поняла, что у сына родилось чувство недоверия, а может быть, и неприязни. Яков встал между ними.

НЕПОНЯТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Проверяя домашнее задание, Глафира Павловна вызвала Васю к доске. Мальчик без ошибки написал предложение, подчеркнул, как это требовалось, существительные первого склонения. Задав еще несколько вопросов, учительница, удовлетворенно кивая серебристой от седины головой, сказала: «Садись» и поставила в журнале против Васиной фамилии крупную четверку.

Это была редкая для Васи отметка, и сидевшая за первой партией звеньевая Света Орловская обрадовалась. Ее синеватые глаза так и засияли, а белое, нежное лицо зарумянилось. Всегда дисциплинированная, она на этот раз не могла удержаться и выставила за спину четыре пальца.

— Напрасно, Света, стараешься: Вася сам понимает, что таким ответом заслужил хорошую отметку, — с едва заметной улыбкой сказала Глафира Павловна.

По классу прошел легкий смешок. Лицо девочки вспыхнуло. Опустив глаза, она часто и беспомощно заморгала пушистыми темными ресницами. Вася же, наоборот, улыбнулся, и розовая полоска шрама на щеке шевельнулась.

Между тем Глафира Павловна закрыла журнал и по старой укоренившейся годами привычке встала в конце своего столика. Все поняли, что сейчас учительница начнет объяснять новый материал. Никогда Глафира Павловна не расхаживала, как другие учителя, по классу, не топталась без надобности около доски.

Отсюда, от конца столика ей казалось удобнее рассказывать урок и держать под неослабным вниманием весь класс, во-время остановить строгим взглядом забывшегося шалуна.

С первых же слов учительницы Света, оправясь от смущения, стала серьезной и внимательной. Ничего постороннего для нее больше не существовало. Синеватые глаза, оживленно поблескивая, устремились на бледное, в мелких морщинах, лицо учительницы. Видно, что девочка легко идет за мыслями Глафиры Павловны, свободно понимает их. Слушают и остальные ребята. А вот Вася занят чем-то иным. Его серые глаза потемнели, смотрят из-под нахмуренных бровей куда-то вверх, а шрам на щеке недвижимо застыл. «Не слушает. Не слушает!» — с раздражением думала Глафира Павловна, не отрывая от Васи требовательного взгляда. Учительница сделала шаг вперед и, повышая голос, продолжала объяснять. Но мальчик попрежнему смотрел вверх.

— Вася, о чем ты думаешь? — строго спросила Глафира Павловна.

Мальчик испуганно вскочил, покраснел, но молчал. Да и что будешь говорить? Не станешь же рассказывать, что задумался он о Якове, который сегодня вечером придет к ним в дом.

После уроков учительница, провожая ребят из класса, дольше обычного задержала взгляд на Васе. Она хотела остановить мальчика, побеседовать. Потом улыбнулась: «Замечтался. Такое бывает не только с детьми».

Вася вышел на крыльцо. Падал густой мокрый снег. Крупные хлопья, точно выбирая себе удобное место, кружились и плавно опускались. И куда они только ни садились: на прохожих, на могучие лапы сосен; крыши, заборы, даже карнизы и рамы домов облепили эти большие мохнатые мухи. За густой сетью спящих снежинок смутно виднелся сказочно-нарядный бор.

Мальчик любил такую погоду. Он осмотрелся, вспомнил четверку по русскому языку, рассмеялся и шаловливо скатился по ступенькам крыльца.

С пригорка, на котором стояла школа, извилисто сбегали в сторону поселка узкие, протоптанные в глубоком снегу тропинки. На одной из них Вася увидел Свету Орловскую. В сером пуховом платке, повязанном поверх толстого стеганого пальто, она напоминала медвежонка. Вася решительно надвинул шапку, пригнулся и бросился догонять девочку. Хорошо бежать с пригорка! Ноги сами мчатся.

— Ого-го-го! — залиvisto крикнул Вася.

Света оглянулась и удивительно прытко бросилась наутек. Да где там! Разве убежишь от такого! Чувствуя за спиной приближающийся топот, Света остановилась, хотела посторониться, но не успела. От толчка наскочившего Васи она плюхнулась в снег.

— С ума сошел! — возмутилась звеньевая, сидя на пышном, как перина, снегу.

Вася хохотал. Неожиданно Света тоже засмеялась и с размаху опрокинулась на спину, раскинув руки.

Когда она с помощью Васи встала, на снегу оставался потешный отпечаток ее фигуры. Ребята полюбовались им, а потом Вася тоже с размаху шлепнулся в сугроб.

Все вываленные в снегу, долго бродили они в этот день. Света предложила:

— Забежим по пути на звероферму.

И хотя это было совсем не по пути, а далеко в сторону, Вася согласился. Они свернули на другую тропинку и углубились в густой сосновый бор. А снег все падал и падал. За зиму его уже столько насыпало, что молодой сосняк и кустарник совсем утонули в сугробах. Закутанные в пушистые белые шубы, могучие старые сосны стояли точно в забытьи. Не шелохнутся.

Петля между деревьев, тропинка обогнула кустарник и взбежала на пригорок, к дверям маленького деревянного домика. Над ними вздымалась на длинных ногах вышка для наблюдения за зверями. Это была пятая секция, возглавляемая матерью Светы — Марией Ивановной Орловской. Ее бригада работала лучше всех. О ней писали в газетах, говорили на собраниях. Переходящее знамя совхоза из малинового бархата с золотыми буквами и кистями два года подряд красовалось в переднем углу бригадного домика.

В бригаде Марии Ивановны работала и Васина мать.

Ребятам очень хотелось походить возле клеток, а может, и позабавиться с озорным соболем. Но бригадир не любила посторонних: они причиняли лишнее беспокойство настороженным зверям. Особенно это соблюдалось теперь, когда подходило время появления маленьких лисят и соболят. Поэтому ребятам пришлось полюбоваться зверями издали — сквозь высокий сетчатый забор.

Черно-серебристые красавицы лисы, видать, не горевали в неволе. Большинство из них свернулось клубочками на сетчатом полу клеток, спрятало в пушистый мех свои острые хитроватые мордочки. Лежат себе. Наблюдая за окружающим, лишь на секунду откроют глаза и опять закроют. Им зима нипочем. Наоборот, говорят, в холоде они лучше себя чувствуют. И только некоторые, плавно взмахивая пушистыми хвостами, беспокойно снуют, то и дело ныряют по трубам в гнезда — деревянные закрытые со всех сторон ящики.

А соболей посмотреть не удалось: их клетки в глубине фермы. Жаль. Интересно наблюдать за этими подвижными, необычайно ловкими зверками. С непостижимой быстротой и легкостью они могут носиться по стенам и потолку клеток, прыгать из угла в угол, переворачиваться в воздухе. Настоящие акробаты.

Зато и сердитые страшно. Чуть приблизишься, начинают лаять, визжать и хватать от злости железные стенки клеток.

На обратном пути ребята задержались около кирпичного здания зверокухни. Большие окна оттаяли, и хорошо было видно огромные мясорубки, косторезки, фаршемешалки. Они гудели так, что толстые стены кухни вздрагивали. Работницы в белых халатах следили за машинами, укладывали в ведра готовый фарш, а полный, в белом колпаке, пекарь ловко выхватывал из здоровенной печи круглые буханки хлеба. Все это было для ребят не новым, но все равно необыкновенно интересным. Кто может подумать, что звери такие привередливые — подавай им хлеб, творог, рыбий жир, мозги. А соболи любят полакомиться кедровыми орехами и даже свежими яблоками. Губа не дура!

Дома Вася поспешно взялся за уроки. Сегодняшняя хорошая отметка ободрила мальчика, вселила уверенность. Русский язык теперь уже не казался таким трудным. Надо только постоянно заниматься им: слушать уроки и выполнять домашние задания, и тогда он сможет догнать Светку. А у нее по русскому круглые пятерки. Здорово она учится.

Вася разложил на столе тетрадки, учебники и оглянулся вокруг, чтобы найти свой любимый стул. После улицы и заснеженного, светлого бора в комнате показалось мрачно, неуютно. На полу мусор. Мальчик хотел подмести комнату, но взгляд его упал на маленькую фотографию отца. И тут Вася опять вспомнил о Якове и после этого никак не мог заставить себя заниматься. Он склонялся над учебником, а мысли улетали, как ветром их выдувало. «Вредный», — хмурясь, думал мальчик, хотя ясно не представлял, чем именно плох Яков.

Вася оделся и долго бродил по улицам поселка, крутился около закрытого еще клуба, заходил в магазин, в гараж. Ни Якова, ни его машины там не было. Уехал, что ли, куда?

На берегу Катуня мальчик встретил третьеклассника Сеньку. Приземистый, в новой, великоватой для него, купленной, видать, на рост шапке, Сенька катался на самокате — так называли ребята полозья, выгнутые из длинного круглого железа. Их перед обычно высоко поднимается, образуя дугу для управления и опоры. Сеньке одному было скучно.

— Давай вместе кататься, — охотно предложил он, выглядывая из-под надвинувшейся на глаза шапки. Сенька улыбнулся, отчего на круглых разругавшихся щеках появились веселые ямочки, а все лицо стало добродушным, приветливым.

— Давай.

Вася еще в начале зимы променял свой самокат на книгу и поэтому с удовольствием согласился. Они проехали раз, второй. Потом Сенька, довольно посапывая, предложил на свою беду прокатиться до высокой сосны. Это была его давнишняя мечта. Берег там крутой, усеян большими камнями.

— Поехали! — лихо сказал Вася. Он находился в том состоянии, когда не думают об опасности.

Чтобы набрать большую скорость, ребята выехали с самокатом к самой околице поселка. Вася встал первым — за дугу, а Сенька подталкивал его в спину. Снег был мокрым, и самокат катился легко. Вскоре Сенька уже не мог успевать и встал на полозья. Берег с высокой разлапистой сосной стремительно приближался. Сенька крепче охватил Васю, уткнулся лицом в его спину. Он чувствовал, как самокат оторвался от берега и, кажется, долго висел в воздухе, потом вновь мягко заскользил. Сенька чуть приоткрыл глаза, но как раз в это время самокат подпрыгнул, и произошло непонятное. Неизвестно, как самокат оказался за большим камнем, а Вася с Сенькой совсем в другой стороне; они утонули с головой в пухлом сугробе. Вася ворочался, кричал, но подняться не мог: мешал снег, а главное — Сенька навалился сверху.

— Вставай! — вне себя закричал Вася, чувствуя, как за ворот, ожигая ознобом, покатилась водяная струйка. Мальчик рванулся, сбросил Сеньку, вскочил. Все время мучавшая его досада и гнев закипели и прорвались — Вася с размаху ударил Сеньку. Тот сначала удивленно посмотрел на Васю, потом рот его скривился. Забыв про самокат, Сенька с громким плачем бросился наверх. Шапка закрыла ему глаза. Мальчик барахтался в глубоком снегу, несколько раз падал. Васе стало жаль Сеньку. Он хотел окликнуть его, уговорить.

— Ты за что его? Ишь распустил руки! — раздался сверху суровый голос проходившей за водой женщины.

Вася понуро опустил голову. Он и сам не знал, за что ударил Сеньку.

ПРИЗНАНИЕ

Смеркалось. Вася лениво плелся домой.

Вечером он обычно читал. Мать занималась вязаньем, шитьем или тоже читала. С осени она записалась в библиотеку и приносила оттуда большие, толстые книги. Читала их по-своему — то два-три дня не берет за них, а то накинёт на плечи теплый платок, сядет к печи и не отрывается от книги всю ночь. Однажды прямо от книги пошла на работу. Собирается, а у самой глаза красные, мокрые... После Вася заинтересовался книгой. Она называлась «Анна Каренина». Попробовал читать и ничего не понял. Начиналось с того, что в доме каких-то Облонских все смешалось. Как это может все смешаться? Дом опустылеть может. Вот ему, Васе, определенно опустылел, даже заходить в него неохота.

А мороз крепчал. С наступлением темноты он, как ночной сторож, принялся усердно следить за порядком. Пройдет бором и звонко постучит по здоровенным стылым соснам, точно будит

их, то отправится на реку и — толстенный зеленоватый лед трещит и раскатисто бухает.

Не пожалел мороз и Васю. Пальтишко на нем настыло, стало жестким и ничуть не грело. Окоченели руки, пощипывало колени.

Вася нерешительно постоял около ворот и вошел во двор. Окна прихожей светились. Значит, мать дома. Притоптав устены снег, Вася подступил к окну, но как ни старался, увидеть ничего не мог: мороз задернул окна искристой пушистой занавеской. Тяжело вздохнув, мальчик вошел в дом, молча разделся, с трудом снял смерзшиеся пимы и шмыгнул на печку. Греясь и поглаживая блаженно мурлыкающего кота, Вася внимательно наблюдал за матерью. Она занималась обычными домашними делами: готовила ужин, разводила паровой утюг. Но тут же мальчик заметил другое — на столе в горнице появилась большая цветастая скатерть. Мать доставала ее из сундука только по большим праздникам. Сегодня праздника нет, а достала... Сама мать тоже преобразилась: надела серое шерстяное платье, про которое все говорили, что оно очень ловко сшито и молодит Валентину, ярче обычного подкрасила губы, подвела брови, а косы уложила валиком, скрепила белой узорчатой шпилькой. И то ли поэтому или еще почему мать показалась Васе далекой, словно не родной. «Ждет», — мальчик досадливо поморщился, щелкнул в лоб кота, повернулся на другой бок.

Тепло печки приятно разливалось по телу. Вася закрыл глаза, и печка, казалось, тихо поплыла... Где-то рядом монотонно скрипел сверчок.

Разбудил Васю басовитый, с хрипотцой, голос. Открыл глаза и видит за столом Якова в темносинем костюме, при галстуке, лицо чисто, до блестящей синевы выбрито. Сидит на стуле вполуразвалку, небрежно опираясь локтем на разглаженную скатерть. Попробовал бы он, Вася, так сделать — мать сразу бы выговорила. А тут и не заикнется, будто не замечает. Всегда бойкая, сейчас она боится, видать, смело пройти по комнате, сесть, как-то жалко жметесь к комоду. А Яков говорит так же, как и сидит, — небрежно, точно сплевывает через губу слова. Криво, с пренебрежением усмехается.

— Жизнь наша, Валя, на колесах. Вот поэтому больше тридцати лет хожу бобылем. Некоторые не верят...

— Конечно, врешь, — убежденно шепчет Вася, незаметно подвигаясь к краю печки.

— Надоело такое дело, — продолжает Яков, неторопливо и важно вынимая из кармана коробку «Казбека». — Никакого тебе уюта, ня приута. Вот поэтому-то и решил я становиться на прикол. Хватит!

— Если так, то, конечно, пора... — робко соглашается Васина мать и бросает короткий опасливый взгляд на печку, где лежит сын, на окна, затем опускает глаза, густо краснеет.

Совсем странная она сегодня. А Яков, довольный ходом разговора, встает и, попыхивая папиросой, беззастенчиво осматривает комнату, обстановку. Вроде хозяином стал. Это окончательно раздражает Васю. Хочется сказать Якову что-нибудь дерзкое, оскорбительное. Случай для этого вскоре представился.

— А сын-то где? — спрашивает Яков, косясь в зеркало.

— На печке греется. Наверное, уснул, — сказала мать и опять почему-то смутилась.

— А я вовсе не сплю, все слышу, — со злорадством бросил Вася.

— А, вот и хорошо. Я гостинец тебе принес, — Яков достал из кармана маленький сверток. — Конфеты шоколадные... Они, брат, дорогие. Поди, не пробовал?

— Больно они нужны!.. — грубо сказал Вася, хотя конфет шоколадных ему, конечно, страшно хотелось.

— Возьми, если дают, — посоветовала мать, — да спасибо скажи.

Хмурое лицо Васи внезапно оживилось. Он спросил:

— Плоскогубцы с ключом нашел? Помнишь, осенью пропали?

— Найдешь! Не для того, видать, свистнули, чтобы найти.

— Я их взял.

— Брось шутить. Возьми вот конфеты.

— И еще украду!.. Уходи отсюда!.. — вскрикнул Вася и, всхлипывая, спрятался за трубу.

Яков опешил и какое-то мгновение стоял в оцепенении. Затем его лицо исказила злоба. Он стремительно шагнул к печке, казалось, вот сейчас схватит мальчика и бессердечно изобьет. Но Яков, будто опомнясь, криво усмехнулся и покосился на Валентину.

— Возьми конфеты. Подумаешь, инструмент... Забыл я о нем давно. А сиротой не сладко... На себе испытал это.

Яков еще что-то говорил, обращался к Валентине. Но та, ошеломленная поступком сына, или отмалчивалась или отвечала тихо и больше невпопад.

Когда Яков ушел, мать, жалкая, точно побитая, побродила по комнате и вдруг горько разрыдалась.

— Мучитель ты, настоящий мучитель.

Вася молчал, тихо всхлипывая за трубой.

БЕСПОКОЙСТВО ДРУЗЕЙ

Для Васи наступили мучительные дни. Мать, вроде, не стала замечать его, а если иногда и обращалась, то сухим, явно недовольным голосом. Почти все свободное время она копалась в сундуке, доставала и примеряла платья, переделывала их и шила новые. Вечерами ее почти никогда не бывало дома. Библиотечные книги лежали забытыми на подоконнике.

Изредка заходил Яков. Мать сейчас же начинала торопливо собираться. Яков тем временем по-хозяйски сидел за столом, курил. Только курил теперь не папиросы «Казбек», а зеленый самосад, от которого перехватывало горло и кружилась голова. С Васей Яков не только не разговаривал, но даже взглядом его не удостаивал, зато с матерью много шутил и смеялся, и она осмелела с Яковым, все чаще открыто смотрела на него. Серые большие глаза матери при этом становились теплыми, лучистыми, а лицо расцветало. Это угнетало и озлобляло мальчика, возбуждало желание делать всем неприятное, дурное. Но мать, кажется, ничего не замечала. Только однажды, придя из кино, она остановилась около кровати сына. Вася закрыл глаза и, усиленно посапывая, притворился спящим. Мать осторожно опустилась на край кровати, и от нее приятно повеяло духами и морозной свежестью. Она долго задумчиво смотрела на сына. Ее настывшие пальцы нежно коснулись лба Васи, прошли по волосам. От этой родной ласки мальчика будто горячей волной окатило. Сердце забилось часто-часто. Он открыл глаза.

— Спи. Хотела подушку поправить, — сухо сказала мать и отошла от кровати.

Наутро Вася украдкой взглянул в лицо матери — оно, как и раньше, было строгим, а глаза холодными. И от этого опять стало горько, обидно. С Яковым она может разговаривать, шутить, а с ним, Васей, — нет. И опять родилась горечь.

Мальчик все меньше оставался дома. К этому времени отшумели февральские метели и появились первые робкие признаки весны. Слабели постепенно морозы, а солнце, наоборот, с каждым днем молодело, веселело. От его ярких, ласковых лучей таяли затейливые узоры на стеклах окон, снег постепенно серел, оседал, точно увядал. Вечерами с крыш, напоминая огромные гребенки, свисали прозрачные сосульки, а воздух пропитывался тонким пьянящим запахом талого снега и сладкой прели. Хорошо было в бору. Пригретые солнцем и овеянные ласковым ветром, деревья, точно просыпаясь, зашумели, сбрасывая с себя большие комья мокрого снега, которые тяжело плюхались, плотно вливая в нетронутую целину снежной толщи.

Пропадая подолгу на улице, Вася осунулся, потемнел, отчето шрам на щеке стал еще приметнее. Серые глаза тоже, кажется, потемнели, запали, стали угрюмыми и диковатыми. Мальчик все меньше тревожился о предстоящих экзаменах. Мало беспокоили его и уроки. «Ну и пусть не сделал!» — думал он, точно кому угрожая.

Вчера он получил даюйку по русскому языку.

— Ну, Вася, если так дело дальше пойдет, мы с тобой в шестой класс не перейдем, — сказала Глафира Павловна. — Почему не занимаешься?

— Ну и пусть не перейду. Больно-то нужно...

Класс удивленно ахнул. такому дерзкому ответу. Учителыни-

ца, точно уколота, повернулась к Васе и вместо прежнего искреннего уважения к себе увидела в глазах мальчика угрюмую отчужденность, будто она, Глафира Павловна, была виновата в том, что Вася ничего не знал. На щеках учительницы выступили красные пятна. Плотно сжав губы, она на миг опустила голову, а потом подняла ее и спокойно сказала:

— Ну, что же, иди на место.

Садясь за парту, Вася громко, вызывающе хлопнул крышкой. Глафира Павловна укоряюще взглянула на Васю, тот ответил дерзким взглядом. «Так я и испугался тебя.. Подумаешь...» — явно говорил этот взгляд. Через несколько минут опять бухнула крышка парты.

— Вася, если ты будешь мешать, я попрошу тебя из класса.

— Ну, и уйду. Подумаешь... — Лицо Васи будто окаменело, шрам недвижно застыл на щеке. Он встал и, сопровождаемый взглядами удивленных товарищей, решительно направился к двери. Когда он подошел к порогу, вскочила Света Орловская:

— Глафира Павловна!..

— Света, сядь и успокойся! — оборвала умоляющий голос звеньевой учительница и, хотя в классе было очень тихо, торопливо и громко застучала зачем-то карандашом по столу. Вася вышел, хлопнув с размаху дверью.

А Света никак не могла успокоиться. Васю, пионера ее звена, выгнали из класса! Как же это? Большие сипеватые глаза девочки обращались то к одному, то к другому товарищу. Те недоумевающе пожимали плечами, и только Гена Рябинин спокойно отвернулся, вроде его не касалось. Ох, и бессердечный!..

— Света, что ты крутишься, как на иголках? — раздраженно заметила Глафира Павловна.

Девочка поспешно уткнулась в парту.

Глафира Павловна объясняла что-то, Света слышала ее выразительный голос, но ничего не понимала. «Опять двойка, — думала она. — Только одну исправил... Из класса выгнали... Что с ним?» Не верилось, что это произошло с Васей. Он хороший. Они дружили еще до школы, когда были совсем маленькими. В прошлом году сидели за одной партой. Эту зиму часто вместе учили уроки. Мальчик старательно помогал Свете управляться с домашним хозяйством. Обычно после уроков они сразу заходили к Свете. Если корова тянулась через ограду денника к ребятам и просяще мыкала, это наверняка значило, что ни отца, ни матери девочки дома в обед не было. «Сейчас накормим». — Вася ласково гладил широкий курчавый лоб Пеструхи. Положив сумки, ребята принимались за дело. Вася лез на крышу хлева сбросить сена. Света приносила из дома теплой воды. После этого друзья обедали и садились за уроки. Света хорошо знала русский язык. Для нее ничего не стоило определить падеж и склонение, изменить слово так, чтобы ударение падало на

сомнительную гласную. Васе все это давалось с трудом. Зато мальчик брал свое в арифметике. Здесь он проявлял удивляющую Свету сообразительность и упорство. Попадется какая-нибудь замысловатая задача, Света бьется-бьется над ней и отступится. А Вася ни за что не отступится. Подопрет щеку рукой, уставится в потолок и думает, шевеля губами, потом начнет писать. Просидит час-полтора, а все-таки решит. Вскочит радостный, кричит: «Смотри, смотри, с ответом сошлась!»

Звонок, извещающий о конце урока, показался для Светы неожиданным и резким. Девочка испуганно вздрогнула, виновато взглянула на Глафиру Павловну. Собирая в портфель книги, она вдруг подумала о том, что Вася в последнее время переменялся, стал совсем иным. Домой к ней, Свете, не заходит. Уроки вместе учить под всякими предлогами отказывается. При разговоре или грубит, нагло как-то усмехаясь, или смотрит в сторону, будто вину какую чувствует. Как же она раньше не догадалась об этом? Тоже звеньевая!

Лишь только учительница вышла из класса, пионеры один по одному окружили Свету.

— Что же теперь? — растерянно и грустно спросила звеньевая.

Ребята подавленно молчали.

— Ничего не пойму...

Развинченной походкой подошел тонкий, белесый Генка Рябинин.

— Двоечек в нашем звене прибавляется, — Генка раздраженно хлопнул своим стареньким истрепанным портфелем. — Порядка никакого нет. Разболтались. Скоро Глафира Павловна в класс не зайдет. Надо Твердых так пробрать, чтобы жарко стало.

— Ой, какой ты! — Света болезненно поморщилась. — Надо разобраться сначала... Сами знаете, Вася хорошо себя вел.

— Будешь теперь нянчиться, — перебил Гена, все более распаляясь и повышая голос, — психологией заниматься...

Ребята переглянулись, кто-то хихикнул.

— Где вычитал? — лукаво спросила Света, явно намекая на пристрастие Гены к мудреным иностранным словам.

Это окончательно взорвало Рябинина. Багровея, он вплотную придвинулся к парте.

— Мама!.. Думаешь зря тебя так называют?

— Ну и пусть... — резко оборвала Света. — Плохо, что ли? Тебя папой не назовут. Бесчувственный...

Гена растерялся и не мог сразу найти достойного ответа. По лицам окружающих было видно, что они довольны поражением заносчивого товарища.

— В споре рождается истина, — неожиданно послышалось из дверей.

Ребята оглянулись и увидели своего пионервожатого, уче-

ника девятого класса Петю Березова. В синем лыжном костюме, широкоплечий, плотный, он с легкой усмешкой на смуглом лице подходил к столу. Ребята обрадованно заулыбались, а Света нетерпеливо вскочила:

— Ой, и кстати, Петя! Как нехорошо у нас с Васей Твердых получилось. Прямо рассказывать неудобно.

Петя слушал сбивчивый рассказ звеньевой, и веселое добродушное лицо его становилось все серьезнее и серьезнее. Озадаченный, он запускал пальцы в волосы, ломая свой недавно заведенный ежик, которым втайне очень гордился.

— Да, некрасиво... Странно как-то... тут следует разобраться.

— И я тоже говорю, что разобраться надо, — обрадовалась Света. — А он... — звеньевая метнула уничтожающий взгляд на Рябинина.

— Да я что, — поспешил оправдаться тот, — разбирайтесь... Мне-то что...

— Знаете, ребята, — после некоторого раздумья сказал неторопливо Петя, — я посоветуюсь с Глафирой Павловной и директором. Побеседуем с Васей, с его матерью. Возможно, придется обсудить поведение Васи на сборе.

— Обязательно, — радостно поддержал Генка. Он любил такие обсуждения, непременно выступал на них с суровой критикой.

— А сейчас давайте подумаем о другом, — продолжал Петя. — Не за горами экзамены. Надо помочь Васе подтянуться по русскому языку. Мне кажется, поручим это дело звеньевой Свете Орловской.

Пионеры нашли предложение правильным, а Гена Рябинин многозначительно заметил:

— Пусть помогает: старые друзья!..

ЯКОВ ОПЯТЬ СТАНОВИТСЯ НА ПУТИ

Говорят, что Орловские — здешние, старожилы. Они приехали из далекой горной деревни сразу, как организовался совхоз, более двадцати лет назад. С тех пор живут безвыездно. Правда, Степан Григорьевич Орловский четыре года воевал с фашистами, побывал в Берлине и опять вернулся в совхоз. Да и куда можно ехать, если в совхозе началась у них настоящая жизнь. Здесь они научились грамоте, получили специальность, вступили в Коммунистическую партию. В совхозе родилась единственная дочь Света. Здесь прошумели годы молодости.

Живут Орловские в согласии. Конечно, не все бывает гладко в семье, не всегда в доме радость. Но Орловские от трудностей и неудач головы не вешают. Мария Ивановна и Степан Григорьевич умеют ценить людей, делить с ними радость и горе. Света тоже с малых лет привыкла принимать все близко к серд-

ду. Чужая радость и горе волновали ее не меньше. Вот подружки поговорили о Васе и, кажется, сразу забыли. Вышли из школы, засмеялись, затараторили. А у Светы Вася из головы не выходит. Что с ним теперь? Одумался, поди, и места себе не находит. Хотелось сейчас же поговорить с мальчиком, успокоить его.

У калитки своего дома она остановилась, на секунду задумалась, прикрыв пушистыми ресницами большие синие глаза. И вдруг, решительно взмахнув портфелем, бросилась сломя голову вдоль улицы.

Сразу за переулком высился огромный, похожий на гору, сугроб. За ним точно спрятался Васин домик с веселыми зелеными ставнями.

Скользя по твердо утоптанной тропинке, Света сбегала с сугроба, свободно перешагнула обычно высокую, а теперь совсем утонувшую в снегу ограду, торкнулась в дверь. Но она, как на грех, оказалась запертой. Бросив на замок неприязненный взгляд, девочка, задумчивая, озабоченная, вышла на улицу.

Васи не оказалось ни в клубе, ни в библиотеке, ни на звероферме. На всякий случай девочка заглянула в магазин, столовую, гараж, но и там его не было. «Где он?» — Свету охватила тревога. Побродив бором, девочка извилистой, еле приметной тропинкой направилась к берегу Катуня. Туда больше всего любил ходить Вася. На небольшой круглой поляне Света приостановилась. Снег на поляне стал рыхлым, издреватым, как пемза, исполосованным длинными синеватыми тенями. Плотно прислонившись друг к другу, сосны стояли хмурыми, недвижимыми, будто их удивляли неизвестно откуда появившиеся две молодые березки. Стройные, нежные пришельцы, казалось, робко вздрагивали. А вот летом березки совсем иные, неузнаваемые: нарядные, красивые стоят, окруженные соснами, как две подружки в хороводе. Кажется, вот-вот раздадутся их звонкие, задорные голоса.

— Ничего, скоро опять весна, — Света ласково прикоснулась к белому, гладкому стволу и вдруг спохватилась о забытом на минуту Васе. Стала зорко всматриваться между деревьями, прислушиваться. Но кругом стояла немая тишина, даже ветка не хрустнет. Неугомонные сороки и те куда-то пропали. Это еще больше обострило тревогу девочки. Она решительно зашагала, сама не зная куда. Конечно, Вася здесь где-то. Больше негде... «До вечера буду ходить, а найду», — упрямо твердила Света.

Девочка не ошиблась. Вскоре между деревьями мелькнула фигурка в знакомом сером пальтишке. Девочка бросилась вперед. Он, Вася! Света чуть не вскрикнула от радости, но во-время сдержалась, решила подкрасться незаметно.

Вася, прислонившись к могучей, потемневшей у подножья сосне, задумчиво смотрел вдаль. Внизу, в нескольких шагах, лежала под отвесным берегом Катунь, тихая, точно умершая.

За ней — широкая пойма в стылых гребнях снежной намети. А в мгlistой дали, где бледно-голубоватое небо сливалось с заснеженной ширью полей, виднелись легкие, едва заметные очертания синеватых гор.

Осторожные шаги за спиной вывели Васю из задумчивости. Внутренне дрогнув, он, принимая безразличный, скучающий вид, оглянулся.

— Вот ты где! — обрадовалась девочка.

— А кому я потребовался? — Беззаботно посвистывая, мальчик нагнулся, смял снег в упругий комочек и, ловко размахнувшись, бросил его.

Света неотрывно следила за полетом комочка. Казалось, она так старательно искала Васю лишь для того, чтобы убедиться, как он умело бросает. Когда снежок стремительно упал на синеватую прогалину льда и разлетелся, Света сказала:

— Зазнаваться ты, Вася, стал.

Мальчик удивленно покосился на Свету. Скажет тоже... Почему же ему, Васе, зазнаваться? Пятерки, что ли, получает? Будто не знает или насмехается.

— И не отказывайся... Конечно, зазнаешься, — упрямо твердила девочка. Опустив глаза, она тихо добавила: — У нас не бываешь... Даже разговаривать по-хорошему не хочешь, — в голосе девочки слышалась явная обида.

— Глафира Павловна говорила что? — внезапно спросил Вася.

— Обидно ей... Извиниться тебе, Вася, надо.

Серые глаза мальчика стали задумчивыми, холодными, ушли под насупленные брови. Он опять посмотрел через Катунь вдаль, где бледным, синеватым рисунком виднелись горы.

И как Света ни старалась, вызвать на откровенность Васю не могла. Он напоминал свернувшегося в клубочек ежа: ни с какой стороны к нему не подступишься. В досаде и растерянности Света ковырнула ногой снег, потом скатала из него маленький комочек и бросила в реку. Вася скупно улыбнулся.

— Тоже бросает!..

— Пойдем к нам? Папа книжку новую привез. Пойдем?

Вася долго молчал, потом буркнул:

— Ну, пошли...

В сенях Вася начал старательно обметать ноги. Мальчику правилось бывать в доме Орловских. Снаружи он такой же, как все остальные, а внутри залюбуешься: крашеный пол блестит, стены ровные, белые, на окнах цветов полно, этажерка вся заставлена книгами, журналами. У Светы свой уголок: небольшой столик, а над ним — полочки для книг. Рядом — комод, на котором сверкает лаком радиоприемник. И нигде ни одной пылинки. Это Света за всем следит. Мать на работе, а она все перетрет, вымоет, прикоснуться к чему-нибудь остерегаешься.

Больше всего манила Васю Светина библиотека. Вот и сей-

час он, сняв у порога валенки, начал перебирать на полочках книги. Среди известных оказалось много таких, которые Вася не только не читал, но и не видел. Вот новая, видать, только что из магазина. Называется она «Судьба барабанщика». Написал ее Аркадий Гайдар. Вася пробежал несколько строк, потом страницу и углубился в книгу, забыв обо всем.

— Ох, и интересная, не оторвешься! Хочешь, возьми, — предложила Света.

Вася благодарно взглянул на девочку. Добрей, подумал, что бы Свете такое хорошее сделать. Может, сена сбросить, помочь воды принести или дров наколоть? Это для него пустяки.

— Задачи трудные на дом дали, — внезапно сказала Света, берясь за портфель.

— Ну-ка давай!.. Сейчас мы с ними справимся, — обрадовался Вася.

Мальчик действительно быстро решил задачу, оживленно и старательно объяснил все. После этого девочка предложила заняться русским языком. Вася поморщился, моргнул несколько раз, будто ему соринка в глаз попала, но согласился. Тонкая, в ситцевом голубеньком платице, неуклюжая, как все девочки-подростки, она проворно, с явной радостью, достала учебник, тетрадь. Вася тоже раскрыл свою сумку.

Ребята уже переписали почти все предложения в тетради, когда к воротам, скрипя тормозами, подкатила автомашина, груженная какими-то ящиками. Хлопнула дверца кабины, и Степан Григорьевич, переступая порог, сказал:

— Дочка, собери-ка скоренько поесть. На мясокомбинат спешу.

Высокий, чуть сутуловатый шофер торопливо сбросил замасленный полушубок, шапку и только после этого заметил в передней Васю.

— А-а, Вася! Давненько ты у нас не бывал. — Шофер улыбнулся.

— Опять продувал? — спросила Света, заметив на полных губах отца черные кольца колоти.

Шофер, секунду недоумевая, покосился на дочь, затем поспешно провел ладонью по губам.

— Угадала. Продувал. — Степан Григорьевич засмеялся. Вокруг глаз собрались морщинки, а темное, сухое лицо округлилось, стало добродушным, даже по-детски наивным. Стараясь не затоптать большими обмерзлыми валенками пол, он широко шагнул к умывальнику, а оттуда — к маленькому столику у окна. Света достала из шкафчика хлеб и полную кринку молока. Вася, выйдя из передней, встал в дверях, любовно поглядывая на дядю Степана. Хотелось солидно поговорить с ним, сказать что-нибудь толковое, словом, не ударить в грязь лицом.

— Садись, Вася, со мной, — предложил Степан Григорьевич, отрезая широкий ломоть белого хлеба.

— Спасибо.

— Спасибо потом... Садись.

— Конечно, садись! — подтвердила Света.

— Да я не хочу. Дядя Степа, а как вы соревнуетесь? Кто теперь впереди?

— Яков впереди. — Дядя Степа подлил в стакан молока и вдруг спохватился, вскинул на Васю глаза. — Да, сегодня Яков говорил, что будто ты инструмент у него когда-то украл.

— Папа! — девочка бросила на отца укоризненный взгляд. Худенькое нежное лицо ее стало страдальческим, как от нестерпимой боли. А Вася, весь красный, с опущенной головой, медленно отступал вглубь двери.

— Я знаю тебя и потому не поверил.. — Степан Григорьевич помолчал немного, собираясь с мыслями. Наконец, сказал: — Да ведь не поверили ему...

Чувствуя, что утешение оказалось неубедительным, Степан Григорьевич встал, растерянно потоптался около стола.

— Ну, я поеду, а то не успею.

Вскоре зарокотал мотор, и машина ушла.

Света, убрав со стола, вошла в горницу. Вася недвижно стоял у печки.

— Выдумал тоже... Конечно, никто ему не поверит, — пожимая плечами, сказала девочка.

Вася поднял голову. Лицо его было теперь бледным — даже шрам незаметно, а взгляд — горячим и решительным.

— Я украл. И ещё украду!

Пока ошеломленная Света опомнилась, Вася уже бежал по улице. Девочка нерешительно шагнула к двери, остановилась. Вот как получилось! Успокоила Васю, помогла... Что теперь делать?

ВСЕ СМЕШАЛОСЬ

Хуже нет, когда на душе неспокойно. Вася нигде не находил себе места, ничего на ум не шло. Даже сон не брал. Вот уж действительно все смешалось... Выходит, правильно про каких-то Облонских было написано: может все смешаться...

.. Мать уходит на работу, когда за окнами едва замутнеет рассвет. Вася обычно в это время сладко спит и ничего не слышит. Чтобы он не опоздал в школу, мать ставит на стул в изголовье будильник. Звонит он громко и так настойчиво, что сонный мальчик не раз в сердцах хватал его и совал под подушку. Будильник и там продолжал трезвонить, только хрипло, точно его душили.

Так было всегда. Но сегодня мать только поднялась с постели — Вася очнулся. Мать ушла, а он долго лежал с открытыми глазами. Потом, неумытый, лениво слонялся по комнате и все думал. Думал о разном, а потом оказывалось, что об

одном и том же — о Якове. И зачем его принесло в совхоз? Жили без него. Как хорошо было. И еще Вася думал совсем о другом, о судьбе мальчика-барабанщика. Но потом оказалось, что эти мысли тоже о Якове. Вчера Вася убежал от Светы, забыв в расстройстве книгу. После он взял «Судьбу барабанщика» в библиотеке и залпом прочитал. Странно, что среди шпионов, обманувших мальчика, был Яков. Павлюков-то, может, и не шпион, но, безусловно, плохой — вредный и хитрый. Настоящая змея. А матери нравится... Глядишь, женятся... Тогда он убежит в синие горы. Пусть живут одни.

Будильник показывал без пятинадцати девять. Собирая книги, Вася почувствовал, что ему совсем неохота идти в школу. Стыдно было встречаться с Глафирой Павловной. Нагрубил ей вчера. А все из-за противного Якова. Не влекла его в школу и встреча с друзьями. Да и много ли у него настоящих друзей? Вот разве Света Орловская, да еще Лева Абрамов. Но дружба слевой была странной. Это, возможно, потому, что сам Лева был таким. Небольшой, неловкий, с маленькими глазками, он почти всегда о чем-то сосредоточенно думал. В этой задумчивости Лева часто не замечал окружающего и, случалось, оказывался смешным, напоминая сонного. Спросят о чем-нибудь Леву, а он как не слышит. Повторят громче. Он отзовется и смотрит на всех так, будто с неба свалился. Разговаривал Лева при крайней необходимости и не совсем складно. Это сказывалось на учебе. Арифметика и письмо шли у него отлично, а с историей и географией хуже получалось.

Дружба у Васи слевой завязалась в прошлом году, в лесу. Ранним майским утром Вася увидел мальчика под большой черемухой. Старая, с размашистыми могучими ветвями, черемуха цвела, напоминая опустившееся на поляну белое облако. Лева будто замер, внимательно к чему-то прислушиваясь. Что можно услышать под черемухой? Это удивило Васю. А еще больше удивило полное краснощекое лицо Левы с небольшими мало выразительными глазами. В нем теперь не было и тени прежнего, похожего на сонливость, равнодушия. Глаза мальчика блестели, передавая трепетное душевное волнение, а лицо побледнело и будто осунулось.

— Ты что тут?

Лева привлек Васю за рукав и сказал:

— Слушай!

Удивленный Вася слушал, слушал, и ничего не услышал. Правда, из поселка доносились обрывки голосов, стук молота, равномерное, неторопливое пыхтение двигателя электростанция. Но не это же привлекало внимание Левы.

— Слушай! — властно, с досадой приказал Лева и подтолкнул Васю к черному стволу дерева в тугих, точно сплетение мышц, наростах. Это обидело Васю. Он раздраженно отбросил Левину руку и хотел уйти, но, смиряя себя, опять прислушался.

И услышал мощный низкий гул, напоминающий затихающий звук басовых струн гитары. Поднял голову и увидел в белых, точно обернутых ватой ветвях тысячи золотистых, мохнатых пчел. Вместе с этим мальчик остро почувствовал пьянящий аромат черемухи.

— Вот работа! — восхищенно сказал Лева и вышел на тропинку. Шел он неторопливо, часто останавливаясь. Все привлекало его внимание. Он долго любовался пышным кустом шиповника, а потом заключил: «Недострога». Затем его внимание привлек прилипший к стволу сосны дятел, в пестром, ярком одеянии. Лева долго прислушивался к тонкому мелодичному позваниванию невидимой синицы, и на его губах бродила счастливая мечтательная улыбка. На зеленой лужайке он сел, извлек из кармана складной нож с обломанным лезвием, пилки, стеклышки и даже наждачную бумагу. Через несколько минут в его руках оказалась маленькая свистулька. Полузакрыв глаза и не переставая улыбаться, Лева приложил ее к губам, и по лесу разнеслось позванивание синицы. Ей ответила вторая. Потом серебряным колокольчиком зазвенел жаворонок, застрекотала сорока, зловеще каркнула ворона. Вася смотрел на мальчика и диву давался. Тот ли это Лева, всегда тихий, до безразличия спокойный?

— Возьми, — Лева подал Васе свистульку.

Еще более удивился Вася, когда побывал у Левы. В сарае, на большом перевернутом ящике, он увидел коня, охотника с ружьем и на лыжах. Все вырезаны из дерева, и так здорово, что залюбуешься. Лева оказался уступчивым и очень простым. Он целыми днями мог сидеть за ящиком, резать, пилить, строгать. Когда же вещь была готова, Лева оглядывал ее и без всякого сожаления кому-нибудь отдавал. Так он отдал Васе лису и рамку для портрета с затейливым, вырезанным лобзиком, узором.

Вася подружился с Левой. Плохо было то, что Лева не участвовал ни в каких играх и затеях. В этих делах он оказался совершенно непригодным. Зато в лесу или на реке с ним было интересно.

...«Вот с Левой бы убежать в синие горы. Его можно уговорить. Лето придет и убежим», — окончательно решил Вася, стыскивая замок, чтобы закрыть дом.

В широкие двери магазина, который открывается в девять часов, то и дело заходил народ. Вася невольно забеспокоился. Уж не опоздал ли он в школу? Пospешно запахнув пальто, мальчик бросился бежать. Без передышки бежал до клуба. Отсюда хорошо видно высокое здание школы с большими окнами. На крыльце толпились ребята. «Звонка не было. Не опоздал». — Вася перешел на шаг и облегченно вздохнул. «А что, если вся школа узнала об инструменте? — внезапно явилась мысль. — Скажут: вор». — Краснея, Вася прикрыл рукавицей

глаза и, круто свернув, пошел напрямик в бор, глубоко проваливаясь в снег. Вася уже поравнялся с первой сосной, когда с крыльца призывно зазвонил звонок. Мальчик, не оглядываясь, прибавил шагу.

Тем временем в классе все расселись по местам и тут только заметили отсутствие Васи. Лева Абрамов неторопливо, вразвалку подошел к Светиной парте, встал, сосредоточенно пощипывая коротким, чуть вздернутым носом.

— Ты чего? — с притворной грубостью спросила звеневая. — Звонок был.

Лева показал глазами на пустующее Васино место и озадаченно почесал затылок.

— Может, опаздывает, — предположила Света, стараясь обнадежить и мальчика и себя.

Лева согласно кивнул головой и ушел на место.

Но вот зашла Глафира Павловна, а Васи все не было. Значит, не придет.

Не успел дежурный доложить, кто явился на занятия и кого нет, как взгляд учительницы, скользнув по рядам, остановился на Васиной парте. При этом бледное строгое лицо Глафиры Павловны омрачилось.

После звонка на перемену в классе не было обычного оживления, смеха и шуток. Ребята долго сидели на местах, притихшие и озабоченные. Даже Гена, которому вчера так хотелось «разнести» Васю на сборе, имел озабоченный вид. Света сбегала за вожатым. Петя пришел, недоумевающе передернул плечами, осторожно провел рукой по своему ежику и отправился в учительскую. Вскоре они с Глафирой Павловной зашли в кабинет директора. Снедаемые любопытством, девочки попытались подслушать разговор в кабинете, но их пристыдил дежуривший по школе старшеклассник.

После уроков Глафира Павловна опросила класс, не знает ли кто причину отсутствия Васи. Больше всех об этом, пожалуй, могла сказать Света. Но она ничего не сказала. Удержала ее боязнь причинить неприятность Васе. Скажи, а потом будут считать его вором. А он ведь определенно не вор. Пусть хоть и взял инструмент. Все равно... Вот разве рассказать обо всем наедине Глафире Павловне? «Нет, лучше я сперва сама все узнаю», — твердо решила девочка.

ТРУДНЫЙ РАЗГОВОР

Глафира Павловна была старой, опытной учительницей. Среди ее многочисленных учеников один стал Героем Советского Союза, а другой — конструктором, удостоенным Сталинской премии. Приезжая в отпуск, они первым делом навещали свою учительницу. Принимая от знатных питомцев большие букеты полевых цветов, Глафира Павловна приходила в умиление, рас-

страивалась. Глаза наполнялись радостными слезами, а сама становилась растерянной и беспомощной, как ребенок. В такие минуты она много, зачастую не к делу, суетилась и, не без основания, считала себя самой счастливой на свете. В самом деле, кто может быть более счастливым? Разве врач, спасший человека от неминуемой смерти?

Глафира Павловна считала, что в отношениях с ребятами все должно быть простым и ясным. И если случалось, что кто-либо из ребят начинал плохо себя вести, учительница теряла спокойствие. Рождалась неумемная тревога. Она росла, точила, как болезнь, до тех пор, пока Глафира Павловна не находила причины неправильного поведения ученика.

Склонясь над стопкой тетрадей, учительница часто задумывалась. Около стола крутилась четырехлетняя племянница, что-то предлагала, требовала, но тетя не слышала.

— У, нехорошая... — девочка надула губки.

Пришлось помириться с девочкой и отправить ее на улицу. После этого Глафира Павловна решительно взялась опять за тетради и невольно опять задумалась. Ясно было одно — в Васю вселился дух противоречия и присущее многим ребятам в таких случаях стремление делать все наперекор, «назло». Чем это вызвано? Правда, Вася и раньше отличался неровностью поведения и капризами, но теперь будто переродился. Причины, очевидно, надо искать дома. По совету директора Глафира Павловна хотела вызвать Васину мать в школу. Уже написала ей записку, затем порвала ее — решила навестить Валентину сама.

Учительница вышла из дома, когда уже темно. Было пасмурно, тихо, падал крупный мартовский снег. Он приятно освежал лицо, белил пальто и черный каракулевый воротник. В такую погоду хотелось идти и идти куда-нибудь, слушая похрустывание снега под ногами, дать волю мыслям. Они обычно улетают в прошлое, к волнующим годам юности, или упорно пробиваются в будущее. А снег падал и падал, ложилась снежинка к снежинке, незаметно образуя пухлую искристую толщу. Вот так и жизнь... Как снежинки, мелькают прожитые дни, образуя годы, десятки лет. Промелькнет детство, юность, настанут зрелые годы, а там, глядишь, и старость. Тяжело вступать в нее, когда пройдешь по жизни, не оставив глубокого следа. Незавидная будет старость. «Человек делами своими крепок», — вспомнилась фраза из недавно прочитанного романа. Это следует знать каждому с самых ранних лет, чтобы потом не поздно было. За себя-то, кажется, ей беспокоиться не приходится: за четверть века немало сделала в школе.

Учительница вдруг спохватилась, упрекнула себя за мечтательность и начала обстоятельно обдумывать предстоящий разговор с Валентиной. Только бы избежать официальности, правильный тон взять.

У ворот Орловских маячили в густеющей темноте две ма-

ленькие фигурки. Со середины улицы Глафира Павловна не могла их узнать. Очевидно, Света. Но с кем она? Пора и домой. Послышавшийся разговор все выяснил.

— А тебе-то какое дело? Чего пристаешь? — грубо сказал Вася.

— Вот всегда ты так.. Невозможный какой-то, — в голосе Светы явно звучала обида. — Можешь не говорить, я и так знаю. Побоялся — об инструменте скажу. Я не сказала. Конечно, это не хорошо, не по-пионерски. — Света замолкла, очевидно думая, что же сказать товарищу наиболее убедительное, чтобы вызвать его на откровенность. Вдруг голос ее зазвучал громко. В нем чувствовалась даже затаенная радость.

— Скрываешься — хуже себе делаешь. Узнают ребята — в самом деле подумают, что ты вор. Лучше честно рассказать.

Вася в ответ лишь тяжело вздохнул. Слушая Свету, ему порой становилось не по себе. Хотелось рассказать все про Якова, про мать, о своем намерении убежать из дома. Но это желание быстро гасло. Мальчик опять угрюмо замыкался в себя.

Глафира Павловна свернула на тропинку, пошла к ребятам. Узнав высокую, чуть сутуловатую фигуру учительницы, ребята притихли.

— Здравствуйте, Глафира Павловна, — поспешно и как-то неловко сказала Света. За девочкой робко поздоровался Вася, а сам прижался к воротам, втянул голову в плечи, точно на него замахнулись.

— Елена Алексеевна говорила, что завтра у вас контрольная по арифметике. Ты, Вася, должен написать на пятерку. Ведь за прошлую работу у тебя пятерка была?

— Пятерка, — смущенно буркнул Вася. — Я и завтра напишу...

— Он, Глафира Павловна, помогает мне задачи решать.

— Правильно делает. Хорошие товарищи всегда помогают друг другу, — сказала Глафира Павловна и пошла вдоль порядка домов.

Вася провожал ее удивленным взглядом. Боялся — станет ругать, а она и словом не обмолвилась, будто не его вчера выгнали из класса, не он сегодня пропустил занятия.

А Глафира Павловна была занята другим. Нечаянно услышанный разговор вызвал у нее смешанные чувства. Обрадовало то, что она узнала некоторые причины непонятного поведения Васи. В то же время явилась досада и горечь. Учительница никак не могла простить себе своей оплошности. «Проворонила. На опыт понадеялась», — мысленно ругала себя Глафира Павловна, ускоряя шаги. Теперь ей не терпелось побеседовать с Васиной матерью, выяснить все. Но и здесь учительницу ожидала неудача.

Март намного прибавил хлопот на звероферме. Теперь, ожидая лисят, звероводы дежурили по ночам. Много времени отнимала кормежка зверей. Старший зоотехник — молодая, серьезно-

то вида девушка в очках — кажется и не уходила с фермы. Вместе с Марией Ивановной они осторожно присматривались к лисам, тихо совещались, затем уходили в сторожку. Тетя Маруся доставала из шкафика журнал, и зоотехник, близоруко уткнувшись в него, делала карандашные пометки, отдавала приказания. Одной лисе предлагалось сбавить рацион, второй — не давать мяса, третьей зоотехник прописывала витамины в жидком виде. При кормежке все это надо точно выполнить, не смешать лис.

Валя не боялась работы. Проворная, исполнительная, она в труде забывала о времени.

Сегодня звероводы закончили работу, когда уже совсем стемнело. Сняв халаты, начали мыть руки. Самая молодая в бригаде девушка, отстраняя подруг, подступила к умывальнику.

— Галя, как не совестно?

— Успеете насидеться на печи. Вот разве ей некогда, — Галя показала черными озорными глазами на Валентину. Звероводы недоумевающе переглянулись, а Валентина смутилась.

Когда выходили из сторожки, Мария Ивановна задержалась на пороге, припоминая, не забыто ли что, все ли сделано, а Галя тем временем затянула:

Каким ты был, таким остался...

Валентина бросила удивленно-обиженный взгляд на подругу. Ей показалось, что и песней Галя продолжает подсмеиваться. Но девушка пела вдохновенно, отдавая песне всю душу. Постепенно ее трогательно-мягкий голос увлек и Валентину. Да и стоит ли обращать внимание на шутки подруг? Валентина улыбнулась своими сочными губами и запела. Бригадир слушала, слушала и тоже запела. Песня окрепла, зазвенела по безмолвному лесу.

В поселке расстались. Марию Ивановну ожидали в конторе неотложные дела. Галя спешила до начала репетиции драмкружка поужинать и переодеться. У одной Валентины было свободное время. Оставшись на дороге, она подумала и решила навестить старую подругу. Зашла и покаялась. Уж лучше было не заходить. Одно расстройство.

Школьная подруга обрадовалась Валентине, заставила снять стеганку, усадила на диван.

— Сейчас ужинать будем.

В белом фартуке, засучив рукава, она проворно лепила пельмени. Ей неумело, но со всем детским усердием помогала пятилетняя дочка. Потное лицо, руки и платице девочки были в белых мучных пятнах. Здесь же за столом сидел муж, рабочий пидорама. На коленях у него пружинисто подскакивал годовалый сынишка, махал пухлыми ручонками, точно хотел улететь.

— Гу... ма... ма, — мальчик вздувал на губах пузыри.

Мать смотрела на сына, мужа, дочь, и счастье, казалось, не умещаясь в глазах, разливалось по лицу.

Валентина вдруг, бледнея, вскочила.

— Побегу, — глухо сказала она. Пряча наполненные слезами глаза, она торопливо оделась и выскочила на улицу. Шла, не разбирая тропинки. «Нехорошо завидовать чужому счастью. стыдно», — жестоко укоряла она себя. Но эту мысль сбивали и заслоняли другие. Почему она завидует? Нет! Ей просто горько, досадно. Проклятая война! Все исковеркала.

Дома Валентина, не раздеваясь и не включая света, долго сидела за столом, думала, пыталась разобраться в нахлынувших чувствах.

Двенадцать лет назад проводила она мужа на фронт, и с тех пор сердце будто в кулаке кто сжал. Все время тоскует, болит. И когда оно только успокоится? Конечно, если бы одна, а то сын. И ему хочется счастья и себе. Вот познакомилась с Яковом. Нравится он. Каждый день Валентина открывает в Якове что-нибудь такое, что напоминает мужа. То улыбнется так, то взглянет, то в голосе вдруг послышатся знакомые и дорогие нотки. И, возможно, все было бы хорошо, если бы не Вася. Так мальчишка послушный, заботливый, а с Яковом мир не берет. Инструмент украл! Слыханное ли дело! Со стыда сгоришь... А что Яков подумает?

Скрывая материнские чувства, Валентина пыталась холодным, безразличным отношением сломить упрямство сына. Оказалось еще хуже. Как чужими стали.

За этими мыслями и застала Валентину Глафира Павловна. Ее приход насторожил Валентину. Включив свет, она пригласила учительницу сесть, а сама сняла стеганку и встала у печки. Глафира Павловна добродушно улыбнулась, спросила:

— Как живете?

— Ничего, — неопределенно ответила Валентина, чувствуя, что не об этом должна говорить учительница.

— Вы знаете, что Вася сегодня не был на занятиях?

— Как не был? — тонкие брови Валентины удивленно поднялись.

— Не был.

— Не знала.

— В конце концов, не в одном дне дело. Я зашла посоветоваться с вами, поговорить откровенно. Никак не могу понять, что произошло с Васей в последнее время. Он грубит, заниматься хуже стал. Особенно плохо у него с русским языком. Он может не перейти в шестой класс. Это меня беспокоит. Вася хороший, способный мальчик. Что с ним? — Глафира Павловна пересела испытующий взгляд на Валентину. — Возможно, дома что-нибудь... нервная обстановка или еще что?

Валентина удивленно пожала плечами.

— Живем, как всегда.

— Я слышала, он какой-то инструмент у Якова Павлюкова взял.

Валентина смутилась.

— Не слышала... не знаю, — и, совсем краснея, опустила голову. — Я поговорю с ним, узнаю. Спасибо.

«Вот и не получилось откровенного разговора», — с досадой подумала Глафира Павловна и внезапно почувствовала сонливую усталость. Вспомнились почему-то прожитые годы. «Двадцать шестой год в школе... Можно и на пенсию...»

Усилием воли учительница отогнала эти мысли и попыталась еще раз вызвать Валентину на откровенность. Но разговор не вязался, Глафира Павловна тяжело поднялась, бросила на хозяйку короткий, недоуменный взгляд и вышла.

Валентина долго ходила по комнате. Как в огне, горело ее лицо.

ДРУЖНАЯ СЕМЬЯ

В свободное время Орловские любят вспоминать, как они приехали в совхоз и что тут было. Света слушает и ушам не верит. Оказывается, глушь тоскливая была. Среди сосен и непроходимого кустарника виднелось несколько наспех поставленных домиков да большой неуклюжий барак, в котором разводили кроликов. Через несколько лет привезли откуда-то издалека черно-серебристых лисиц и соболей, мех которых называют «мягким золотом».

А теперь какой бы новый человек ни приехал в совхоз — посмотрит на школу, клуб, водонапорную башню, зверокухню, пройдет новой улицей и обязательно скажет: «Да у вас тут настоящий город».

Лис вначале содержали в клетках, которые устраивались прямо на земле. И, наверное, поэтому звери сильно болели, много щенят погибало. Как ни бились звероводы, ничего не могли сделать. Хотели уж звероферму на другое место переносить. Но как раз в это время старший зоотехник прочитала в журнале, что есть иные, новые клетки. Их ввели в одном из подмосковных совхозов. Пол в этих клетках сетчатый и совсем не соприкасается с землей, от которой всякую заразу можно получить. Поэтому новые клетки всем понравились. Посоветовались звероводы и решили завести их у себя. Много было канители, больших это денег стоило. Но зато болезни зверей постепенно совсем прекратились. Теперь старшему ветврачу дяде Саше вроде и делать нечего, — пройдет в белом халате по ферме, посмотрит на зверей, побеседует с бригадирами, зоотехниками и удалится в лечебницу, лишь иногда возьмет какую-нибудь подозрительную лису или соболя на лабораторное исследование или на рентген. А раньше ветврачу покоя не было, день и ночь бегал от фермы к лечебнице, только полы халата развеивались. Делал зверям разные прививки, лекарства всякие носил, а болезни не прекращались.

Мать Светы не раз говорила, что нелегко вырастить хороших телят, ягнят или поросят, но еще труднее ухаживать за дикими зверями. Заболели, скажем, лиса или соболюшка — нужно помочь им, послушать или лекарства дать, а они зубы скалят. Еще больше возни со щенятами. Когда родятся лисята или соболята, хочется знать, сколько их, живые ли, здоровые. А как узнаешь? Если заглянешь в гнездо — мать перестанет кормить детенышей, или еще хуже: вроде назло, возьмет да и выбросит их. Зверята, конечно, пропадут. Самое меньшее две недели нельзя подходить к гнезду. Особенно капризны соболюшки. Поэтому звероведам приходится судить о состоянии зверят по разным, известным им одним признакам, по тому, как ведет себя мать щенят.

Вечерами Мария Ивановна засиживается за журналами и толстыми книгами по звероводству. Когда она сидит, Света тоже не может уснуть, тоже чем-нибудь занимается, пока не начнет одолевать зевота, а глаза не станут слипаться.

— Ложись-ка, дочка.

— А ты?

— Посижу еще...

Света ляжет, спит, спит, сон какой-нибудь приснится. Испуганно откроет глаза и видит за столом маленькую, сухонькую фигуру матери.

— Мама, когда же спать будешь?

— Успею, дочка...

Девочка удивляется: небольшая, худенькая, а устали не знает.

Однажды за ужином Мария Ивановна сказала:

— Задумали мы породу лис улучшить. Большая работа. Не знаю, справимся ли...

Степан Григорьевич вскинул темное обветренное лицо. Задумчиво прищуря один глаз, хотел что-то сказать, но опять склонился над тарелкой и, кажется, еще усерднее заработал ложкой. Поужинав, он довольно крикнул, неторопливо закурил и, широкоплечий, грузный, прошелся по комнате.

— Хорошее вы дело затеяли, нужное. А я, Маша, тоже не хочу стоять на месте, — сказал Степан Григорьевич, опускаясь опять на стул. — Хочу подготовиться и на первый класс сдать. Надо. Техника растет.

— Все учиться будем? Да, папа? — радостно спросила Света.

Вскоре на ферме началась бонитировка: зверей измеряли, взвешивали, определяли качество меха, справлялись в толстых книгах о родителях. Самых лучших выделяли в бригаду Марии Ивановны. От них и должны были получить хороших щенят.

Осенью Марию Ивановну избрали секретарем партийной организации. Работы намного прибавилось. Теперь в обеденный перерыв или после работы она зачастую шла в контору. Дома хозяйничали Света и отец. Главной хозяйкой была, конечно, Света. Отец только помогал. Да и может ли мужчина по-настоящему

понимать в домашних делах? Знает ли он, как приготовить ужин? А Света знает, не хуже матери сделает. Правда, и у нее случаются промахи: то пригорит, то недоварится, то выкипит. Но все это полбеда, если бы не молоко, которое надо кипятить. Как ни следи за ним, а обязательно убежит, и чад по всему дому разойдется.

— Эх, ты, стряпуха! — укорит отец.

Девочке досадно, слезы на глазах навертываются. Хорошо говорить, а попробовал бы сам...

Приготовит Света с отцом ужин и в ожидании матери займется каждый своим делом. Степан Григорьевич возьмется разбирать схемы питания или зажигания автомашин, а Света готовит уроки, читает или примется проверять и приводить в порядок свою аптеку.

Еще в четвертом классе избрали Свету в санитарную комиссию. Выдали маленькую сумочку с красным крестом. В ней были бинт и несколько немудрых медикаментов первой необходимости. Света должна была следить за чистотой ребят, сидящих в среднем ряду.

Свои обязанности она принялась исполнять так усердно, что некоторым стало невтерпёж. Лева, у которого пальцы вечно болели и были завязаны неопределенного цвета тряпицами, пробовал переселиться от Светы на крайний ряд, но ничего не вышло — девочка разоблачила эту уловку, да еще сказала, что Лева совсем забывает об ушах — в них скоро можно будет картошку сажать.

Постепенно девочка перенесла свою деятельность в дом, гонялась здесь за каждой соринкой, собрала в ящиках комода, буфета и швейной машины скопившиеся годами разные порошки, таблетки, аккуратно завернула их и надела: «аспирин», «пирамидон», «сульфидин», «марганцовка»... Стала подкупать к ним другие. Во флаконах из-под одеколона и духов появились йод, нашатырный спирт, скипидар, кругленькие, похожие на леденцы, витамины.

Степан Григорьевич как-то посмотрел и удивился:

— Ого, настоящая аптека!.. Не иначе врачом будешь. Придется для тебя чемоданчик сделать.

И сделал. Покрасил его белилами, а сверху нарисовал красный крест с надписью: «Аптека-летучка Светы Орловской». Света весь вечер прыгала от радости. Очень уж удобный чемоданчик! Полочки в нем, ящички, гнезда для флаконов.

Мало-помалу узнали о Светиной аптеке соседи. В ранний или поздний час стали обращаться с нуждами:

— Света, нет ли, касатка, чего у тебя от кашля?

Просили «от головы», простуды, угара. Бледное лицо девочки в таких случаях оживлялось, синие глаза довольно сияли. Она готова была разбиться, но выполнить просьбу.

— Ты осторожней со своими лекарствами...

— Нет, мама, я знаю...

За родителями Света следила так же, как за учениками в школе. Придет отец или мать с работы, она внимательно осматривает их руки, и если не найдет ни ушибов, ни ссадин, ни укусов, так даже недовольно нахмурится. Хочется полечить...

Вот и сегодня, едва Мария Ивановна переступила порог, а Света как держала какие-то порошки, так с ними и бросилась навстречу.

— Мама, тебя не покусали?

— Что ты, дочка, или меня каждый день должны лисы кусать? Я уж не помню, когда такое было. Не первый год работаю.

— Может, хоть немножко оцарапали? — попытывалась Света. — А лисята не родились?

— Вот лисята, кажется, есть.

— Правда? — девочка подпрыгнула и закружилась на одной ноге.

— Хватит, мартышка, — сказал, усмехаясь, отец.

За ужином Света поняла, что рождение лисят не обрадовало мать, а обеспокоило. Мать не обедала сегодня и все же ела неохотно.

— Что случилось? — спросил Степан Григорьевич.

— Да ничего еще не случилось. Лиса меня беспокоит. По всему видать — нерадивая мать. Как бы не бросила щенят.

— Может, кто заглянул?

— Нет, такого у нас не бывает.

— А как же, мама, лисята теперь пропадут? — испуганно спросила девочка.

— Не знаю, что и делать.

После ужина Мария Ивановна просматривала газеты, Степан Григорьевич включил радиоприемник. Он ровно загудел. Небольшое круглое стеклышко вверху постепенно наливалось зеленью и, наконец, ярко расцвело. Поплыла удивительная музыка. Легкая, прозрачная, она плескалась, журчала, как лесной ручей. Потом вдруг послышались тревожные ноты. Они нарастали, а через несколько секунд музыка уже напоминала Катунь на крутых перекатах: мощно билась, шумела, взлетала, требовала воли, простора. Потом улеглась тревога, стих шум. Музыка опять стала нежной, прозрачной, и в доме будто посветлело, точно солнце заглянуло в него.

Слушая музыку, Света размечталась. Вспомнила о весне, цветах, о походе к верховью Оби, где сливаются Бия с Катунью. Чудные реки! Сошлись, а воды не смешали. Так и лежат двумя полосами: мутнозеленые, напористые — Катунь и светлые, плавные — Бия.

Когда легли в постель, Мария Ивановна пригласила дочку к себе, Света обрадовалась. Любила она погреться около матери, приласкаться к ней. В одной рубашонке торопливо прошлепала по крашеному полу, нырнула под одеяло.

— А ноги-то как ледяшки, — удивилась Мария Ивановна, обнимая дочь. — И руки холодные. На улице долго была?

— Некогда, мама... Сегодня мы с Васей у ворот только постояли, а к нам он не пошел.

— Почему же? Он, кажется, и в школе сегодня не был?

— Не был. Замучились мы с ним. Не знаем, что делать. Хотели на сборе обсудить, а потом Петя посоветовался с Глафирой Павловной и говорит: не надо. А все вон папка виноват, — с укором сказала девочка. — Сказал про инструмент. Вот Вася и не пришел в школу, побоялся — вором назовут.

Степан Григорьевич шумно повернулся на своей постели, крикнул.

— Откуда я знал, что такое получится. Я спроста... Слышал и сказал.

— У тебя все спроста получается, — упрекнула Мария Ивановна.

Замолчали. В наступившей тишине слышались ровные и неторопливые вздохи дизеля электростанции. Казалось, возилось, сопело огромное животное.

— Удивительно! Никогда за мальчишкой ничего плохого не замечалось, и вдруг украл. Зачем ему инструмент? И почему у Якова?..

— По всему видать, не в ладах они. Слышал, Яшка говорил шоферам: женился бы на Валентине, барахла у нее много от мужа осталось, но одно, говорит, удерживает — сынишка настоящий волчонок.

— Вот здорово! — возмущенно воскликнула Мария Ивановна и даже приподнялась на подушке. — Смотри какой! И ты его не одернул, отец?

— Не стал связываться. Скандальный он. Говорит, что все завидуют ему.

— Испугался! — упрекнула Мария Ивановна. — Да если бы при мне он такое ляпнул, я бы ему показала... Вот замашки!

— Это у него есть... Ну, а насчет работы он ловкий.

— Вот и плохо, что мы смотрим только на работу, а душой человека не интересуемся. А она, может, гнилая. Работать он будет из-за денег. Сам говоришь, что Яков так и смотрит «налево».

— Да, на деньги он падкий. И насчет души правильно говоришь.

РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Вася возвращался домой, когда на высоких столбах вспыхнули большие электрические лампочки. Их яркий свет заливал широкую улицу, падал во дворы. Там он постепенно редел, становился мутным, как весенняя вода в Катунь, и, наконец, таял в подступившей из бора густой темноте.

Взойдя на высокий сугроб, мальчик увидел у крыльца Гла-

фиру Павловну. «Жаловаться пришла», — Вася поспешно зашагал от дома. Издали видел, как учительница, выйдя из ворот, остановилась под фонарем, точно не знала, куда пойти. И медленно пошла к конторе, большие окна которой ярко светились. А Вася в задумчивости долго смотрел, как вокруг лампочки бабочками густо кружились, мелькали большие мохнатые снежинки. Мысли тоже кружились, мелькали, больно давили сердце. Домой идти не хотелось. «Начнет ругаться, стыдить, да еще, чего доброго, в угол поставит», — Вася зябко поежился, хотя погода была теплой, приятной, и стал думать о том, почему все люди бывают разными. И матери тоже разные. Вот тетя Маруся сразу видать, что хорошая мать. Никогда он, Вася, не слышал, чтобы она ругала Свету. Все добром говорит. Так-то лучше. А его мать и хорошая и нехорошая, разная. Лучше бы она была как тетя Маруся. Разве та стала бы с Яковом знакомство заводить, в кино и на танцы с ним ходить? И на него, Васю, не стала бы сердиться. Подумаешь, инструмент украл. Если бы у кого еще, а то у Якова. Так ему и надо.

С такими мыслями Вася долго бродил поселком. Подходил к дому Орловских. В талые окна хорошо было видно, как хлопотала в кухне Света. Дядя Степа сидел за столом. Если бы не он, можно бы зайти.

Но решился Вася зайти и к Лева. Товарищ занимался своим обычным делом — резал что-то на подоконнике. От усердия скривился и высунул кончик языка. На слова Лева не охотник, ну, а насчет школы может спросить, почему, скажет, не был. Что отвечать? Скорей бы уж таяло. Тогда ушел бы в лес или в горы.

Около клуба Вася неожиданно встретился с матерью. Мальчик сразу даже не узнал ее. Всегда быстрая, легкая, она шла медленно, неуверенно, будто сильно устала или заболела. Подняв голову, скользнула по испуганному сыну холодным, безразличным взглядом и вошла в клуб.

В просторном, высоком зале было пусто, тихо. С большого полотна на стене неудержимо катился разъяренный морской вал. Казалось, вот-вот он обрушится, все сметет.

Валентина незаметно присела в уголке. На сцене шла репетиция. Галя, бойко сверкая глазами, с кем-то спорила, что-то доказывала.

— С душой спорь, чувствуй свою правоту. Повтори! — получал голос не видимого Валентиной заведующего клубом.

И девушка еще усерднее начинала повторять. Валентина смотрела на подругу, слушала, но никак не могла понять, о чем она спорит и что доказывает.

— Хорошо, — заключил голос заведующего клубом, и Галя, довольная, сбежала со сцены, под села к подруге.

— В воскресенье премьера! Я, наверное, умру со страха. Вот ты не участвуешь в самодеятельности и не представляешь, как

первый раз выходить на сцену. Смотреть-то куда? А ты Яшеньку своего ждешь? Красивый, а не нравится мне... Себе на уме, как-то верить такому не хочется, — Галя лукаво взглянула на подругу, и чернобровое лицо застыло в удивлении. — Что с тобой?

— Так... Ничего... Настроение плохое, — Валентина криво усмехнулась и поднялась, чтобы уйти.

— Ты куда? Репетиция закончилась, танцы будут.

Действительно, вскоре заиграл баян. На его переличатые голоса зашлепала молодежь. Появился и Яков Сладко улыбаясь, подсел рядом, что-то говорил. Потом они танцевали. Валентина, постоянно чувствуя на себе ласковый взгляд Якова, вдруг подумала: «Что я расстроилась? Стоит ли обращать внимание на мальчишку. Привыкнет...».

Она начала шутить и, кажется, забылась. Но кончился вальс, и опять вспомнился сын, Глафира Павловна. Стало почему-то душно.

— Я сейчас приду, — сказала она Якову.

Вышла и медленно побрела по улице. Около Доски почета остановилась. На алом, ярко освещенном бархате — фотографии лучших людей совхоза. Среди них и Валентина. Снималась на работе. В сером халате и легкой косыночке казалась молодой, точно девушка. «Вот работать умею, а жизнь свою устроить не могу», — горько подумала Валентина. И опять явилась старая мысль, которой Валя стыдилась и которую гнала от себя. — мысль о том, что она не одна, с сыном. А он — помеха. Точно спасаясь от этой мысли, Валентина круто повернулась и зашла в контору.

В коридоре было тихо и безлюдно. Лишь дежурная телефонистка настойчиво куда-то звонила да из комнаты секретаря партийной организации доносился разговор. Немало за вечер там побывало народа. Долго сидела у Орловской Глафира Павловна, ее сменила старший зоотехник. Затем пришла пожилая женщина с жалобой на мужа. Сейчас у Марии Ивановны сидел управляющий Заречным отделением.

Когда он уходил, Мария Ивановна увидела в открытую дверь в коридоре Валентину.

— Заходи! Что с тобой? Недавно пела...

— С сынишкой, Мария Ивановна, что-то неладно получается. Да и вообще... — Валентина устало села и, опустив голову, сосредоточенно рассматривала свои ногти. — Комом моя жизнь идет.

— Что же такое? — Мария Ивановна закрыла на ключ дверь. — Так-то лучше.

Валентина помолчала, как бы собираясь с мыслями, и начала все открыто, без утайки рассказывать. Говорила тихо, неторопливо, порой вскидывала на парторга большие, налитые грустью серые глаза.

Мария Ивановна кое-что уже знала от Глафиры Павловны,

кое о чем догадывалась. Но теперь все это получило определенный смысл и ясность. Накрыв маленькой ладонью выпуклый лоб и потирая, точно массируя его, парторг задумалась. А когда Валентина, замолкнув, опустила грустное лицо с тонкими чуть подкрашенными бровями, Мария Ивановна, не отрывая от лба руки, медленно подняла глаза и долго с материнской теплотой смотрела на нее.

— Понимаю тебя. Молодая, красивая и столько лет одна... Трудно. — Мария Ивановна помолчала и в раздумье опять сказала: — Трудно. Ну, а Яков нравится тебе?

Щеки Валентины охватил легкий румянец. В волнении она начала покусывать полные губы. Они заалели, будто налились вишневым соком.

— Так-то нравится. Ну а какой он — не узнала еще, — не поднимая головы, сказала Валентина.

— Вот это-то и плохо. Главное в человеке — душа. А тебе особенно об этом надо помнить, потому что нужен не только муж, а и отец сыну. Смотри, Валя, не оступись. Сделаешь несчастной и себя и Васю.

— А что же Яков, плохой? — Валентина чуть приподняла голову.

— Новый он в совхозе. Что у него за плечами — неизвестно, — уклончиво ответила Мария Ивановна. — Мне вот Яков каким-то фальшивым кажется. Возможно, ошибаюсь, — Мария Ивановна бросила на Валентину быстрый, испытующий взгляд. — Присмотрись хорошенько к нему сама. Только не торопись. Время покажет... А с Васей ты зря так поступила. Он характером, видать, в отца, суровостью его не возьмешь. С ним надо добром да лаской. Он тогда шелковым станет. А так ты загнала его в тупик. За инструмент, видать, стыдно, да тут еще мать не разговаривает — мальчонке деваться некуда. Какая уж тут учеба.

— Правда, — согласилась Валентина, — сглупила я. Ведь измучилась с ним. С Глафирой Павловной тоже нехорошо получилось. Вот к вам сама пришла, а с ней стыдно было откровенно разговаривать. А после места себе не могла найти.

— Вася отца-то вспоминает?

— Только и разговор о нем. Просит рассказывать...

— Рассказывай. Больше рассказывай. Сергей и теперь поможет тебе воспитать сына.

Валентина тяжело вздохнула. Большие серые глаза наполнились слезами.

ШАРФ И КОНТРОЛЬНАЯ

Как ни теплая погода, а если долго пробудешь на улице — все равно озябнешь. Вася забрался на печь. По телу разлилась дремотная теплота, но уснуть мальчик не мог — беспокоили разные мысли.

Когда пришла мать, Вася притворно закрыл глаза, начал усердно посапывать. А тревожные мысли не давали покоя. Думалось, вот-вот раздастся сердитый окрик: «Слазь-ка! Хватит притворяться!» И начнется неприятный разговор. Собственно, это будет не разговор, а ругань матери. Он же, Вася, молча опустит голову. Больше нечего делать. Если начнешь обороняться или признаешься, что не пошел в школу из-за этого проклятого ключа и плоскогубцев, еще хуже будет. Скажет, зачем брал. Воровством занялся. А как это объяснишь? Все равно не поймет она.

Опасения мальчика не оправдались. Мать будто забыла о нем. Она звякала посудой, щепала лучину, растапливала печь. Вскоре зашипела сковорода, и изба наполнилась аппетитным запахом, по которому Вася безошибочно определил, что мать печет оладьи. Неплохо бы их поесть, горячие, пышные, пропитавшиеся маслом... Но как поешь? Вот кот счастливчик, расхаживает, видать, по комнате, мурлычит. Мать разговаривает с ним.

— Ну что? Проголодался? Сами еще не ели.

Сами? Значит, мать имеет в виду и его, Васю. Голос-то у нее, кажется, добрый. С чего бы? Или это только с котом?

Вася осторожно придвинулся к краю печи и попытался чуть-чуть приоткрыть глаза. Много-то нельзя: чего доброго, еще заметит... В узкие щелочки хлынул лучистый свет, заискрился радугой на ресницах. Вася невольно зажмурился, а когда вновь приоткрыл веки, то никак не мог поверить увиденному. Мать стояла около печки, смотрела на него, улыбалась, отчего лицо ее округлилось, стало молодым и очень красивым. В серых глазах мелькали веселые искорки.

— Иди кушать, — Валентина протянула к сыну руки.

У Васи дрогнуло и радостно заколотилось сердце. Он порывисто бросился к матери, крепко обхватил шею, прижался к щеке.

— Ух, какой тяжеленный! — Валентина поставила сына на лавку и удивленно, как после долгой разлуки, смотрела на него. — Вон какой вырос! Настоящий парень.

Вася довольно засмеялся и, чтобы показаться еще больше, незаметно приподнялся на цыпочки.

Потом Вася сидел за столом, уплетал за обе щеки оладьи и говорил, говорил без конца. А что говорил, и сам не помнил. От прежнего недовольства не осталось и следа. Теперь мать казалась лучше и красивее всех. Что там тетя Маруся!.. Она, конечно, хорошая, но не такая...

Лохматый сибирский кот тоже, кажется, радовался наступившему в доме миру. Усердно мурлыча, он взбирался к Васе на стул, на колени. Порой кончик его пушистого хвоста касался Васиного подбородка, уха, приятно щекотал. Мальчик щедро одаривал кота кусками оладьев.

После ужина перешли в маленькую, уютную горницу. Валентина с загадочной улыбкой открыла сундук, который всегда привлекал мальчика неизвестностью содержимого. В нос щекотливо

пахнуло нафталином. И чего только не было в этом небольшом на вид, но прямо бездонном ящике. Мать нет-нет, да и вынет из него то заветную фотографию, то толстую общую тетрадь отца. Однажды она достала пышное, из очень тонкого и красивого материала, платье, долго держала его в руках, а потом грустно сказала:

— С отцом регистрироваться в нем ходила...

Васю больше всего интересует толстая тетрадь — дневник отца. Хочется его почитать. Но мать отрицательно качает головой и говорит:

— Когда подрастешь... Мал еще... Не поймешь всего...

А сегодня, может, и разрешит почитать: сама сказала — вон какой вырос. Но Вася не успел исполнить своего намерения, мать вынула из сундука большой синий шарф.

— На, сынок, носи, — мать глянула на сына и тихо добавила: — Отцов...

Это слово обожгло мальчика. Он схватил шарф, бережно прижал его к груди, потом примерил. Когда шарф коснулся шеи, стало так приятно, будто сам отец приласкал его, Васю. Счастливый мальчик прошелся по комнате.

Валентина, ласково следя за сыном, вдруг поднялась со стула и плотно сжала губы, точно старалась побороть внутреннее волнение. Потом будто опомнилась, улыбнулась.

— Сынок, — сказала она, — а Яков тоже был на фронте. Может, вместе с палой воевал.

Вася оторопело остановился посреди комнаты, удивленно покосился на мать.

— Не был он!.. — категорически заявил мальчик после минутного молчания.

— Был. Ты поговори с ним.

— Нечего мне с ним говорить. Сама говори, если охота...

— Ну, ладно, — смиряюще сказала мать, видя, как насупился сын, как похолодели и стали чужими его большие серые глаза. Валентина отвернулась и долго смотрела на окно, сквозь стекла которого, подернутые кружевным ледком, черными пятнами проступила ночь. А Вася, отойдя к печке, никак не мог успокоиться. Потом вспомнил о забытом на шее шарфе, схватился за него, и сразу стало легче. Мальчик аккуратно повесил шарф на спинку кровати.

Сонный Вася протягивал в темноте руку к шарфу — на месте ли? Хотелось, чтобы скорее настало утро. Пусть посмотрят на шарф в школе. И только временами появлялась беспокойная мысль — почему мать снова заговорила о Якове. Уж не помирить ли с ним хочет? Больно он нужен.

В школу Вася заявился первым из учеников своего класса. Он разделся, повесил пальто, а на него — шарф. Но через некоторое время появилось опасение, что ребята, вешая свою одежду, уронят и затопчут шарф. Вася хотел положить его в карман, по-

том передумал и, захватив с собой в класс, повесил на спинку парты.

Вскоре пришли Света, Лева и остальные ребята. Звеньевая, увидев Васю, радостно улыбкунулась, но, точно спохватившись, тут же приняла серьезный вид и прошла к своей парте. Никто из ребят и словом не заикнулся ни об инструменте, ни о том, что Вася не был вчера на занятиях. Это успокоило. Вася вспомнил о шарфе. Досадно, что на него не обращают внимания. Даже никто не спросил. Вася не выдержал и сказал Свете:

— У меня папин шарф. Мама подарила...

— Правда? — удивилась звеньевая. — Ребята, сюда!

В проходе между партами образовалась густая толпа. Вася стоял в центре и в радостном смущении время от времени повторял:

— Папин... Он его носил.

Шарф бережно, как нечто драгоценное, передавали из рук в руки. Одни при этом удивленно качали головами, другие многозначительно тянули:

— Да-а...

Лева, как самому близкому товарищу Васи, хотелось первому посмотреть на подарок. Да где там! Его сразу оттеснили в сторону, прижали к партам. Там он и остался. К Васе подошел, когда уже прозвенел звонок и все ребята разошлись по местам. На протянутые ладони он принял шарф и долгим задумчивым взглядом смотрел на него. Сказать он ничего не сказал, но звучно чмокнул несколько раз полными, чуть выпяченными губами. Это означало у него высшую меру похвалы.

Лева вспомнил о своем дедушке. Два года назад он караулил по ночам звероферму, а днем хлопотал по хозяйству, учил внука резьбе. Как-то дедушка пожаловался, что занемог. Пролежал два дня на печке, потом неделю в больнице и умер. Лева никак не мог понять происшедшего. Был дедушка и не стало его. Если бы не обелиск на желтом холмике земли, не старенький полушубок на вешалке, да не валенки на печке, можно подумать, что дедушка вовсе не жил на свете. Как это все получается?

Когда Глафира Павловна, приняв доклад дежурного, взялась за журнал, Лева поднял руку, но тут же в смущении ее опустил.

— Ты что хотел, Лева?

— Да я ничего, — мальчик уже был не рад, что учительница заметила, как он поднимал руку. — Я про Васю хотел... Он... Отец его... — Лева окончательно сбился, часто заморгал маленькими глазами, на лбу выступила испарина. Безотчетно двигая крышку парты, он молчал. Потом решительно вскинул голову и начал говорить так, точно пробивался из глубокого снега на торную тропинку.

— У Васи отцов шарф. Мать подарила... Мы все смотрели... Странно как-то... Васиного папу мы не знаем, а шарф цел. Вот

и все, — упавшим голосом заключил Лева, чувствуя, что не сумел сказать главного, беспокоившего его. И поэтому он с надеждой уставился маленькими глазками на учительницу. «Вы, конечно, поймете, Глафира Павловна», — говорил его взгляд.

Учительница утвердительно кивнула головой.

— Садись, Лева.

Глафира Павловна медленно, даже очень медленно закрыла журнал, отодвинула его на угол стола и, выйдя на середину класса, задумалась. Из слов Левы учительница поняла, что шарф Васиного отца разбудил в ребятах интерес к загадочно-неумолимым законам жизни и смерти — тому, чему часто поражаются и взрослые. И сама она только вчера задумывалась о своей надвигающейся старости. Но следует ли останавливать на этом внимание детей? У них все впереди. «Вот поэтому-то и следует говорить», — твердо решила Глафира Павловна и взглянула на притихший в ожидании класс.

— По-разному, ребята, люди живут. Одни состарятся, умрут и забудутся. А другие вроде совсем не умирают. Своим трудом и подвигами они как бы побеждают смерть. Так произошло с Олегом Кошевым, Александром Матросовым, Лизой Чайкиной и многими другими. Не умер и Васин папа. Да и как он умрет, если живет совхоз, в котором он замечательно трудился, живет Родина, которую он вместе со всеми отстоял от фашизма.

— Васин папа отдал Родине все, что мог, — затуманенный взгляд учительницы остановился на мальчике. И весь класс удивленно повернулся к нему. Глаза Васи лихорадочно заблестели, да и сам он весь трепетно дрожал. Слова учительницы родили в нем новые, большие мысли и чувства. Они, как волшебная сила, живо воскресили отца. Теперь он стал еще дороже и роднее.

— Шарф... Отцов шарф, — чуть прищурясь, протяжно сказала Глафира Павловна. — Вы правильно, ребята, поняли, что это дорогой подарок, — учительница испытующе посмотрела на мальчика, как бы спрашивая: «Можешь ли ты быть таким, как отец?»

Вася понял, а больше сердцем почувствовал это. Он еще более заволновался, лицо запылало. Мальчик порывисто вскочил:

— Я обязательно буду таким, как папа. По русскому подтянусь... А когда вырасту, то все силы отдам для Родины, — звонкий, дрожащий голос Васи захватил товарищей. По глазам ребят учительница видела, что они полны восторженной решимости. Кажется, вот-вот весь класс, как клятву, повторит слова Васи. По губам учительницы еле заметно скользнула удовлетворенная улыбка, бледное лицо покрылось пятнами румянца, а густая сетка морщин под глазами быстро разгладилась. Листая классный журнал, Глафира Павловна думала о том, что ей, кажется, удалось найти путь к Васиному сердцу и этим возместить все прошлые неудачи. Да и не только к его сердцу. Затронуты лучшие,

благородные чувства всех ребят. Сознание этого радовало все больше и больше. Но творческое счастье педагога нередко оказывается капризным. Оно неожиданно омрачается...

В большую перемену, после которой ребята должны были писать контрольную по арифметике, в учительскую забежала взволнованная Света, за ней у приоткрытой двери стояли не менее взволнованные подруги.

— Что случилось? — спросила Глафира Павловна, поднимаясь с дивана.

— Вася с Геней Рябининым подрались... Они не подрались, — мы не дали... Вася только толкнул Гену.

— Как это произошло?

Девочки, перебивая друг друга, рассказали. Оказывается, Гена, бегая по классу, нечаянно уронил Васин шарф и наступил на него. Вася вспылил и приказал поднять шарф. Гена заупрямился.

— Вася расстроился... Покраснел весь... — заключила Света.

Выслушав девочек, Глафира Павловна хотела немедленно пойти в класс разобраться во всем. Потом подумала и сказала.

— Идите, девочки. И не приставайте ни к Васе, ни к Гене. Они успокоятся. Ничего особенного не случилось.

Подруги ушли.

— Этот Вася Твердых какой-то странный, — поднимаясь с дивана, сказала Елена Алексеевна, молодая, только что окончившая институт, преподавательница арифметики. — Он иногда смотрит совсем не по-детски, как-то не по себе становится от его взгляда, — учительница смущенно опустила красивые голубые глаза. — Потом в его поведении бывает много непонятного. Вот хотя бы этот случай... Из-за какого-то пустяка он чуть не затеял драки. А вообще способный...

— Елена Алексеевна, советую вам внимательней присматриваться к пустякам, тогда у вас очень мало останется непонятного в поведении ребят. Шарф для Васи — не пустяк, — Глафира Павловна осторожно и ласково взяла за локоть молодую учительницу и подвела к дивану. — Послушайте...

Елена Алексеевна слушала, и красивые голубые глаза ее сначала стали удивленными, потом оживленно заблестели.

В класс молодая учительница шла с досадным чувством недовольства собой. Плохой она еще педагог. Вот Глафира Павловна педагог! А она что?.. Эти мысли порождали неуверенность и робость перед ребятами. Они перешли в растерянность, когда учительница увидела Васю. Он сидел мрачный. Полоска шрама на хмуром лице недвижимо застыла. Пальцы нервно теребили учебник. Мальчик не потянулся, как другие, за своей тетрадью. А когда Елена Алексеевна положила тетрадь на парту, Вася безразлично отвернулся. Гена же чувствовал себя беспокойно. Потупив глаза, он то и дело двигался, по временам робко взглядывал

на окружающих, как бы говоря: «Да я чего? Я ничего... Он сам... Я, конечно, могу извиниться».

Елена Алексеевна начала переписывать на доску заранее приготовленные условия письменных задач и примеры. Класс притих, насторожился. Все нетерпеливо следили за выходящими из-под руки учительницы словами и цифрами. Девочки сокрушенно вздыхали и охали.

— Ой, ни за что не решаю... — шепотом уверяла подруг Света. — Сроду не было таких...

— Так уж и не было? — шутливо спросила учительница, не отрываясь от доски.

— Конечно... Трудные...

Только Лева вел себя с невозмутимым спокойствием. А когда учительница отошла от доски, он внимательно прочитал условия задач, солидно подумал, поскреб затылок и только после этого неторопливо взялся за ручку.

— Решайте! — сказала Елена Алексеевна и села за стол.

Класс словно замер. Слышалось лишь усердное посапывание, скрип перьев, шелест бумаги. Вася тоже склонился над партой. «Решает», — подумала учительница и, услыша осторожный шепот в задних рядах, неторопливо поднялась. Оказывается, Вася склонился над закрытой тетрадью. Елена Алексеевна удержала на мальчишке требовательный взгляд. Вася не шевельнулся и даже не поднял головы. Учительница растерялась и не знала, что делать. «Какой упрямый, тяжелый характер»... — подумала она, чувствуя, как в душе вскипает неприязнь против Васи, глухое негодование на него. Будто опомнясь, Елена Алексеевна круто повернулась. Ходила по классу, отвечала на вопросы ребят, но чувство неприязни к мальчику не угасало. Даже усилием воли учительница не могла освободиться от него. Стало неловко, стыдно за себя. С нервной поспешностью она взглянула на часы. Прошло уже двадцать минут, а Вася еще не приступал к контрольной работе. Сжимая добела сомкнутые пальцы, учительница опять неторопливо прошла классом, встретилась с беспокойными взглядами ребят.

— Послушайте, ребята, — неожиданно даже для себя сказала Елена Алексеевна. — Васин папа был настойчивым человеком. Он упорно добивался намеченной в жизни цели. А есть иные люди — упрямые и капризные. Они стоят на своем, не думая, правы или нет. Этим они сами себе мешают. Такие люди многого в жизни не добьются, — не взглянув на Васю, учительница села, с досадой думая о том, что не так сказала. Коряво, неубедительно у нее получилось. Ну да ладно! Будь, что будет.

— Решайте! — строго сказала Елена Алексеевна и отвернулась к доске.

В конце урока ребята начали сдавать контрольные работы. Первым положил свою тетрадь на стол Лева, за ним — Гена. Третьим поднялся из-за парты Вася. Он шел по классу, смущен-

но опустив голову. Тетрадь робко положил на угол стола. Сейчас же легло на нее еще несколько. Но Елену Алексеевну беспокоила Васина. Неужели он так и не решал? Конечно, не решал. Учительница пододвинула стопку, бегло просмотрела одну тетрадь, вторую и взялась за Васину. Ее нетерпеливый взгляд пробежал по странице раз, второй. Учительница довольно улыбнулась и почему-то сразу почувствовала усталость.

НЕСЧАСТЬЕ НА ЗВЕРОФЕРМЕ

Кончились дни, когда весна вела себя осторожно, боязливо. В то время не каждый мог заметить едва уловимые признаки ее присутствия. Лишь в середине дня теплело солнце, и тогда рыхлел и оседал на пригреве снег, редко звенела капель, в прозрачном воздухе четко проступали синеватые горы, точно они двигались к поселку. Но к вечеру обязательно крепчал мороз, часто дул леденящий ветер, играли поземки.

Теперь весна, молодая и радостная, смело зашагала по Алтаю. Все меньше становилось снега. Днем талые крыши курились пахучей испариной. В полях, напоминая заплаты, стали появляться проталины с кудлатыми остатками прошлогодней травы, называемой в здешних местах ветошью. По темным дорогам важно, по-хозяйски расхаживали неизвестно когда появившиеся грачи.

Старуху-зиму брала досада. Но время ее ушло. Лишь ночами зиме иногда удавалось похозяйничать. Вот сегодня, когда ребята шли в школу, северный ветер обжигал лица, пронизывал одежду, а под ногами звонко хрустел и звенел, точно битое стекло, ледок. Но стоило подняться над бором солнцу, и сразу отмякло. А когда окончились занятия и ребята, не задерживаясь, выскочили на улицу, снег стал крупчатым и насквозь пропитался водой. На тропинках же он превратился в бурю кашу.

Ребята смотрели на свои валенки и сокрушенно вздыхали. Один Вася оказался предусмотрительнее других — пришел в школу в сапогах. И хотя утром в них стыли ноги, зато теперь он победно поглядывал на окружающих. Вася первым двинулся на дорогу. Одежда казалась теперь тяжелой и совсем ненужной. Скорее бы на берегу Катуня просыхало — там, играя в лапту, можно не только раздеться, но незаметно для взрослых и босиком побегать.

За Васей неотступно, точно привязанный, шагал Лева. Его тянуло спросить товарища о контрольной. Неужели Вася задачи решил? Лева открыл было рот, но внезапно хлынули другие мысли, мальчик задумался. Так и брел вслед, безразлично шлепая большими набухшими валенками.

Света тоже была в валенках. Она шла обочиной дороги, внимательно выбирая места, где скрытый тенью снег меньше всего таял. Иное, казалось, девочку не интересовало. В действитель-

ности же Света все время волновалась. Волновалась и во время урока, когда упрямился Вася, и после, когда сдавала свою тетрадь Елене Алексеевне. Девочке казалось, что она обязательно что-нибудь напутала в решении задач и теперь получит двойку или самое большее тройку. А хотелось непременно иметь четверку, еще лучше бы, конечно, пятерку... Только не получить... Хотя бы Вася получил. Вот он обернулся. Света покосилась на Васю и тяжело вздохнула.

Девочка уже хотела свернуть к своему дому, когда увидела в воротах стоявшей на отшибе ветеринарной лечебницы старшего ветврача дядю Сашу. И тут она вспомнила о лисятах. С досадой на свою забывчивость даже охнула, будто обожглась. Наверное, с лисятами что-нибудь случилось. Конечно, ведь мать вчера говорила... Так бы дядя Саша не стал спешить. А то бежит, придерживая полы развеваемого ветром халата. В сапогах, видать, скользко. Дядя Саша чуть не упал, смешно взмахнув рукой с белым, в точности таким же, как у Светы, чемоданчиком. Ветврач пересек дорогу и узкой тропинкой углубился в лес — на звероферму. В зеленой поросли сосняка еще маячила его коричневая шапка, когда на крыльцо конторы вышла старший зоотехник в черном полушубке с пушистой серой оторочкой. Всегда неторопливая, степенная, девушка на этот раз поспешно сбежала по ступенькам крыльца и тоже устремилась на звероферму. Такого Света выдержать уже не могла.

— Ой, что-то случилось... — не сказала, а простонала девочка.

Вася слевой испуганно таращили глаза, но понять, конечно, ничего не могли. Да и что поймешь? Изредка появлялись на улице прохожие. Вон на крыше залегла за трубой кошка — воробьев подкарауливает. Все обычное. Вася недоумевающе повернулся к девочке.

— С лисятами, наверное, что-нибудь случилось, — сказала Света.

— Уже есть, родились?! — удивился Вася.

— Конечно... Еще вчера... Только мама говорила — лиса не принимает их. Наверное, пропадут... Сходим?

— Сходим! — без колебания согласился Вася.

Света на секунду задумалась. Ей хотелось забежать домой, переобуться и прихватить свою аптечку-летучку. Может, пригодится. Но тут же явилась мысль о том, что ее лекарства не помогут лисятам. Не дашь же им аспирина или пирамидона? Для лисят нужны другие лекарства. Они есть у дяди Саши.

Небольшое расстояние до фермы показалось Свете необыкновенно длинным. Девочка уже не обращала внимания на валенки, шла напрямик, где придется. Казалось, чуть-чуть она опоздает, и на ферме случится что-то непоправимое. Эта тревога передалась и Васе. Он то и дело прибавлял шаг. Одного Левы, кажется, ничего не касалось. Правда, сначала он шел вместе со

всеми. Потом начал отставать. Да разве утонишься за ними? Несутся, как угорелые. Ничего не станется, если он, Лева, придет немного после.

А когда между стволами сосен показалась сторожка с большой наблюдательной вышкой, у Лева явилось желание вернуться домой. К этому нашлось много основательных причин. Одна из них — насквозь промокли валенки. Вода так и хлюпает в них. Так ведь, чего доброго, простудиться можно, заболеть. Второй причиной и, пожалуй, самой убедительной было то, что Лева захотелось закончить вырезку начатой вчера рамки. А лисята его совсем не интересовали. Подумаешь, невидаль... Намереваясь незаметно вернуться, Лева отставал все больше и больше.

— Лева, ты чего?.. — крикнул оглянувшийся Вася.

— Скорее! Как неживой, — Света нетерпеливо махнула рукой.

— Да у меня валенки...

— И у меня валенки, — перебила Света.

Пришлось Лева покориться.

В маленькой сторожке оказалось многолюдно. Здесь были старший ветврач и зоотехник, зоотехник-селекционер, Валентина, Мария Ивановна и другие звероводы. Все они были задумчивыми и не обратили на вошедших ребят никакого внимания. Даже всегда веселый и разговорчивый старший ветврач и тот не проронил ни слова, лишь бросил на ребят мимолетный, до обиды безразличный взгляд и отвернулся к окну. Потом, думая о чем-то, неторопливо распахнул халат, достал папиросу. Долго мял и катал ее, но так и не прикурил.

Валентина неотрывно смотрела в угол. Взглянув на нее, Вася вспомнил лето, когда он, простудившись на реке, заболел воспалением легких. Вася лежал пластом в постели, все тело горело, а в изголовьи вот так же стояла мать. Как и теперь, в ее лице и взгляде была скорбная тревога и какая-то особенная настороженность, точно мать держала и ужасно боялась уронить что-то большое и очень хрупкое.

Притихшие ребята постояли около порога, потом Света осторожно продвинулась вперед. За ней вскоре последовали Вася и Лева. В углу ребята увидели белый алюминиевый сосуд, чем-то похожий на бидоны, в которые сливают на МТФ молоко. Ни Вася, ни Лева не обратили на сосуд никакого внимания. Стоит он — ну и пусть стоит. Наверное, звероводы держат в нем питьевую воду. Света сначала тоже не обратила внимания... Потом, настороженно озираясь, она заметила, что все взгляды взрослых сходятся на этом бидоне. И Васина мать смотрит, оказывается, на него, а не в темный угол. Почему бы это? И вдруг появилась догадка: это не тот ли недавно полученный прибор, в котором и в холод и в жару можно поддерживать постоянную температуру? И называется он, кажется, термо... термостатом. Мать здорово его тогда хвалила. Конечно, наверное, термостат? Света хотела

спросить об этом мать или дядю Сашу, но не осмелилась. Слишком уж невеселые все. Еще заругаются или, чего доброго, прогонят. Скажут, уходите, без вас тошно. В нерешительности девочка постояла на месте и осторожно, оставляя за собой мокрую дорожку от валенок, подступила к термостату. Ну, конечно, это он. Двойные стенки, как мать говорила... Девочка извиняюще посмотрела на всех, как бы спрашивая: «Я загляну?» И заглянула. Сначала она ничего не приметила. Потом, когда глаза ее привыкли к темноте, увидела лисят. При этом на лице ее отразилось такое сострадание, что Вася и Лева, нетерпеливо подталкивая друг друга, двинулись вперед, начали заглядывать в термостат. До этого ребятам приходилось видеть лисят примерно в месячном возрасте, когда они, величиной с хорошего котенка, озорные, пушистые, диковато выскакивали за матерью из гнезда. Эти же, прожившие на свете всего одни сутки, оказались настолько малюсенькими, что ребята даже не думали, что они могут быть такими. С короткой, еле заметной черной шерсткой, беспомощные, они жалобно, еле слышно попискивали и почему-то не жались в кучу, а ползли в разные стороны. Лисята были совсем некрасивыми. И все же их было невыносимо жалко. У чувствительной Светы синеватые глаза сразу наполнились слезами. Вася нахмурился и засопел. Даже Лева, потеряв свою обычную сонливость, горестно покачал головой и причмокнул губами. Дети попеременно еще раз заглянули в термостат. Было ясно, что лисята скоро погибнут. Вот один уже, кажется, не шевелится. Света тяжело вздохнула и обернулась к матери. Ее грустный, умоляющий взгляд будто подтолкнул Марию Ивановну, привел в себя.

— Так можно весь день продумать. Давайте что-нибудь предпринимать, — предложила она. — Мне, кажется, все-таки надо найти кошку. Другого выхода нет. Да и чего вы боитесь?

— Да, кошки, пожалуй, самые заботливые матери, — заметила девушка — старший зоотехник и, сняв очки, беспомощно, близоруко моргая, начала их протирать тонким батистовым платочком.

— Я, собственно, возражаю потому, — сказал дядя Саша, — что боюсь занести с этими кошками какую-нибудь болезнь на ферму. Кошка есть кошка...

— Ну, примите меры предосторожности. Проверьте ее.

— На первое время ее можно в клетку и не помещать. Тут, в сторожке, и оставим, — сказала Васина мама.

Ребята не верили своим ушам. Слыханное ли дело, чтобы кошка выкармливала лисят? Как сказка какая!

— Еще не так легко кошку с котятами найти, — заметил дядя Саша, явно сдаваясь.

— Найдем! — уверенно сказала Мария Ивановна. — Вот ребята найдут. Правда, ребята?

Ребята переглянулись, Свете стало досадно, что у них кот. Он такой лентяй, вечно лежит на печке и никаких котят у него,

конечно, сроду не бывало. Вася тоже не мог сказать ничего утешительного. Оставалось слово за Левой. Он помолчал, переступил с ноги на ногу, как бы набираясь решимости, и сказал:

— Есть кошка.

— Ну, а чего же ты молчал? — с досадой бросил Вася.

— А я вовсе не молчал.

— С котятами?

— Большие уже. Молоко вовсю уплетают. Нальешь полное блюдо — вылакают и облизываются, — разговорился некстати Лева. Он даже еще хотел что-то сказать, но Вася схватил товарища за рукав, и никто из взрослых глазом моргнуть не успел, как ребята опрометью выскочили из сторожки.

ПОМОШНИКИ

Дома Лева сразу бросился под печку, где было постоянное местожительство кошкиного семейства. Но ни кошки, ни котят там не оказалось. Тогда Лева затянул под кровать, под стол и, подставив табурет, полез на печку.

— Чего это ты мечешься, как угорелый? Что потерял? — недовольно спросила бабушка, внимательно следя за внуком. В больших валеных калошах она сидела у стола, вязала чулок.

Лева промычал что-то невразумительное и потянулся за сидевшей около трубы кошкой.

— Это чего еще удумал? Зачем тебе кошка понадобилась?

— На ферму унесем..

— Куда?! — так угрожающе спросила бабушка, что Света и Вася дрогнули. Родилось опасение, что бабушка ни за что не отдаст кошку. Отложив вязание, старуха встала, руки ее дрожали.

— Самовольник! Кошка старая, мышеловка, а он унесет. Не смей, говорят! — строго прикрикнула бабушка, видя, что, вопреки всему, Левина рука дотянулась все-таки до кошки.

Лева опешил. Беспомощно моргая своими маленькими глазами, он густо покраснел, опустил голову. Потом жалобно взглянул на товарищей. Вася понял это как сигнал бедствия и решил немедленно выступить на помощь.

— Бабушка! — как можно чувствительней воскликнул он. — Честное пионерское, никуда она не денется. Мы же ее принесем. Как она..

— Знаю, как принесете, — взмахивая дрожащей рукой, перебила бабушка. — И нечего тут честное слово давать. Самовольники!

— Вот мама придет, и все равно возьмем кошку, — пригрозил Лева. — Лисята теперь пропадать должны?

— Ты у меня договоришься!.. — так убедительно сказала бабушка, что Лева пришлось без особого промедления слезть с табуретки и двинуться к порогу.

Свете стало ясно, что Лева неумелым своим поведением все провалил. Это из-за его самовольства так расстроилась бабушка. Если бы он по-доброму попросил кошку, объяснил, зачем она нужна, глядишь, по-иному бы все обернулось. А теперь, возмущенная хозяйничанием внука, бабушка и слушать ничего не хочет. Тем не менее, надо было как-то спасти положение.

— Ты, Лева, очень нехорошо поступаешь, — солидно заметила Света. — Бабушка старенькая, а ты ее расстраиваешь, не слушаешься.

— Ты чья будешь? — вглядываясь в девочку мутными слезливыми глазами, спросила старуха, заметно снижая тон. — Орловских, что ли? Светка, кажись, тебя звать?

— Ну да, — Света радостно закивала головой.

— Вон какая выросла. Давно ли мать на руках тебя таскала, — удивилась бабушка быстротечности времени. — Что же у тебя подружек, что ли нету — связалась с этими обормотами?

— Да я вовсе не связалась. Мы только зашли на ферму, а там лисята пропадают. Вчера родились, а мать не кормит их, бросила. Они теперь сиротки, еле-еле пищат. Может, уже погибли, — девочка горестно закачала головой.

Бабушка тоже нахмурилась, сочувственно вздохнула.

— Там все собрались: и специалисты, и мама, и рабочие все. И ничего не могут придумать, чтобы спасти лисят, — проникновенным голосом разъясняла Света, всеми силами стараясь вызвать у бабушки жалость к лисятам. — Если лисят спасут, они вырастут. Только не спасут, наверное...

Слова девочки явно возымели действие. Сухое, морщинистое лицо бабушки подобрело, а в глазах вместо негодования стала заметна грусть. Появилась надежда, что бабушка все-таки отдаст кошку. Вася с Левою ободрились, а Света омерло подошла к столу и продолжала:

— И знаете, что они придумали? Прямо не верится. Хотят, чтобы лисят кошка выкармливала.

— Да как же она выкормит? — удивилась бабушка. — Ни за что не примет. Да чего стоишь-то, в ногах правды нет.

— Ничего, спасибо, — Света бросила на ребят победный взгляд и уселась на скамейку. — Все так думают. А мама говорит, что кошки очень заботливые, желанные.

— Это она правду говорит. Наша вон и-шату от котят не отходит.

— Вот и хотят попробовать... Только не знают, где кошку с котятами взять. У вас только и есть.

— Для такого дела не жалко ее. Я ведь думала, баловство какое затеяли, — сказала старуха, точно оправдываясь. — Хорошая кошка, умница, — бабушка, немного задумавшись, спросила. — Что же, такое важное дело, и вас послали? Ты хоть и рассудительная девочка, а, поди, как и наш, в пятый ходишь?

— Ну, да, скоро в шестой перейду, — пробормотала Света,

теряясь и не зная, что сказать более убедительное. Сияющий взгляд ее сразу поблек, упал на ее колени, затем метнулся к ребятам. Те тоже приуныли. Но Лева вдруг встрепенулся, подбежал к столу.

— Им самим-то некогда, так тетя Маруся, Светина мама, записку вам написала. Я и забыл про нее. — Зная, что бабушка неграмотная, Лева выхватил из сумки первую попавшуюся бумажку и закричал, потрясая ею: — Вот! Вот она!

— Ну-ка прочти, — сказала бабушка, явно довольная, и приготовься слушать, подперла ладонью щеку.

— Слушай! — Лева задумался, держа перед собой маленький листок, угол которого был испещрен цифрами — черновыми вычислениями задачи, а в середине виднелась небрежно нарисованная голова лошади. — Слушай, бабушка, — еще раз сказал Лева, лихорадочно придумывая, как прочитать несуществующую записку. — «Бабушка Варвара», — тремко, точно на сцене, декламировал Лева и запнулся, — что-то не разберу, — пристально вглядываясь в бумажку, пробормотал он, а сам силился припомнить отчество бабушки. Отец — Гаврилович, мать — Ивановна, а бабушка? Ну, прямо из ума вышибло. Все зовут ее бабушка, да бабушка.

— Ну чего же ты осека? Наверное, Варвара Акимовна написано?

— Ну, конечно, — обрадовался Лева. — Бабушка Варвара Акимовна. Нам очень нужна кошка — выкормить лисят. Мать — лиса бросила их, и лисята пропадают. Посылаем за кошкой ребят. Они не баловники, а наши помощники. Просим только поскорее выдать им кошку, и тогда вы тоже будете нашим помощником.

— Ишь, помощники, — лукаво засмеялась бабушка. — Ну, возьмите кошку, помощники. А про то, что я стану помощницей, поди, сам придумал, — усомнилась бабушка.

Пока Лева читал, Света была сама не своя. Она смотрела на мальчика удивленными глазами. Он ли? Всегда ходит тихий, как сонный, слова от него не дождешься, а теперь разговорился. И, главное, бесовестно обманывает. Свету так и подмывало сказать про обман. Пусть Лева покраснеет. Девочку удерживала лишь боязнь, что бабушка рассердится и не даст кормилицу. А Лева уже подал с печки большую дымчатую кошку. Перепуганная необычной суматохой, она уцепилась когтями за Васин рукав. Мальчик начал ее гладить. Кошка успокоилась и вскоре мирно замурлыкала. Двух котят Лева положил себе за пазуху.

— Здорово ты ее обвел, — заметил Вася, когда ребята, распрощавшись с бабушкой, вышли из дома.

Лева довольно ухмыльнулся.

— А так бы она ни за что не отдала... Она такая...

— Бесовестный! — возмутилась Света. — Еще улыбается. Пионер! Ты всегда так старших обманываешь?

Лева, взглянув в синеватые, полные гнева глаза девочки, смутился. Васе тоже, видать, неудобно стало — опустил голову.

— Я же не для себя так сделал.

— И все равно... все равно нехорошо, — загорячилась Света. — Вот скажу Пете...

Лева тяжело вздохнул. До зверофермы шли молча. Лева лишь изредка чмокал губами, точно конфетку сосал.

Когда Света открыла дверь в сторожку, там все встрепетулись.

— Принесли?

Вася, не без душевной гордости, посадил на лавку кошку, а Лева достал из-за пазухи котят.

— Примет ли она лисят? — сказала Валентина. Ей никто не ответил. Всех, видать, мучило это сомнение. Мария Ивановна подошла к умывальнику. Пока она мыла руки, в углу около термостата появился ящик со свежей соломой.

— Ну, что? — спросила Светина мама, многозначительно взглядывая на старшего ветврача.

— Кошка, кажется, здоровая.

— Сроду она у нас не хворала. И не думайте даже... — авторитетно подтвердил Лева.

Мария Ивановна начала уверенно распоряжаться. Котят перенесли в ящик. Оказавшись на шуршащей соломе, они начали ее тормозить лапками, ловко прыгать и кувыркаться. Кошка, призывно мяукнув, сама неторопливо перебралась в ящик, покружилась там, обнюхала все и легла. Когда она окончательно успокоилась, блаженно закрыла глаза, Мария Ивановна подложила ей лисенка. Маленький, жалкий, лисенок точно ожил, завозился, начал торопливо тыкаться в пушистое брюхо кошки и, нащупав сосок, жадно припал к нему. Так были подсажены и остальные лисята.

— Вот и приняла, — со вздохом обегчения сказала Светина мать.

Точно застывшие до этого, звероводы зашевелились. Взглянув друг на друга, заулыбались. Дядя Саша вспомнил и о неприкуренной папиросе, которая оказалась до того измятой, что ее пришлось бросить.

— Только сейчас почувствовала, что не завтракала сегодня. Ох, и есть хочу! — с усмешкой призналась Валентина. Ее большие серые глаза так и светились, а круглое лицо с полными, точно припухшими губами, разругмянилось. Не менее других радовались Вася со Светой. «Теперь они будут жить», — который раз думала о лисятах девочка. Самым приятным, волнующим было сознание того, что они, ребята, тоже спасали лисят. Ведь не кто-нибудь, а они принесли кошку. А если бы не принесли, лисята определенно погибли бы. Только Лева, кажется, не разделял радости товарищей. По его неподвижному лицу, маленьким глазкам было видно, что мальчик о чем-то сосредоточенно думает. Вот он

нерешительно приблизился к Марии Ивановне, потоптался около нее и отошел. Но какая-то настойчивая мысль не давала Лева покоя. И через некоторое время мальчик вновь оказался рядом со Светиной матерью.

— Вижу, что-то сказать мне хочешь, — заметила с улыбкой тетя Маруся. — Выкладывай.

Лева переступил с ноги на ногу и буркнул:

— Напишите записку.

— Какую записку?

— Бабушке нашей, чтобы кошку отдала.

Тетя Маруся недоумевающе пожала плечами.

— Ничего не пойму, Лева. Кошка-то здесь?

— Здесь, — согласился Лева, — а все равно напишите, чтобы бабушка отдала ее.

Все засмеялись, а лицо Левы точно пламенем обожгло.

— Не смущайте мальчишку! — строго сказала Мария Ивановна. — Расскажи-ка, Лева, все толком.

Лева попытался пуститься в пространное объяснение всех обстоятельств и, конечно, безнадежно запутался. Пришлось Свете опять выручать мальчика.

— Нехорошо, Лева, обманывать, — стоня с лица еле заметную добродушную усмешку, осуждающе заключила Мария Ивановна, когда дочь торопливой скороговоркой передала ей историю с кошкой. — Надо было объяснить все бабушке или прибежать сюда, а не обманывать. Ты понял свою вину — это хорошо, за это я напишу бабушке записку. А так бы ни за что... — Тетя Маруся села за маленький столик и, полистав растрепанный блокнот, вырвала из него листок.

Лева внимательно следил за каждым движением бригадира. Вот сейчас тетя Маруся напишет, и тогда все. Мальчик заранее облегченно вздохнул. Тогда он уже не столько будет виноват перед бабушкой. Вдруг Лева вспомнил, что бумажка, которую он выдал за записку тети Маруси, осталась на столе. Что если ее незаметно заменить настоящей запиской? Придет мать или отец, прочитают. Все в порядке будет. Лева повеселел, маленькие глазки оживились. Но тут же подумал: «Опять обманываю». Мальчик испуганно посмотрел на всех, точно боялся, что его мысли могут услышать. В это время неторопливо открылась дверь и показалась... Левина бабушка. И зачем ее только принесло? Вот досужая! Все ей надо. Мальчик сразу побледнел, сдался и начал отступать в угол, за спину Марии Ивановны.

Опираясь на палку, бабушка с видимой трудностью преодолела порог, молча окинула всех внимательным взглядом и только тогда поздоровалась.

— Здравствуйте, — дружно ответили звероводы.

— Садитесь, Варвара Акимовна, — вставая, предложила свой табурет Мария Ивановна.

— Не за тем пришла, — сказала старуха, однако села на та-

бурет. — Как моя Дымка? Кошку я так зову, — пояснила бабушка.

— О, она молодец! Заботливая.

— Приняла? — обрадовалась бабушка.

Старушке показали ящик, в котором лежала новая кормилица лисят.

— Пусть выкармливает, — бабушка повернулась, отыскивая строгим взглядом Лева. — Иди-ка сюда!

Лева не мог сдвинуться, точно прирос к полу. Тогда бабушка разжала руку — на ладони оказалась помятая бумажка с нарисованной на ней головой коня.

— Бабушка старая, темная. Думал, обмануть. Нет, обманом не проживешь. Он легкий — всегда всплывет.

МНОГОЕ СТАНОВИТСЯ ПОНЯТНЫМ

Вот случится что-нибудь одно, другое, пусть даже не очень важное. Если не станешь об этом думать, то ничего. Но иногда бывает, что обязательно станешь думать. Не хочешь, да будешь. А когда крепко подумаешь, то увидишь немало нового, что раньше совсем не замечал. Будто слепым был. И еще одно наверное получится, что многое ранее известное покажется иным, непохожим. И сам от этого станешь иным, вроде подрастешь и поумнеешь.

Вот Васина мать работает на звероферме. Рано уходит и поздно возвращается. Говорят, хорошо работает. А что такое хорошо — Вася как следует не понимал. А сегодня понял. Оказывается, хорошо работать — это не только много сделать, но еще и другое, чего объяснить не так просто. В общем, если бы мать плохо работала, то не расстроилась бы так, когда лисята еле живые лежали в этом, похожем на бидон, термостате. И не обрадовалась бы, когда кошка приняла лисят. Теперь мать для Васи стала иной, более понятной, чем-то похожей на отца. И всех остальных — тетю Марусю, дядю Сашу, Левину бабушку Вася будто только увидел. А Лева-то каким оказался! Вот и подумай... А бабушку он зря обманул.

Была ночь и, наверное, очень поздняя. Радио молчало. Будильник, незаметный днем, теперь чикал громко, с подзвоном, точно гордился, что стал хозяином сонной тишины в доме. Ровно дышала спящая мать. Она легла сегодня рано. Вася тоже рано лег. Уснул, и вдруг будто пружиной его подбросило. Несколько секунд он испуганно таращил глаза и никак не мог понять, где находится. Успокоясь, попытался опять уснуть, но мысли поплыли, как облака в ненастную погоду. Какой уж тут сон. Вот Глафира Павловна и Елена Алексеевна... Это о нем она сегодня намекала, говоря про упрямство. Ох, и трудно хорошо себя вести! Кажется вроде сидит в тебе кто-то посторонний и нет-нет да и заставит сделать, чего не следует. И, главное, чувствуешь, что нехо-

рошо делаешь, а все равно делаешь. Значит, посторонний сильнее бывает. И этот посторонний — упрямство! А может не упрямство вовсе, а настойчивость?

Вася стал думать о своих поступках и никак не мог понять, когда он бывает настойчивым, а когда упрямым. А знать нестерпимо хотелось. В конце концов, мальчик решил, что настойчивость — когда он настойчиво чего-нибудь добивается, вроде решает примеры или грамматику учит, а упрямым — когда упрямится, хотя в душе и чувствует, что неправ. А вот воровство инструмента ни туда, ни сюда не отнесешь. Это совсем другое. И вообще нелегко во всем этом разбираться. Только после можно понять, когда хорошенько подумаешь... А после-то уже поздно. Надо сразу знать.

Темнота незаметно поредела, и комнату заполнил похожий на туман полумрак. В нем смутно вырисовывался комод с поблескивающим зеркалом и рамками фотографий. На белой скатерти стола чернела Васина сумка. Наверное, уже утро? Может, встать, уроки повторить? Выпростав из-под теплого одеяла ноги, Вася опустил их на неприятно холодный пол. Зябко вздрагивая, долго смотрел на будильник, но на белеющем циферблате нельзя было различить ни стрелок, ни цифр. Вася подошел с будильником к окну, где полумрак был совсем редким, серебристым. Оказывается, только четыре часа. А посветлело потому, что луна вошла. Вот она, большая, красная, выглядывает из-за крыши клуба.

Поставив на место будильник, Вася нерешительно остановился посреди комнаты. Непонятное побуждение толкнуло мальчика к матери. Осторожно, на цыпочках он подошел к ее кровати, с каким-то трепетным восхищением потянулся к ее пышно рассыпанному по всей подушке волосам. Дотронулся и быстро отдернул руку, точно ожегся. К чему это она вчера про Якова говорила? Мальчик долго, с пытливым недоумением смотрел на скрытое полумраком сонное лицо матери. Выходит, сильно она любит Якова. Хочет, чтобы и он, Вася, его полюбил. Хитрая... И как только любят чужих, да еще женятся? Понятно, когда мать с отцом женились, или тетя Маруся, Светина мама, с дядей Степой... А с Яковом как?.. Пусть только попробует... Тогда он, Вася, сразу убежит из дома.

Мальчик нащупал на спинке кровати отцовский шарф, затем взял с комода последнюю фотографию отца и улегся на постель. Закрыв глаза и крепко прижимая к щеке фотографию, Вася шептал: «Папа! Дорогой! Я ни одного разика тебя не видел, а все равно тебя знаю».

«ТАКАЯ СУДЬБА»

В каждом человеке идет постоянная внутренняя борьба. Только одни умеют стать себе хозяином, а другие не справляются с собой. Поэтому у таких людей бывает много колебаний, неверных

шагов, и они считают свою жизнь неудачной. Неудачной считал свою жизнь и Яков Павлюков. При этом ему часто казалось, что все неудачи зависят не от него самого, а от окружающих и судьбы.

— Такая уж моя судьба, — горько восклицал он иногда в минуты откровений.

Яков был единственным сыном. Его мать всю свою жизнь провела за стеклянным прилавком маленькой аптеки. Она была хрупкой, бледной, с пугливыми глазами. От нее всегда пахло какими-то лекарствами. Отец Якова, сормовский рабочий, высланный в Сибирь за участие в событиях 1905 года, в противоположность матери был настоящим богатырем, и мать часто называла его в шутку медведем. Его красивое, с сухим горбоватым носом, лицо обрамляла черная, мелкими колечками, борода, сливаясь с шапкой курчавых волос.

Гражданскую войну Павлюков провел в горах, командуя партизанским отрядом. А когда установилась в Сибири советская власть, Павлюкова избрали председателем волисполкома.

Родители относились к маленькому Якову не одинаково. Мать не чаяла в чаде души. И от чего она только не оберегала его. Опасным казалось все: любая погода, все соседние ребята, животные, даже пища. Всякое ведь может случиться с единственным сыном.

Отец тоже любил Якова, но по-своему. Возвращаясь из долгих поездок по горным деревням, он хватал сына в свои могучие руки, высоко подбрасывал, кружил.

— Андрюша, — стонала мать, — у тебя какая-то медвежья ласка, прямо душа в пятки уходит. Ведь так можно изувечить...

— Ничего. Жизнь, случается, не так мнет.

— Мнет того, кто ломится напролом, — с упреком замечала женщина. — И потом, какое это имеет отношение к трехлетнему ребенку? Смешной, право.

— Пусть привыкает! — хохоча, отец щекотал бородой шею сына.

Едва Якову исполнилось пять лет, отец взял мальчика в поездку по району. Из-за этого между родителями произошел серьезный, напоминающий ссору, разговор.

— Не понимаю тебя, Андрей. Поташить ребенка по горам. Он простынет или, боже упаси, сорвется где-нибудь с кручи. Ты вроде лиходея ему.

Отец неторопливо прохаживался по комнате, скрывая под усами иронически снисходительную улыбку.

— Аптека, Катя, окончательно тебя испортила. Сидишь ты в ней, как в теплице, боишься всего, — отец насупил черные кустистые брови и полез в карман за коротенькой трубкой — носогрейкой. — Так, видать, мы и не пойдем друг друга... Сына-то хотя не калечь. Нельзя ему с заячьей душой расти.

В первой поездке они пробыли больше недели. Когда верну-

лись, обрадованная мать порывисто обняла сына. А в мальчике появилось что-то новое. Он смутился, противясь ласкам, уперся ручонками матери в грудь и начал торопливо рассказывать о тайге, горах, по которым ходят облака. Яша загорел, окреп, будто силой налился.

— Посмотри на него! — говорил отец, крепко похлопывая сына по плечу. — Герой! Еще поедешь?

Мальчик радостно соглашался.

Весной 1930 года отец уехал в дальнее село. Через сутки его нашли у звонкого горного ручья. Протянув окровавленные руки к булькающей среди камней воде, он лежал с простреленной грудью и разбитой головой. Бурые пятна засохшей крови вели по каменистой тропе на взгорок, где таинственно и мрачно чернел пихтач.

Мальчик испугался отца. Весь обмотанный повязками, он беспомощно лежал на кровати, большой, грузный, тяжело, с хрипом дышал. Смятая черная борода непривычно торчала клином, оттеняя желтоватобледное опавшее лицо. Удивлял нос отца — он, кажется, за это время вырос, а глаза глубоко провалились. Жарко спекшиеся губы временами шевелились — на них всплывали розовые пузырьки. Отец часто открывал глаза, но они были мутными, бессмысленными. И только один раз в них постепенно прояснилось сознание. Он долго смотрел на жену, сына, будто не узнавая их. Сказал, перемежая слова хрипыми длинными вздохами:

— Оплошал... В спину, гады, ударили... Не знаю кто. Все равно не укроются. Не остановят... — Он устало замолк, закрыл глаза. Через несколько минут прошептал: — Яшку жалко. Испортишь... Не сделаешь человеком... К людям ближе держись. Не оставят...

Ночью отец начал бредить. Он хрипел, метался. С ним трудно было справиться.

В сознание отец больше не приходил.

После его смерти стало казаться, что почва ушла из-под ног, и она стоит на чем-то шатком, вот-вот упадет. Напрасно товарищи мужа успокаивали и ободряли ее. В несколько дней она поседела, сгорбилась, стала тихой и совсем неприметной. В большом, похожем на густой мрак горе единственной радостью казался сын. Ему теперь она отдавала остатки всех своих сил и любовь робкого сердца. Почувствовав это, Яшенька начал своевольничать. Порой мать тихим, ласковым голосом пыталась поучать сына, но сама не замечала, как уступала его требованиям. Из школы стали часто жаловаться, что Яша грубит, ленится, курит. В седьмом классе Яша увлекся танцами, охотой, несколько раз напивался пьяным. Его вызывали к директору школы, в комитет комсомола, беседовал с ним товарищ отца по партизанскому отряду, работающий теперь директором МТС. Все эти беседы и советы казались Якову несправедливыми нападками, но иногда

он чувствовал свою вину. Являлось стремление стать сильным, похожим на отца. Но оно как-то незаметно таяло. Сильнее была страсть к деньгам. С ними можно удовлетворить любое желание.

Сначала Яков выпрашивал деньги у матери. Но старуха стала скупиться, обязательно допытывалась, зачем они нужны. Тогда Яков начал без спроса забираться в сундук, а однажды продал тайком отцовское ружье.

Не окончив семилетки, Яков три года жил за счет матери, бездельничал. Ростом он намного обогнал своих сверстников, раздался в плечах, на верхней губе зачернел пушок усов. «Вылитый отец». Но вместо радости мать горестно качала головой. «Вот и успокоил старость. Правду Андрюша говорил... Может, с женой образумится, если хорошая угодит».

Яков неделями не появлялся дома. Как-то прошел слухок, что он женился. Правда это или нет — мать так и не узнала: Яков вскоре уехал на курсы шоферов.

В годы войны он хорошо устроился шофером армейского склада, и поэтому все тяготы и горе прошли мимо него. Он ничему не научился, ничего не осознал, а только еще более разбаловался.

После войны работа в МТС показалась Якову не подходящей. Считая себя фронтовиком, которому следует хорошо отдохнуть, Яков около года объедал мать-пенсионерку. Потом уехал в Бийск, оттуда в Барнаул, побывал на Дальнем Востоке и прошлым летом объявился в зверосовхозе. Поселился он в общежитии для одиночек. Комната была на три койки, теплая, светлая. Одно не нравилось Якову — не давала покоя уборщица, беленькая, аккуратная старуха.

— Опять ты, Яшка, в сапожищах на кровать завалился! — прямо от дверей гневно укоряла она. — Ведь только третьего дня все белье сменила.

Заметив зорким взглядом смятую скатерть, окурки в цветах, затоптанный пол, уборщица теряла всякое терпение.

— И что ты на меня все валишь? Вроде один тут живу, — оправдывался Яков.

— Ты один такой. Не по-людски живешь. Скотина и то за собой следит.

— Ну, ты, хватит! — грозно повышал голос Яков.

— Что, правда глаза колет? — удовлетворенно спрашивала старуха. — Вот в Китае люди не то, чтобы с обувью на кровать завалиться, а за порогом разуваются.

— Все ты знаешь.

— Книжки читаю, да людей умных слушаю. Вот и знаю. А ты, не в обиду сказать, чурбаном живешь, как Илья Ильич Обломов.

Раздраженный Яков морщил лоб, педовольно кричал.

— Выпясывал бы семью, а нет ее, так женись. Только по

всему видать, счастья с тобой жена не увидит, — старуха сокрушенно качала головой. — Беспутный ты.

Такие разговоры будто встряхивали Якова. После он долго ходил по комнате, тормозил черный курчавый чуб, громыхал стульями, которые старуха, казалось, нарочно на пути расставляла.

Яков чувствовал, что старуха была права. Прожил он больше тридцати лет, а толку никакого. Одно несчастье, да беспокойство людям.

— Шофер! — с брезгливой гримасой бормотал он, — А товарищи, с которыми учился, черт-те куда забрались. Генка-губан — заслуженный врач, кандидат наук, Санька-лохмач — полковник. Теперь к нему спроста и не подойдешь, пожалуй. А я — шофер. Такая уж, видно, судьба. Так и сдохну, наверное, шофером. Конечно, умеючи можно и шофером деньгу зашибать. Только ябед да подхалимов всяких много развелось. Честных из себя карежат, а самим, если попадется что, не оттолкнут, пожалуй. — Якову становилось жарко, мутило, как с похмелья. Он хватал графин и, обливаясь, пил из горлышка. После опять ходил и думал. Жениться ему, конечно, следует. Эта старая кочерыжка правду сказала — один, что собака бездомная. Только на ком жениться? Не плохо бы Ленку опутать... Учительница, зарабатывает прилично... Только разве к ней подступишься? Валька и та, кажется, нос воротит. Подумаешь, птица высокого полета. Стоит ему, Якову, захотеть, и не такую жену подхватит, а богаче, да без ребенка. Что он, плохой, что ли?

Яков подолгу смотрелся в маленькое зеркальце, всячески менял выражение лица: то хмурил густые черные брови, то хитро подмигивал, то расплывался в масляной улыбке.

— Ничего... Валька никуда не денется, — довольно говорил Яков, уверенный в своей неотразимости. — Мы еще выйдем в люди.

ВАЛЕНТИНА КОЛЕБЛЕТСЯ

Вот уж во всем поселке откопали завалины, выставили вторые рамы, побелили дома и деревья. Жители распахивали окна, радостно приветствуя хмельное тепло и свет. Весна вселила в людей новые силы, мечты и надежды. По-летнему одетые, все казались стройными, более красивыми и помолодевшими. Даже древние старики и старухи, которые зиму провели на печках, теперь встряхнулись и ободрились. «Вот и до весны дожили». Целыми днями они сидели на лавочках, довольно покрюживая, грелись на солнце и то оживленно, то с грустью беседовали.

Не миновала весна и Валентины. В ее серых глазах все чаще стала появляться красивая, похожая на устоявшееся озеро, грусть, а порою — тоскливая растерянность. Дома она, пытаясь занять себя, бралась за вязанье, шитье, починку белья. Но очень

скоро с досадой и даже неприязнью отбрасывала работу и, шаткой, не своей походкой бродила по комнате, оглядывалась, выходила на крыльцо.

Васе казалось, что мать потеряла что-то нужное, дорогое и никак не может найти. Вот и ходит, и думает, и грустит об этом потерянном. Жалко мать и самому почему-то неудобно, даже вроде стыдно, будто он, Вася, в чем виноват. И никакие уроки тут не идут в голову. А скоро ведь экзамены, немного осталось, меньше месяца...

Особенно расстраивалась мать вечерами, когда в раскрытое окно залетают в комнату звуки баяна, песни и смех. Как-то она слушала, слушала и вдруг бросилась на кровать, уткнулась лицом в подушку. И плечи ее вздрагивали. Наверное, плакала.

От приметливой Марии Ивановны не скрылось такое настроение Валентины.

— Что-то ты, девка, изменилась? Сама не своя стала? — спрашивала она, окидывая Валентину зорким испытующим взглядом. — С Яковом как?..

— Да так.. — уклончиво говорила Валентина.

Однажды вечером Мария Ивановна зашла к Валентине. В темносинем сарафане, красиво облегающем еще стройную, легкую фигуру, она, звучно постукивая каблуками, уверенно прошла в горницу. Валентина сидела, облокотясь на подоконник. За раскрытым окном чуть приметно покачивалась в зыбком прохладном полумраке молодая черемуха. К ее гибким, красноцветным ветвям зелеными червячками прилипли тугие трубочки листочков, готовые вот-вот распуститься. Где-то вверху, провозжая угасающий день, заливчато свистел скворец.

— Одна? — спросила Мария Ивановна за спиной Валентины.

— Вася у вас, кажется, — сдержанно сказала Валентина, не поднимая головы.

— Я давно из дома. Был у нас. Они там настоящий учкомбинат устроили, — Мария Ивановна улыбнулась, обнажая поблескивающие белые зубы. — Степан у них командует, расписание составили. А ты что делаешь?

— Да так.. Думаю..

— О чем же?.. — У Марии Ивановны растаяла на губах улыбка, она взяла стул и села рядом.

— Да всякие мысли идут в голову, — Валентина вскинула на парторга доверчивый взгляд. — Мария Ивановна, ведь почти в каждом человеке есть какие-нибудь недостатки?

— Конечно, есть.

— И у меня они есть, — тихо сказала Валентина. — Почему же тогда я должна искать человека лучше себя. Пусть и у него недостатки будут. Лишь бы мы любили и уважали друг друга. Вместе-то, глядишь, оба лучше станем, — Валентина из-под опущенных ресниц робко взглянула на Марию Ивановну. Та пони-

мающе кивнула головой, но сразу ничего не сказала. Посидела, подумала и заключила:

— Разные бывают недостатки. В одном человеке их почти незаметно, а в другом они все хорошее заслоняют. А рассуждаешь ты так, будто у тебя никого нет, одна живешь.

— А что же мне теперь делать? — в голосе Валентины послышалась досадная обида. — Ждать, когда сын мне мужа найдет? И так за тридцать перевалило... Мальчишка он... ничего не понимает, а я с его капризами считаться должна.

— Ты уже порядочно знакома с Яковом. Скажи, что в нем хорошего и что плохого?

Взволнованная Валентина пришла в замешательство, прикусила нижнюю губу и смущенно опустила глаза.

— Вот видишь, оказывается и сама немного понимаешь в людях. Только не обижайся...

— Почему же не понимаю... Яков в работе Степану твоему не уступит.

— Ну, положим, это так. А душа у него какая?

— И душа неплохая.

— Васю ненавидит...

— Он сам виноват. Инструмент украл...

— И ты ему нужна потому, что в сундуке Сергеевы вещи лежат. Ну, хватит об этом, — точно спохватясь, оборвала Мария Ивановна. — Смотри сама. Ты мне обещала дневник Сергеев на вечер.

Валентине хотелось довести разговор до конца, выяснить все время мучившие ее сомнения, убедить Марию Ивановну, а больше себя в правильности своего намерения. Она взглянула на Марию Ивановну. Узкое, сухощавое лицо парторга было решительным и строгим. Тогда Валентина неохотно поднялась, включила свет, достала из сундука толстую в истертом клеенчатом переплете тетрадь.

Мария Ивановна открыла первую страницу, и лицо ее померкло, а сама она вся дрогнула, строго выпрямилась, точно встала в почетный караул.

— Дневник сержанта Сергея Твердых, — в тяжелом раздумье прочитала Мария Ивановна. Ниже стояло: «Август, 1941 год». После тире другой рукой, другим карандашом было дописано: «1944 год, 24 мая, 3 часа ночи».

Парторг долго смотрела на страницы. За этими короткими записями ей представилась вся короткая и ясная, как хрусталь, жизнь Сергея.

— Как дневник к тебе попал? — точно очнувшись, спросила Мария Ивановна.

— Прислали...

Мария Ивановна опустилась на стул и начала медленно листать тетрадь, подолгу задерживаясь на отдельных страницах. Записи велись то автоматической ручкой, то карандашами: хи-

мическим, простым и даже толстым цветным. Временами хорошо известный Марии Ивановне твердый, четкий почерк Сергея расплывался, буквы ложились вкривь и вкось, слова обрывались, строчки набегали одна на другую. В одном месте страниды намокли и теперь покоробились, а строчки расплылись фиолетовыми пятнами, в другом — были заметны бурые капли засохшей крови, а в конце тетради лежал спрессованный, точно тщательно отглаженный утюгом, ландыш.

— Да, — Мария Ивановна тяжело вздохнула и продолжала читать.

«В землянке тесно, душно и такой храп, что пламя коптилки места себе не находит. А я уснуть не могу, хотя сегодняшний день был, пожалуй, жарче других. Ворочаюсь с боку на бок. Только закрою глаза и обязательно вижу нашу Катунь, поселок и тебя, Валюшка. Помнишь, дорогая, как нас застал в бору дождь? Даже старая черемуха не спасла своих знакомцев. Как бы я ее обнял теперь!

По твоим описаниям ясно представляю сына и часто вижу его во сне. Лежит в качалке, таращит на меня глазенки, ручонками тянется. Проснусь, одумаюсь, вспомню, где я нахожусь, и дрогнет сердце, и весь я гневом нальюсь против проклятого Гитлера. Разорвал бы его на клочки!

Вчера Васе исполнилось пять с половиной месяцев. Расти, сынок, расти, Василий Сергеевич! Воспитаем тебя настоящим человеком. Только бы мне пережить все это. Да, Валюша, каждый из нас надеется вернуться домой. А война делает свое. Сколько уже погибло товарищей, друзей. Поэтому я готовлю себя к жизни и смерти. Ведь и в смерти нужно быть смелым и честным. И если это случится, тогда, Валюша, доведи сына до дела. Тебе трудно будет, очень трудно. Зато потом ни сын, ни люди не вспомнят нас лихом».

Голос Марии Ивановны задрожал и оборвался. Она еще ниже склонилась над тетрадью. Валентина прислонилась к комоду, закрыла ладонью глаза. Ее округлые, чуть покатые плечи вздрагивали.

— Васе показывала дневник? — после тягостного молчания хриловатым голосом спросила Мария Ивановна.

— Нет. Думала — рано, не поймет...

— Зря так думала; Вася смысленный. Уважала я Сергея, как брата любила.

Валентина поправила сползшую косынку, промолвила:

— Я тоже с тетрадью не расстаюсь. Почитаю и вроде с ним самим поведу. Наплачусь досыта...

— Читать да плакать, Валя, мало толку. Не этого хотел Сергей. Вон он что о сыне пишет, — Мария Ивановна испытующе покосилась на Валентину.

— А вы думаете, я не понимаю? — Все понимаю... Только

сил не хватает. Что я могу сделать? — с душевной болью спросила она, подступая к Марии Ивановне.

— Кажется, ты последнее время топчешься на одном месте. А когда человек не видит пути, его постепенно заедает скука. Может, я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься. Находит иногда скука, — с тяжелым вздохом призналась Валентина, крепко закусывая нижнюю губу. Стремясь подавить внутреннее волнение, она передернулась, побледнела, глаза расширились и лихорадочно заблестели. Видно было, что Валентина говорит о самом сокровенном, больном. — Живешь, не думаешь, так вроде ничего, а как начнешь назад, да вперед смотреть — не по себе становится. Десять лет тому назад я была звероводом и теперь зверовод. Им, наверное, и умру. Вот и вся жизнь. Ну, сын вырастет. Внуки родятся. Няньчиться буду. — Валентина жалко усмехнулась. — Я завидую Сергею. Он всегда торопился, куда-то рвался. Ему никогда не хватало времени. О его делах говорили, а погиб, так и после смерти хвалят. А я что могу сделать?

Мария Ивановна подошла к Валентине, положила ей на плечи ладони. Так они молча стояли друг против друга. Одна — молодая, красивая, полная сил; вторая — опытная, испытанная жизнью.

В раздумье раздвигая брови Марии Ивановны строго сдвинулись к переносью, отчего крутой лоб пересекла небольшая складка. Под пристальным, осуждающим взглядом Валентина растерялась, как у провинившегося ребенка, забегали глаза. В то же время где-то в подсознании Валентина с досадой на свою невнимательность впервые отметила мелкую, похожую на легкую паутину, сетку морщин под глазами Марии Ивановны. Веточки морщин залегли и в уголках плотно сомкнутых губ. И то ли поэтому или еще почему, Валентина окончательно смутилась, залилась румянцем.

— Вот и сама чувствуешь, что неправа. Не те у тебя помыслы, и жизнь плохо понимаешь. За ярким, необычным начнешь гоняться — себя наверняка потеряешь. Сергей интересное видел в повседневных делах, а тебе они кажутся скучными. — Мария Ивановна взяла Валентину под руку и увлекла на крыльцо.

Был тихий майский вечер. За бором полыхала заря, окрашивая небо и воздух розовым светом. От Катуня доносился немолчный шум воды и веяло знобкой прохладой.

Не сговариваясь, они узкой тропинкой, через огород, направились к бору. Мария Ивановна бережно держала подмышкой истертую тетрадь в зеленом клеенчатом переплете.

— Вспомни, как мы работали в сорок втором году. Сколько получали лисят?

— Ох, и помучались!.. — Валентина тяжело вздохнула. —

Пропадет, бывало, помёт, так с досады не знаю, что бы сделал. Наревешься до одури.

— А теперь как?

Валентина улыбнулась.

— И похожего ничего нет. В этом году я пока только трех потеряла.

— Ну, вот, а говоришь, все равно, что десять лет назад, что теперь...

— Да я не об этом вовсе...

— А что по-твоему нам мешает еще лучше работать? — точно не слыша Валентину, спросила Мария Ивановна.

Валентина озадаченно наморщила лоб, начала теревить концы косынки.

— Да кто знает... Сразу и не скажешь.

— Не думала?

— Нет, — с виноватым выражением на лице призналась Валентина.

— Ну, вот, а скучаешь, — укоряючи бросила Мария Ивановна.

Некоторое время они шли молча. Тропинка, ловко шныряя между оцетинившихся иголками кустов шиповника, углубилась в густо темнеющий сосняк. Мария Ивановна с Валентиной утонули в нем. Лишь временами мелькала при лиловых отблесках вечерней зари цветастая косынка Валентины.

— Я вот давно думаю, в институт написала... Робости в нашей работе еще много. Весной, когда нарождается молодняк, мы боимся лишней раз мимо клетки пройти. Полагаемся на авось. Часто гадаем, бросила лисица или соболюшка детенышей или нет. Из-за этого теряем много. Отход молодняка большой получается.

— Правда, — согласилась Валентина, внимательно слушавшая парторга. — Это большая помеха. Только что же тут можно сделать, Мария Ивановна?

— Как что? Для чего у нас пушной институт, ученые? Мы для чего? Ведь спасла нам Дымка лисят? Придумали? Смелости надо побольше.

— Мария Ивановна, а что если нам завести запасных кормилиц? Кошек завести, — глаза Валентины оживленно заблестели.

— А, чего ж тут плохого. Можно попробовать.

Долго беседовали Мария Ивановна с Валентиной. Парторг напомнила, что в этом году совхоз получает нового пушного зверя — норку, что скоро откроются шестимесячные курсы заводчиков.

— Мы с директором советовались насчет тебя. Решили послать на курсы. Хорошо окончишь — бригадиром поставим с норкой работать.

— Да что вы, Мария Ивановна! Я эту норку в жизни не

видала, — смущенно сказала Валентина, а в душе у самой все запело. Будто от крутого взлета заколотилось сердце. «Конечно, справлюсь. Поучусь и справлюсь. Ох, и глупая я!..»

Домой возвращалась Валентина, когда уже на потемневшем небе замигали лучистые звезды. От радостного возбуждения, горячих мыслей и нахлынувшей отоскяду темноты она часто теряла узкую, извилистую тропинку. Тогда Валентина шла напрямик, на ярко освещенные окна своего дома.

Около ворот Валентина остановилась. Из-за Катунки доносился далекий, смешивающийся с шумом реки, рокот моторов. Где-то крякали утки.

Валентина уже открыла калитку, чтобы уйти в дом, когда от клуба внезапно послышался смех. Заиграл баян. А когда баян смолк, Валентина ясно услышала басовитый голос Якова. У нее так заколотилось сердце и зашумело в голове, что она, слабея, прислонилась к воротам.

«Нет!» — твердо сказала себе Валентина, а сердце частыми толчками рвалось и рвалось туда, где слышался голос Якова.

— Я немного... Сейчас же вернусь. Старуха, что ли?.. — шептала Валентина, будто перед кем-то оправдываясь.

Торопливыми шагами она устремилась в темноту.

РАЗНЫМИ БЫВАЮТ ДРУЗЬЯ И ТОВАРИЩИ

Дома Лева, как и в школе, больше молчит, поспавывая, готовит уроки, читает или занимается резьбой. Но бывает, случится что-нибудь такое, чего никак не удержишь в себе. Хочется поделиться с другими. Маленькие глазки Левы оживленно заблестят, а пухлые щеки зарумянятся. Рассказывает мальчик неторопливо, старается подобрать слова наиболее увесистые, значительные, а они как нарочно рассыплются горохом, и никак их не соберешь. Однако домашние терпеливо слушают. Слушает и бабушка, а потом, когда Лева замолкнет, спросит, надменно поджимая свои морщинистые, как сыромятина, губы:

— А правду говоришь? Тебе обманывать не впервые.

Лева вздрогнет и виновато опустит голову. А старуха окинет всех торжествующим взглядом, дескать, полюбуйтесь, каков он есть. В такие минуты Лева готов провалиться сквозь пол. Дернула его тогда нелегкая выдумать эту записку. Сроду теперь никого не станет обманывать.

Надеясь заслужить милость и прощение бабушки, Лева всячески старался угодить ей: напрашивался таскать дрова, воду, встречал из стада корову, поил телянка. Как-то принялся даже посуду мыть. Старуха была довольна, но старого не забывала. Вот ведь какая вредная! При всяком удобном случае твердит свое да и всё. И главное, не знаешь, когда она скажет. Ведь при чужих может ляпнуть. В общем спокойного житья не стало. Поэтому с наступлением теплых дней Лева старался дома

лишнего не задерживаться. Придет из школы, наскоро покушает, заберет нужные книги, резьбу и отправится в лес. Там куда лучше!

Сразу за плетнем огорода расстилалась мелкая кустарниковая поросль. Вперемежку и отдельными круговинами привольно расселился краснотал, крыжовник, смородина, а местами, ближе к реке — облепиха. Взрослыми среди детворы казались отдельные раскидистые ивы, стройные, кудрявые, точно завитые березки, черемуха. Постепенно кустарник становился выше, мощнее, смешивался с сосновым подлеском, за которым, как заслон, стояла глухая стена бора. Между древними стволами, точно литыми из потемневшей от времени бронзы, виднелась местами Катунь, сливаясь с весенним глубоким небом. Все это напоминало Леве хорошую, любимую книгу. Она давно известна, а читать ее все равно приятно, и обязательно найдешь такое, чего раньше не замечал.

Много интересного в природе открыл Лева этой весной. Как-то с Васей они зашли в бор. В нем было сумеречно, тихо,пряно пахло прелью. Ослепительное весеннее солнце лишь кое-где просачивалось сюда косыми рассеянными струями. Повсюду давно уже просохло, а под деревьями то и дело встречались снежные островки, окруженные прозрачными, как стекло, лужицами. Под водой густо пробивались белесые шильца пырея, а рядом, взвороша прелые листья, бодро поднялись мохнатые ножки подснежника.

— Подснежник, — присев на корточки, задумчиво сказал Лева, и перед ребятами впервые открылся истинный смысл названия этого цветка: под снегом растет.

Не менее любопытно было наблюдать пробуждение деревьев. Кора их, наливаясь соком, зеленела, почки набухали силами жизни. Первой выбросила узкие серебристые листочки ива. За ней спешила черемуха, а тополь явно опаздывал. Его клейкие, пахучие листочки никак не могли распуститься. Но вот прошел вечером теплый, парной дождь, а утром над землей будто нежный зеленый туман расстелился — так дружно распустились за одну ночь деревья. Вскоре пошла сосна в рост, — на кончиках ее веток появились сочно-зеленые наросты.

Манила к себе красавица Катунь, отороченная по берегам сказочно-изумрудной зеленью. В заводях и в поймах река искристо золотилась мирною рябью, кудлато клокотала на камнях и перекатах, а в местах, где скалистые берега близко подходили друг к другу, ревела, стонала и пенилась. Вырвавшись из тесных каменных объятий, опять успокаивалась, разливалась вширь, затопляя пушистый кустарник, грустные простоволосые ивы, и уходила далеко в луга.

Бродя бором или берегом реки, Лева как-то незаметно прониклся могучим духом деятельности природы. Ноздри Левы широко раздувались, в маленьких глазках вспыхивали огоньки

восхищения, оживляя полное, пухлощекое лицо. В мальчике все загоралось нестерпимой жадной деятельностью. Боясь потерять лишнюю минуту, он торопливо отыскивал укромное место и открывал книги. А кругом ласково шумела облитая солнцем молодая листва, разноголосно пели невидимые птички, рокотала река. Все это сладостной музыкой входило в мальчика.

Выучив уроки, Лева принимался за резьбу.

К вечеру солнце, клонясь к горизонту, заглядывало в бор, и тогда в нем становилось светло, празднично. Недвижные сосны-великаны стояли точно в позолоте.

В это обычное время доносились веселые крики, смех, а порой визг от реки, с поляны, где недавно натянули между сосен волейбольную сетку, а поблизости разметили футбольную площадку. Мальчика тянуло к товарищам, но никак не хватало сил оторваться от любимого занятия. Наконец, когда крики, смех и визг становились особенно бурными, Лева поднимался, заносил домой книги и бежал на поляну.

Футбол Лева не любил. Эта игра казалась опасной. Того и гляди свалят и чего доброго еще зашибут. Да и ботинки, как в огне, горят. Волейбол-то куда лучше, спокойнее. А Вася, наоборот, нравился футбол. Мальчик уже получил известность лучшего вратаря. Когда он становился в ворота, отмеченные с одной стороны деревом, а с другой камнем, то весь дружинисто настораживался, в серых глазах вслыхивала ярая ненависть к мячу. И как только мяч приближался к штрафной площадке, Вася точно в дикую кошку превращался. С горящими глазами, забыв обо всем окружающем, мальчик прицеливался. И вот наступал момент, когда Вася в ловком прыжке хватал мяч высоко в воздухе или накрывал его на земле. Доводилось и «снимать с ноги», вызывая досаду и разочарование прорвавшихся к воротам игроков. Но в последнее время с вратарем стало твориться что-то неладное, непонятное не только для окружающих, но и для самого Васи. Впрочем кое-кто из окружающих вкоре догадался.

Вася хорошо держал мяч, пока среди болельщиков не было Светы. Но как только она попадалась на глаза, — мальчик терялся, краснел. Все его движения казались ему неловкими, неуклюжими. Он беспричинно раздражался, нервничал, забывал о мяче и, конечно, непростительно мазал. Команда начинала быстро проигрывать. Среди футболистов поднимался панический шум, крики и спор. На Васю без конца сыпались укоры. Пршлые Васины заслуги сдерживали удивленных болельщиков. Они пока молчали. Но однажды, когда после Васиного зевка команда позорно проиграла, раздалась нестерпимо обидные крики:

— Влатарь шляла!

— Мазила!

Кто-то пронзительно свистнул. Вася знал, что это дошколята и первоклассники... Много они понимают в футболе. Даже слова «вратарь» не умеют как надо сказать, а тоже лезут. Но все:

равно было ужасно обидно. Приходилось молчать, виновато опустив голову. Было душно, от пота взмокла рубашка. Вытирая кепкой лицо, Вася направился в поселок, силясь понять происходящее. Провалился этот футбол! К экзаменам надо готовиться, а не футболом заниматься. А эту Светку несет куда не следует. Играла бы в волейбол. «Вот всыпать, тогда бы узнала», — подумал Вася и в то же время ясно почувствовал, что никогда не делает этого.

— Васька! Вася, подожди! — послышалось вслед.

Мальчик нехотя остановился. Бежал Генка Рябинин. Его лисье острое личико хитро улыбалось, а глаза масляниво поблескивали, бегали, не встречаясь с Васиними.

— Ну, что тебе?

Генка хотел что-то сказать, но вместо этого, щурясь и скаля узкие зубы, только хихикнул. Вася повернулся, чтобы уйти, но Генка тронул его за рукав.

— Знаю.

— Что ты знаешь?

— Все знаю, — Генка воровато оглянулся и горячо зашептал в самое ухо мальчика: — Вася плюс Света. Точно. От меня, брат, не укроешься. Отдай мне навовсе «Сына полка», да с пропорциями помоги разобраться, а не то завтра вся школа узнает, да еще мелом на заборах напишу. — Считая, что Вася теперь в его руках, Генка приосанился, солидно кашлянул. — Думай, брат, — Генка запнулся. Торжественно-властное выражение на его лице моментально сменилось растерянностью, а затем испугом. Он начал оторопело пятиться. А Вася, пригнувшись и крепко сжав кулаки, уверенно наступал. Каждая частица тела в мальчике кипела негодованием.

— Только пикни, я тебе покажу!..

Неизвестно, чем бы все это кончилось, не появившись на поляне классный руководитель Глафира Павловна. Увидев ее, Генка обрадованно метнулся в сторону, а Вася сунул сжатые кулаки в карманы, отвернулся.

— Ребята, половина девятого.. — сказала Глафира Павловна, заходя на волейбольную площадку.

Света, успевшая принять на себя роль судьи, сейчас же дала два длинных свистка. На лицах ребят явное сожаление. «Хоть бы еще чуть-чуть поиграть», — с мольбой просили их взгляды. Но Глафира Павловна непреклонна.

— Скоро экзамены.

И ребята покорно сдались.

Об экзаменах теперь говорят во всем поселке. Ребят не заставляют лишнего работать, предлагают посытнее кушать, много не бегать, не увлекаться книгами. «Вот сдадите экзамены, так все лето ваше». Учителя и пионервожатые стали чаще навещать школьников на дому. Все это настораживало ребят, вызывало беспокойство, а порою и тревогу.

— Скоро у вас настоящая уборочная начнется, — сказал как-то Светин отец. — Зимний урожай соберете. Постарайтесь. Как себя чувствуете? — Сам Степан Григорьевич недавно ездил в Бийск и успешно сдал экзамены на первую категорию. С радости привез много покупок. Васе подарил «Сына полка» в хорошем переплете, да и из сладкого ему немало перепало.

— Сдадим! — ответила Света на вопрос отца и бросила на Васю короткий взгляд. Мальчик утвердительно кивнул головой.

— А вообще-то страшно. Вроде все знаешь, а страшно, — неожиданно с растерянной улыбкой призналась Света.

— Страхиться-то как раз и не следует, — сказал Степан Григорьевич. — Надо больше заниматься и обязательно верить в свои силы. А будешь бояться, — Степан Григорьевич безнадежно махнул рукой, — гиблое дело. Чего знаешь — не расскажешь. По себе это знаю...

Этот разговор почему-то припомнился Васе, когда он возвращался домой. Мальчик был мрачен. Мысли металась с одного на другое. Думая о Свете, дяде Степе, тете Марусе, мальчик начинал успокаиваться. Но тут, как нарочно, обязательно вспоминался Генка, глаза Васи опять темнели, брови жмурились. Он что-то грозно ворчал.

Около клуба Васю догнал Лева. Вася неприязненно покосился на товарища, ничего не сказал. Лева будто не заметил этого. Некоторое время они шли молча.

— Расстроился, что проиграл? — спросил Лева.

Вася, устремив вдаль задумчивый взгляд, не ответил.

После продолжительной паузы Лева добавил:

— В другой раз выиграете. Мне вот бабка дома житья не дает, и то я ничего, терплю, — Лева начал рассказывать свою обиду на старуху.

Вася слушал, а у самого явилась мысль, что не только взрослые разные бывают, — друзья и товарищи тоже разные. Вон Генка вредный, а Лева хороший. Лицо Васи будто обмякло, он улыбнулся.

— Ты скажи, что больше не будешь обманывать...

— Говорил. Все равно свое... Такая вредная...

— А я ведь из-за Генки рассердился, — охваченный приливом откровения, Вася торопливо высказал все наболевшее.

— Знаешь что? Давай ему всыпем как следует, — мрачней, предложил Лева. — А не то Глафире Павловне нажалуемся. Прoberет она его за это.

ЭКЗАМЕНЫ

Проснулся Вася, а сердце затрепетало, забилось — экзамены! И нельзя было понять, радостно или тревожно бьется сердце. Было и радостно и немного страшно, будто бродил по телу холодок. Будильник показывал ровно шесть. Мать еще

спала. Обычно и Вася в это время спал. Но сегодня разве до сна!

Мальчик бросился к лежавшим на столе учебникам, нашел грамматику, начал ее торопливо листать, а пальцы почему-то немного дрожали, не слушались. Вдруг Вася решительно захлопнул книгу и, босый, вышел на крыльцо, глубоко вдохнул бодрящую утреннюю свежесть, и улеглась тревога, на душе стало тихо, спокойно.

— Сдам! — уверенно сказал себе Вася.

Утро было ясное, звонкое. Где-то за бором всходило солнце, и небо пылало точно раскаленное железо. В заревом воздухе толпились, выглядывали друг из-за друга горы. Казалось, всю ночь они шли, и утро застало их около поселка. Будто ваобравшись на плечи собратьев, могуче возвышался Бобырган. Его вершина сверкала под солнцем, предвещая хорошую погоду. Вася обрадовался, точно от этого зависел исход экзамена. Взмахнув руками, он со смехом сбегал с крыльца. Росистая трава обожгла ноги холодом — на икрах сразу высыпали мурашки, побежали на спину. Будто стряхивая их, Вася вздрогнул и решительно зашагал к Лева, оставляя на дымчатой траве темную цепочку следов. А Лева уже стоял у ворот. Он с необычным для него проворством схватил Васю за руку, и они побежали в бор.

Вася вернулся с большой охапкой цветов. Когда он положил цветы на лавку, хлопотавшая около примуса Валентина удивленно ахнула — сын был мокрым до нитки.

— Простудишься!

— Ничего. Зато посмотри, мама, какие цветы! В школу понесем, — зябко вздрагивая, Вася побежал переодеваться. На столе он увидел аккуратно поглаженные свои праздничные шерстяные брюки, рубашку и пионерский галстук.

Валентина накормила сына, сама повязала ему галстук и проводила со двора.

— Ну, счастливо!.. Ни пуха тебе, ни пера...

Вася удивленно поднял брови.

— Так всегда говорят, — Валентина улыбнулась. В этот миг сын ей показался необычно дорогим, любимым. Она порывисто поцеловала Васю в свежую смуглую щеку, посмотрела на него и еще раз поцеловала.

— Из школы обязательно зайдите к нам на работу.

— Зайдем, — пообещал Вася, смущенный лаской матери.

Все утро Валентина жила беспокойством. Думы: «Как он там? Сдаст ли?» — не покидали ее даже за кормлением зверей, когда лисы беспокойно мечутся по клеткам, а наиболее нетерпеливые настойчиво повизгивают. Встречаясь с взглядом Марии Ивановны, Валентина чувствовала, что та тоже беспокоится. Да и как не беспокоиться? Хотя Света и хорошо училась по русско-

му, но мало ли что может случиться. Долго ли ошибиться? Дети!

Ржавый маятник стареньких ходиков метался из стороны в сторону, а стрелки, казалось, не двигались.

Валентина выглядывала несколько раз из дверей, но ребят на тропе не было. Они неожиданно вынырнули из кустов совсем с другой стороны — от Катуня. Размахивая портфелем, первой шла Света. Легкий ветерок шаловливо играл ее тонким розовым платьищем и концами голубой ленты, вплетенной в косички. Девочка была свежей, розовой, точно только умылась. За Светой, деловито о чем-то рассуждая, неторопливо следовали Вася и Лева. Но деловитость и степенность словно ветром сдуло, когда ребята увидели Валентину и Марию Ивановну. Они приветливо замахали руками и рванулись наперегонки. Лева бежал, потешно переваливаясь, и, конечно, скоро отстал.

— Ну, как? — нетерпеливо спросила Валентина.

Запыхавшиеся ребята не могли ничего сказать, а только смотрели друг на друга влажными лучистыми глазами и улыбались.

— Да у вас языка, что ли, нет? — с напускной строгостью спросила Мария Ивановна, сдерживая улыбку.

Ребята приснули смехом.

— Написали. Проверяют в учительской. Мы ждали-ждали, а потом нас прогнали.

— А чему же радуетесь? Может, двойки заработали? Вот беспечные.

— Ничего не беспечные, мама, — с обидой возразила Света. — Мы все время беспокоились, а теперь перестали... Страшного ничего не было. Всё мы проходили. Знаем. Наверное, хорошо написали...

— Наверное... — усмехнулась Мария Ивановна и ушла в сторожку. Начала куда-то звонить. Ребята сначала не обратили на это внимание, а потом слышат: «Школу, пожалуйста. Школа?» Света первой бросилась к раскрытому окну, за ней Вася. Сзади наседали Лева, горячо сопел в шею. А тетя Маруся почему-то ничего не говорила. Она только спросила: «А у Васи и Левы?» Потом поблагодарила и повесила трубку. Ребята, не моргая, уставились на парторга, не замечая, как от нетерпения все больше всовывались в окно. Вася уже лежал животом на подоконнике. А Мария Ивановна, прикрыв ладонью глаза, задумалась и, кажется, помрачнела. Ребячьи сердца тревожно дрогнули. Неужели двойки?

— Мама! — теряя остатки терпения, вскрикнула Света.

— Что случилось? — распахнула дверь Валентина.

— Да ничего особенного. У Васи — четыре, у Левы — пять, а у Светы — троечка. Говорят, с трудом натянули.

Света насупилась и часто заморгала.

— Ну, и пусть, — сказала она, а в голосе чувствовались слезы.

— Вот и всё знаем, — сказала Мария Ивановна, склоняясь над столом.

Васе стало жаль девочку. Русокий она лучше всех знает, а тройка... Уж лучше бы ему, Васе, тройку. Он-то мальчишка, стерпел бы. Вася участливо прикоснулся к плечу Светы. Хотелось сказать ей что-то теплое, утешительное. Но при взрослых было неудобно, да и слова подвертывались какие-то корявые.

— Ведь не двойка — осенью не сдавать.

Мария Ивановна, вскинув голову, пытливо посмотрела на Васю, на дочь и неожиданно рассмеялась. Это было совсем непонятно и очень странно. Разве над чужой бедой смеются? Вася слевой насупился, а у Светы от обиды проснулась старая, давно забытая привычка — зажимать в зубах указательный палец.

— Пятерка, дочка!.. — воскликнула Мария Ивановна, приказывая взглядом вынуть изо рта палец. Но Свете было не до этого. На ее лице отразилось замешательство и крайнее удивление. Девочка смотрела на мать и, видно, ничего не понимала.

— Пятерка у тебя, — повторила Мария Ивановна.

— Обманула, мамистая...

— Не обманула, а пошутила.

Света облегченно вздохнула, мокрые глаза заблестели радостью. И всем стало легко и весело, а Вася никак не мог устоять на месте. Хотелось раскатисто захохотать, что-нибудь крикнуть или прыгнуть, что ли. Удерживала лишь боязнь показаться смешным перед взрослыми. Поэтому он ограничился тем, что крепко хлопнул Леву по спине и рассмеялся. Но тут же неожиданно лицо мальчика помрачнело. Оказывается, он хуже всех получил отметку. У тех пятерки. Кольнула обида и зависть. Но это было недолго. Радость за Свету опять захлестнула в нем все мысли и чувства. Мария Ивановна, незаметно наблюдавшая за Васей, усмехнулась и повернулась к Лева.

— Ну как? С бабушкой своей все не помирился?

Лева смутился, начал озадаченно скрести затылок. Уж не Вася ли сказал? Ведь он, Лева, больше никому и словом не обмолвился о своих неполадках с бабушкой. Мальчик бросил на товарища испытующий взгляд, но тот даже глазом не повел и не моргнул. Значит, не Вася... Тогда Лева набрался решимости и спросил:

— А кто сказал?

— Да мне и говорить незачем. Варвару Акимовну давно знаю. Старуха неправду ух как не любит.

— Не помирился, — хмуро признался Лева. — Так она ничего, а как к слову придется — опять про Дымку... Обманщик, говорит.

— Ну это уж ни к чему. Как-нибудь поговорю с ней. Так нельзя.

Маленькие глазки Левы оживились.

— Поговорите. Честное пионерское, теперь не буду обманывать, — для убедительности Лева стукнул кулаком по груди и окинул всех смелым взглядом, дескать, не подумайте, что опять обманываю. Сроду не будет такого.

НЕОЖИДАНОЕ

Прошло несколько дней. Вася на пятерки сдал устный экзамен по русскому языку и письменный по арифметике. Оставалось устно арифметику сдать. Но она несколько не страшила. Вася был уверен. Да и чего сомневаться, если лучше его, Васи, никто в классе арифметику не знает. Валентина, смотря на сына, тоже успокоилась. Вечером она получила зарплату. Облокотясь на комод, пересчитала деньги, подумала и сказала:

— Получишь завтра пятерку, куплю ботинки и хорошего сатину на рубашку.

— Мама, а ножик складной купишь? В нем два лезвия, отвертка и шило. Купи, а? — Вася не спускал с матери умоляющего взгляда. — Я им рамки для портретов вырезать буду. Как Лева...

— Сколько же он стоит? Дорогой, поди?

— Восемнадцать рублей, — несмело сказал Вася, зная, что это большая сумма. И опять не спускал с матери умоляющего взгляда.

Тонкие, подкрашенные брови Валентины поднялись, а глаза удивленно округлились. «Не купит», — с упавшим сердцем подумал мальчик. Но мать, после мучительного для Васи раздумья, сказала:

— Ладно. Так и быть, разорюсь.

Мальчик довольно засмеялся и, чтобы наверняка получить нож, решил еще раз повторить всю арифметику. Учил, а складывал не выходил из головы. А если их уж нету в магазине? Все разобрали? Можно, конечно, узнать. Они там под стеклом лежат. Вася беспокойно поднялся, взглянул на часы. Прихватив учебник, он осторожно прошел мимо хлопотавшей на кухне матери. К счастью, ножи не раскупили. Они попрежнему лежали под стеклом, маняще поблескивая. Не в силах оторвать от них жаркого взгляда, Вася долго стоял около прилавка. А потом тяжело вздохнул и вышел, успокаивая себя тем, что завтра любой из этих блестящих ножей навсегда перейдет в его руки. А до завтра не так уж долго — ночь, да еще полдня, пока сдаст экзамен. И все. Придется, пожалуй, Леву пригласить, а то купишь какой-нибудь негодный. Он-то понимает в ножах. Дунет на лезвие и узнает, какая сталь. А еще на ногте пробует...

Весело посвистывая, Вася вышел на берег реки. Кудлатое солнце, опускаясь к вершинам далеких гор, золотило тихую, будто задремавшую воду, над которой неизвестно откуда гулко разносился неторопливый стук моторной лодки. Вася, сбежав по скользкому травянистому склону, уселся на теплый, обомшелый спизу камень и начал старательно учить арифметику.

Над головой мальчика раскинула свои корявые ветви черемуха с толстым, дуплистым и почерневшим от времени стволом. Дерево стояло не шелохнувшись. Казалось, с тихой грустью оно вспоминало далекие годы своей молодости. Немало черемуха пожила на свете, немало повидала. Помнит, как навещали ее Валентина и Сергей Твердых, только рассказать не умеет.

Когда раскаленное небо на западе начало постепенно холоднеть и блекнуть, а из чаши зарослей, из-под крутых берегов Катуня полплыли, расстилаясь, редкие, легкие сумерки, Вася захлопнул учебник. Запрокинув голову и задумчиво прищурясь, он еще некоторое время сидел на камне, повторяя на память наиболее трудные правила. Затем быстро вскочил и с легким сердцем зашагал домой.

Проходя мимо клуба, Вася внимательно, до последней буквы прочитал афишу, в которой сообщалось о демонстрации кинокартины «У них есть Родина». Неплохо бы ее еще раз посмотреть. Только нельзя; экзамены. Вот сдаст последний — тогда...

На своей улице Васе повстречался Лева. Друзья постояли, поговорили, потом Вася проводил товарища.

Домой Вася возвращался огородами: тут было намного ближе. Осторожно обходя грядки, полюбовался зелеными стремительными стрелками лука, первыми листочками огурцов, недавно взошедшими и бледными, как после болезни.

Постояв во дворе, мальчик неторопливо зашел в сенцы, ступил на порог и остолбенел. Даже глазам не верилось. На лавке сидели мать и Яков. Шофер положил на плечо Валентине руку. А она тесно прижалась к Якову, щеки разругнулись, заглядывает ему в лицо счастливыми лучистыми глазами.

Испуганно взглянув на сына, Валентина смутилась, опуская голову, попыталась отстраниться от Якова. А тот даже глазом не моргнул и руки не убрал с плеч Валентины, еще улыбнулся, вроде ничего особенного не случилось, все так должно быть.

Не помня себя, Вася выбежал во двор, покружился, бросился к калитке и там остановился. Что делать? К Светке бежать? Тете Марусе сказать, дяде Степану, Глафире Павловне? Они хорошие. Может, помогут? Скажут матери, какой Яков. Только стыдно рассказывать. Да разве мать послушает... Вон как заглядывала на Якова, Видать, любит... Вася тяжело вздохнул и, понуро опустив голову, медленно побрел в лес.

Вернулся он поздно, когда уже совсем стемнело. Молча прошел в переднюю, торопливо разделся, лег в постель, укрылся с головой одеялом, но уснуть не мог. Слышал, как мать достала.

из шкафчика тарелки, налила супу. Потом она зашла в переднюю.

— Иди ужинать. Чего надулся? Чудной... Скорей бы подрастал, смышленной становился.

— Я и так все понимаю, — глухо сказал из-под одеяла мальчик.

Мать как-то растерянно и жалко улыбнулась, пригладила зачем-то ладонями волосы.

— Ну, чего ты расстроился? Завтра сдашь на пятерку, куплю обещанное. Иди есть, — мать подняла край одеяла, но Вася закрылся лицом в подушку, буркнул:

— Не хочу.

Утром Вася не разговаривал с матерью и даже старался не смотреть на нее, будто ее в доме не было. Он медленно, с неохотой собирал в сумку книги. Мать стояла у комода, сердито выдвигала один за другим ящики, переворачивала все в них, затем переставила рамки с фотографиями, переложила с места на место книги, подняла зеркало, посмотрела на пол.

Вася украдкой покосился на мать. Видно было, что она сильно чем-то расстроена: побледнела, закусил губу, а серые большие глаза растерянно бегают. Предчувствуя недоброе, Вася поспешно схватил сумку и направился к двери.

— Подожди! — строго сказала мать. — Вот тут деньги лежали. Сотенной не хватает.

— Я не брал, — после некоторого молчания сказал крайне удивленный Вася. — Даже не подходил туда...

— Ты мне брось притворяться! — крикнула Валентина, теряя самообладание. — Сами они, что ли, улетели? С инструмента до денег докатился. На что это похоже?

Вася, густо краснея, опустил голову.

— Не брал я...

— Я же сказала — куплю нож, — Валентина сердито задвинула ящик комода и шагнула к сыну. — Чтобы деньги на месте были. Иначе домой не заявляйся.

Вася видел, как вздрагивающие пальцы матери сжались в кулаки.

— Не брал я... — прошептал он, пятась к двери. Потом решительно вскинул голову, обжигая мать злым, отчаянным взглядом.

— Ну, и не придумай! Живи со своим Яковом! — орывающимся голосом крикнул мальчик и с рыданием выбежал.

Удивленная Валентина долго стояла посреди комнаты. Улегся гнев.

— Что я наделала? — растерянно проговорила она. — Вот шелопутная. Всегда горячусь. Ведь он экзамены может провалить. Глупая, недогадливая... После, что ли, нельзя было поговорить? А, может, он правда не брал? — Валентина бессильно спустилась на стул. — Где же деньги? Куда они делись?

Она поспешно вскочила, отодвинула комод, но денег там не нашла. Вышла на кухню.

— Яков! — испуганно вскрикнула Валентина. — Нет! Не может быть. Яков не возьмет. Вася взял... А ведь Яков заходил в переднюю...

Вася бежал сломя голову поселком, миновал школу и опомнился, когда его начали больно хлестать ветви. Осмотрелся, тяжело, со всхлипом вздохнул.

Тихие, ласковые стояли березы, осинки, молодые сосенки. Над кустами порхали стрекозы, напоминая крошечные самолетики, гудели золотистые шмели. Все было залито солнцем, дышало спокойствием. И от этого еще горше стало на душе мальчика. Он обнял теплый, шершавый ствол сосны и опять заплакал.

— Не пойду на экзамены! Вот и все... И домой не пойду!

Часть вторая

СКИТАНИЯ

Оказывается, по лесу хорошо только прогуляться, да с товарищами. А слоняться целый день одному не очень приятно, особенно когда класс последний экзамен сдает. Да и есть хочется так, что даже в животе булькает. От ужина вчера отказался, утром не до завтрака было, а в лесу теперь ничего не найдешь: ни ягод, ни грибов, даже черемша и то почему-то не попадается.

Сначала-то было ничего. Доставляло какое-то утешение представлять, как узнает мать о том, что не пошел он, Вася, на экзамены, как хватятся в школе. Все, конечно, забеспокоятся: и Глафира Павловна, и пионервожатый Петя, но больше всех, наверное, Света. Генка Рябинин — тот, поди, обрадуется. Он такой... А тетя Маруся расспросит, как и что получилось, и обязательно проберет мать. Она ни за что не поверит, что Вася взял деньги. А мать вот поверила. Она бы, конечно, не поверила, если бы не взял он, Вася, тогда инструмент. А деньги, если, правда, пропали, так... Яков их тянул. Он может... А то, глядишь, сама их куда-нибудь засунула, да и забыла.

«В шестой теперь не переведут... Скажут, осенью сдавать. Ну, пусть, жалко, что ли», — безразлично пробурчал Вася; мысленно обращаясь к матери. Но тут же подумал о том, что ему, Васе, придется сдавать, а не матери. И потекли, потекли мысли. И были они совсем иными, чем раньше. Вспомнились рассказы об отце, обещание в классе, когда он, Вася, говорил, что будет сильным и смелым, как отец. И стало Васе понятно, что совершил он большую глупость, совсем нет у него настойчивости, а только одно упрямство. И надо пойти ему сейчас к пионервожа-

тому Пете или к Глафире Павловне, рассказать все. А лучше бы Свете рассказать. Не так стыдно. Она бы все матери своей передала. Вася уже повернулся, чтобы идти в поселок, но в это время где-то за кустами, совсем близко, послышалось:

— Ва-а-с-я-я! А-у-у-у!

Мальчик вздрогнул, спрятался за сосну.

— Ва-а-с-я-я! — как эхо отозвался тонкий голос в березнике.

Мальчик узнал Свету. И, странно, вместо того, чтобы обрадоваться, выйти навстречу, он начал перебегать от дерева к дереву, а потом нырнул в кусты.

Вскоре Вася оказался в таких местах, где раньше совсем не бывал. Толстые вековые сосны здесь стояли почти вплотную. Их пышные кроны тесно смыкались и поэтому внизу даже теперь, в яркий солнечный день, было мрачно. Здесь не росло ни кустика, ни травы. Земля была засыпана толстым слоем сухой, хрустящей под ногами хвои и шишек.

К вечеру потянул влажный ветер, на горизонте всплыла мгlistая пелена. Она скрыла горы, лишь вершина Бобыргана некоторое время маячила в небе, точно плыла в воздухе. Но вот пропала и она. Полоса, постепенно густея, все шире растекалась по небу. Окунаясь в нее, солнце стало блекнуть, точно угасало. Лес неприветливо нахмурился, зашумел вершинами, как будто хотел сказать что-то недоброе, гневное. Васе стало боязно. Прежняя мысль — переночевать в лесу — показалась несуразной и страшной. Тут ведь ночами, чего доброго, и волки бродят. Наскочат и костей не оставят. Да и есть так хотелось, что дальше терпеть нельзя. А кругом становилось все мрачнее и мрачнее. Все смелее расходился ветер. Теперь уже качались не только вершины сосен, а застонали и могучие стволы. С треском ломались и падали сучья.

Охваченный страхом, мальчик бросился в сторону поселка. Местами сосны расступались, и Вася выскакивал на поляны, похожие на острова. Встречались толпы березок. Ветер косматил их, гнул к земле. Потом дорогу преграждал зыбкий, ходящий волнами молодой осинник, а за ним опять вставали великаны-сосны.

Вася взмок от пота, задыхался, а поселка все не было. Серые сумерки плыли по земле, обволакивая кустарник, превращая его в страшные силуэты то волка, то поднявшегося на дыбы медведя, то какого-то лохматого, страшного человека.

Но вот, наконец, показались на лужайке три знакомых березки, а за ними — берег Катуня. Вася обхватил ближайшую березку, отдышался. Рядом был поселок. Оттуда слышалось радио, мычание телят, голоса людей и пронзительное взвизгивание циркулярной пилы. Здесь, где все было знакомо, страх показался смешным и стыдным. Хорошо, что никто не видел из ребят. Засмеяли бы.

Тяжело опускаясь, наплывала огромная темносизая туча.

Временами она раскалывалась ослепительно белыми молниями, сердито рокотала. Притихший ветер дышал сырой прохладой. Опасливо косясь на тучу, Вася поспешно зашагал в поселок. Где кустарник был помят и обломан, мальчик то и дело, боязливо озираясь, пригибался.

У плетня Левиного огорода Вася присел, заглянул в щелочку. Двор был пуст. Около крыльца ветер кружил пыль и мятые обрывки бумаги. На веревке полоскалась, как флаг, забытая Левина рубашка. А самого Левы не было. Дома, наверное, сидит, вырезает. Разве дождешься, когда он выйдет.

Бабка вылила помой, потом, шаркая калошами, пошла к колонке за водой. Воспользовавшись этим, Вася хотел заскочить в дом, но вспомнил о Левкиных родителях. Они, наверное, уже пришли с работы.

Вернулась бабка. Поставив на крыльцо ведро с водой, она сняла с веревки рубашку и, тяжело поднимаясь по ступенькам, крикнула:

— Хватит тебе копаться! Ослепнешь. Встреть лучше корову. Да поживей: дождь пойдет.

Действительно, крупные, тяжелые капли уже зашуршали в листве, а около крыльца они начали взметать то там, то здесь маленькие фонтанчики пыли, точно крошечные снаряды рвались.

Лева вышел во двор, и по его хмурому недовольному виду Вася сразу догадался, что товарища оторвали от любимого занятия. Обрадованный Вася тихонько свистнул. Лева насторожился, начал крутить во все стороны головой. Вася свистнул сильнее, а потом привстал из-за плетня, призывно махнул. Лева зачем-то широко открыл рот, заморгал, будто желал убедиться, не видение ли это, и, расплываясь в улыбке, бросился к товарищу.

— Где был? Мы всем отрядом тебя искали. Глафира Павловна тоже ходила, — с необычным красноречием выпалил Лева, крепко схватив Васю за рукав, словно боясь, как бы тот опять не исчез.

Вася, мрачней, бесперемонно выдернул руку, из-под нахмуренных бровей бросил на товарища пылкий взгляд. Но Лева в радости ничего не заметил.

— А почему на экзаменах не был?

Вася задумался. Выходит, в школе не знают про деньги.

— С матерью поругался, да и ушел в лес, — буркнул он, заметно смягчаясь.

Лева хотел сказать товарищу что-нибудь в утешение, но, не найдя подходящих слов, многозначительно протянул «да» и сочувственно вздохнул.

Распахнув рогами калитку, во двор вошла крупная белая корова. Против крыльца она призывно замычала.

— Бабку зовет, — сказал Лева больше для того, чтобы нарушить тягостное молчание.

— Лезь сюда, а то кто-нибудь увидит, — Вася с беспокойством посматривал на крыльцо.

Товарищи уселись на корточках за плетнем. Густой кустарник скрывал их от улицы и проходившей поблизости тропинки.

— Ну, что в школе?

— Да ничего. Сдали.

— А про меня спрашивали?

— А как же... Спрашивали... Глафира Павловна... И Света тоже...

— Да ты расскажи! — раздраженно бросил Вася.

— А чего рассказывать-то? Приходил бы сам. Света спрашивала у меня, а Генка услышал. Говорит: «Соскучилась? Знаем мы это дело». — Лева помолчал и внезапно спросил: — А почему ты прячешься?

Вася потупился, откачнулся от товарища. Внезапно раздался оглушительный сухой треск. Казалось, все небо расколосилось на части и обрушилось. И тут же густыми и толстыми, как вожжи, струями полил дождь. Перепуганные ребята инстинктивно прижались друг к другу. Рубашки на них потемнели и липли к телу.

— Вымокнем. Пойдем! — предложил Лева.

— Домой я теперь совсем не пойду, в лесу буду жить, — решительно заявил Вася... — Я сегодня там бы ночевал, только вот дождь.

Лева сокрушенно покачал головой.

— Мне бабка вовсе житья не давала и то я не убегал. Днем уйду, а вечером вернусь. Знаешь, пойдем к нам ночевать? Скорее, а то вон как льет...

— Нет. Маме скажут. Придет, ругаться станет.

— А мы попросим, чтобы не говорили.

— Бабка скажет.

— Скажет, — подумав, печально согласился Лева. — Пойдем в сарай. Там сено, — озябший Лева перевалился через плетень. Вася последовал за товарищем. Да и что будешь делать, если дождь льет как из ведра. Тут любой крыше рад.

Разбрызгивая лужи, ребята только забежали в сарай, как опять грохнул и рассыпался на уходящие вдаль раскаты гром. Дождь, как по команде, приурезал еще пуще. Вода журчала по крыше и стенам, булькала и пенилась в щелях, торопливые капли шурились по сену.

Но вот бессильная туча ушла на восток, и снова посветлело. Открылось небо, чистое, голубое, окрапленное золотыми блестками закатившегося солнца. Молодо трепетала омытая листва деревьев. Воздух был напоен прохладой и медвяными запахами тополя, черемухи, сирени. Дышишь и не насытишься.

После ужина Лева, потянув носом воздух, сказал:

— Душно. Жарища.

— Прямо разжарило... Окна открыты.

Пропустив мимо ушей замечание бабушки, Лева обратился к матери:

— В сарай пойду спать? Там хорошо.

— Так бы и сказал, — не унималась старуха. — А то заезжает не знаю откуда: душно, да жарко. Одному-то боязно, поди? Еще перепугаешься чего-нибудь.

Отец, хлебная окрошку, улыбнулся.

— Позоришь ты его, бабушка. Маленький, что ли, он? Я в такие годы один в ночное ездил. А в сарае спать теперь — любота.

— Да я не забоюсь! — отважно заявил Лева.

Через некоторое время Лева тащил в сарай большую кошму, толстое стеганое одеяло, подушку. Отнес все, постоял, подумал и взялся за вторую подушку.

— Зачем другая-то понадобилась? — пытливо спросила бабушка, внимательно наблюдавшая за действиями внука.

Лева смутился, потупил глаза и долго никак не мог придумать подходящего ответа.

— Она все равно лишняя. А на двух-то лучше... — пробормотал, наконец, Лева, внутренне досадуя на свою растерянность и на бабуку. Все ей надо. Везде суется.

— Ну, бери, коли такой широкий, — согласилась старуха и незаметно для внука хитро усмехнулась.

В общем задуманный товарищами план удался как нельзя лучше. Вместе с постелью Лева сумел незаметно прихватить на кухне увесистую краюху хлеба, соленых огурцов и два яйца, которые оказались сырыми. Но это выяснилось только впоследствии, когда мальчик нечаянно раздавил одно яйцо в кармане.

Пока Лева ходил из дома в сарай, Вася сидел, затаившись, в темном углу. Из взворошенного сена виднелась лишь голова мальчика. Но и она при малейшей опасности была готова ментально скрыться.

Когда Лева выложил на угол кошмы хитро добытые продукты, у Васи жадно загорелись глаза.

— Ешь! Окрошка хорошая осталась. Только как ее прине-сешь. Бабка сразу прицепится.

Вася рвал зубами мягкий, душистый хлеб, хрусткие огурцы и, кажется, вкуснее не было ничего на свете. Не хватало терпе-ния жевать. Насыщаясь, мальчик чувствовал, как затихает в нем нервная дрожь и волнение, как расходится по всему телу приятное, чуть дремотное тепло.

Между тем Лева с помощью гвоздей и проволоки соорудил прочный запор к двери.

Поев, тяжело пыхтя, Вася растянулся на кошке и, довольно поглаживая тугой живот, улыбнулся. Обнявшись, ребята долго разговаривали то громкими голосами, то, спохватившись, переходили на заговорщицкий шепот. Было тихо и так темно, что то-варищи не видели друг друга. Только раз кто-то прошел мимо

сарая, звучно чавкая и шлепая по грязи и лужам. Ребята замолкли. Когда шаги окончательно удалились, Лева еще полежал и надумал о чем-то спросить товарища. Но тот в ответ только невнятно промычал. Заснул.

Утром старуха проводила в стадо корову, процедила молоко и пошла полоть огород. Возвращаясь оттуда, она остановилась около сарая, прислушалась и осторожно потянула дверь. Звякнула проволока, но дверь не подалась. Тогда старуха отыскала в дощатой стене дряхлого сарая подходящую щель и заглянула внутрь.

— Так и знала... Лукавцы! — мутные слезившиеся глаза старухи оживленно блеснули. Постояв несколько в задумчивости, она взяла около крыльца свою палку и решительно двинулась за ворота. Пересекла дорогу и свернула в переулок.

Небольшой, белый, словно игрушечный, домик Орловских, как часовые, охраняли по углам два молодых трелетных тополя. Под окнами, в зеленой ограде из штафетника чернели аккуратные прямоугольники грядок. На некоторых пышно распускались кусты георгина и золотого шара. По стене рядами были натянуты, как струны, толстые белые нитки. Снизу по ним уверенно взбирались выюны.

— Маша! Дома, что ли? — крикнула в открытое окно старуха.

— Кто там? Заходите! — Мария Ивановна отодвинула тюлевую, колыхавшуюся от легкого ветерка занавеску. — Варвара Акимовна! Так что же не заходишь?

— Дело такое, что наедине надо потолковать, — старуха тяжело опустилась на лавку.

— Что за секреты завелась? — улыбнулась Мария Ивановна, открывая калитку. В длинном халате, с рассыпанными по плечам волосами, она присела рядом, готовая слушать.

— Спервоначала хотела к Валентине пойти, а потом, думаю, к тебе-то лучше. Та сгоряча может дров наломать, — старуха помолчала, стукнула о землю палкой и не без гордости заявила: — Сынишка-то ее у нас. С Левкой в сарае спит.

— Вон как! — удивилась Мария Ивановна. — Беда с этими ребятишками. На экзамены вчера не пришел. Мать с ума сходит. Прячется?..

— Знаю, на глаза не кажется. У меня еще вчера догадка завелась. Только не стала допытываться. Побоялась спугнуть.

— Что же теперь делать, Акимовна? — задумчиво спросила Мария Ивановна.

— Подумать следует, — старуха грузно навалилась на палку. — За этим и пришла.

Когда Акимовна вернулась домой, дверь сарая была настежь распахнута. Напротив, на густом курчавом конотопе Лева занимался утренней гимнастикой. При этом размеренно считал:

— Раз, — и поднимал руки. — Два, — выбрасывал их вперед. — Три, — вскидывал вверх прямую ногу.

— Ишь, размахался, — проворчала старуха и вдруг властно крикнула: — Пойди-ка сюда!

Акимовна, постукивая палкой, неторопливо поднялась по ступенькам крыльца, в кухне села на широкую сосновую лавку. Лева в одних трусах стал напротив. Под пристальным взглядом бабушки стало не по себе. Он отводил в сторону взгляд, дергал плечами, ежился, точно от холода. Заметив это, Акимовна, неожиданно для себя, нарушая уговор с Марией Ивановной, сказала:

— Ты вот обижаешься, что я обманом тебя попрекаю. А скажи-ка, где твой дружок Васька?

Лева покраснел, потупился и молчал. Да и больше ничего не оставалось делать. Соврать нельзя, а правду сказать — товарища выдашь.

— Что же молчишь? Да ты на меня гляди!

Лева поднял голову, а глаза, не слушаясь, все равно смотрели в пол.

— В сарае он, — мучительно выдавил Лева.

Признание внука обрадовало Акимовну, но, не показав вида, она начала кричать и грозно стучать палкой о пол. Опасливо косясь на палку, Лева предусмотрительно отступил: «Разойдется да и, чего доброго, огреет по спине».

— Неслух, больше никто... Из дома убежал, на экзамен не пошел. Кто же так делает? — спросила старуха и тут же язвительно ответила: — Неслухи, — при этом Акимовна так смотрела на Леву, будто он, а не Вася был во всем виноват.

Буря улеглась неожиданно. Устало вздохнув, старуха миролюбиво сказала:

— Возьми вон хлеба и кринку молока. Голодный он, поди? А про наш разговор и не заикайся. Вроде его совсем не было. Понял?

Обрадованный Лева утвердительно кивнул головой. Чего же не понять? Непонятным было только поведение бабушки. Оказывается, она уж не такая плохая и вредная.

Крепко обняв накрытую краюхой хлеба кринку еще не остывшего молока — «утрешника», Лева осторожно спустился с крылечка. Но Васи в сарае уже не было. Лева заглянул во все углы, поворошил ногой сено и вышел на огород. Товарищ как растаял. Услышал, наверное, бабкин шум и скрылся. Лева тяжело вздохнул.

А ЧЕГО ОНА ХОДИТ...

Валентина поднялась чуть свет. Собственно она всю ночь не спала. Пройдет ли кто или зашуршит ветер в кустах — Валентина, стряхнув тревожную дремоту, вскочит, прислушается. Не Вася ли?

Теперь ломило виски, а голова казалась тяжелой.

Вчера, пока еще непоколебимо верила, что деньги взял Вася, было значительно легче. Тогда ею владели досада и гнев. Лишь временами появлялась щемящая жалость. «Ничего, никуда не денется, Придет», — тут же успокаивала себя Валентина.

Беседа с Глафирой Павловной привела Валентину в смятение, вызвала чувство стыда и недовольства собой. Старая учительница внешне была спокойной, как всегда, но губы ее порой нервно вздрагивали, а взгляд рассеянно бегал, казалось, что-то искал. Выслушав внимательно Валентину, она, вертя так и этак между пальцами карандаш, сказала:

— Учителя немало тратят сил, чтобы правильно воспитать Васю. С ним надо быть очень осторожным. Я, например, каждый свой поступок и слово обдумываю. А вы, кажется, не утруждаете себя этим. Как же можно так, ничего не выяснив, не узнав, накануне экзамена предъявить ребенку такое обвинение? — За ровным голосом Глафиры Павловны явно чувствовалось возмущение. — Почему вы уверены, что деньги взял Вася? А я вот не верю. Мне кажется, Вася не возьмет.

— Не удержалась я... — Валентина виновато опустила глаза. — Ведь не шутка это... деньги взять... Если бы не любила его, так, может, и не беспокоилась. — Валентина хотела еще что-то сказать, но Глафира Павловна, очевидно, по укоренившейся привычке, легко застучала карандашом по столешнице. Валентина растерянно осеклась.

— Вы — мать, советская мать. Это налагает большую ответственность. Ее надо все время чувствовать. Мало любить ребенка, надо его воспитывать. Своим поведением воспитывать.

Валентине показалось, что Глафира Павловна, поднимаясь, бросила на нее подозрительно-укоряющий взгляд. «Знает, наверное, все», — мелькнуло в мыслях Валентины. Она стыдливо опустила голову, чувствуя, как жарко загорелись щеки.

— Досадно так получилось, — говорила Глафира Павловна, провожая Валентину на крыльцо. — Как хорошо всё мальчик сдавал, и вот пожалуйста... И на класс это неприятно подействовало. После экзамена поищем его. Педагогический совет решит, как быть с арифметикой. Надо непременно доказать, что он смалодушничал, проявил упрямство. Вместо того, чтобы настойчиво отстаивать свою правоту, он убежал от экзамена. Убежать каждый сумеет. Поэтому я лично думаю, чтобы Вася сдавал осенью. Это необходимо для него.

По пути из школы Валентина впервые осознала всю важность и трудность учительской работы. Это — не только научить ребенка решать задачи или правильно писать, а воспитать его. И, конечно, Глафира Павловна права. Она, Валентина, во всем виновата. О себе заботилась, о своем счастье, а с мальчишкой не считалась. Хотела, чтобы он привык к Якову, смирился. Вот и получилось... Выходит, счастье должно быть не своим, а общим с сыном, нашим.

Досадно вздыхая, Валентина шла на звероферму. Казалось, теперь все ее поняли, осуждают, и она стыдилась открыто смотреть на встречаемых.

Когда Валентина подходила к гаражу, в широких воротах показался Яков в синем замасленном комбинезоне. Неторопливо и важно вышел на тропинку, издали улыбаясь Валентине. Было в этой улыбке что-то оскорбительно-наглое, победное. Казалось, вот-вот Яков скажет: «Все! Теперь никуда ты не денешься...»

Это страшно возмутило Валентину. Красная, наливаясь негодованием, она, упрямо опустив голову, решительным и еще более торопливым шагом обошла Якова.

— Ты что? — удивленно спросил Яков, не успев согнать с лица нагловатую улыбку. Казалось, шофер забыл о ней.

Валентина остановилась. Не поворачиваясь, бросила на Якова презрительно-холодный взгляд.

— Ты что это? — требовательно повторил Яков, подходя к Валентине.

— Ничего...

— Ты, может, это... — Яков на минуту смутился. — Я забыл сказать... Вчера сто рублей с комода взял, а сказать забыл. Так я отдам, — рука шофера потянулась к внутреннему зашпиленному булавкой карману, в котором он копил «зашибленные налевака» деньги. Однако толстые короткие пальцы задержались на отвороте пиджака. — Вот будет получка и отдам. Не чужие ведь. А ты расстроилась, — Яков ухмыльнулся.

— Эх, Яков, Яков!.. — с отчаянием выдохнула Валентина. — Я думала, ты человек... — она чуть не бегом бросилась вперед.

— Ты подожди! Разберемся. — Яков сделал вслед Валентине несколько шагов, но, видя, что та не ждет и даже не оглядывается, остановился, озадаченно подумал, и по губам опять расплылась нагловатая улыбка.

— Подумаешь... Вон курсанты съезжаются. Там не такие есть...

В бригаде никто не приставал к Валентине с расспросами, не выражал сочувствия и сожаления. Все шло так, как будто ничего не случилось. И это, пожалуй, было лучше. Валентина чистила клетки, получала на зверокухне и раздавала корм, слушала разговоры и шутки подруг. Но все это как-то проходило мимо, не касаясь ее дум и сердца.

Валентина налила в небольшие мисочки воды и расставила их по клеткам. Потом, не выпуская из рук ведра, опустилась на лавочку около домика. Лисы лакали воду. Подскакивали к мискам и лисята. Ткнулся носом, лакнут и, забавно облизываясь, отбегают, затеют возню.

Тяжелым, невидящим взглядом Валентина долго смотрела на пышную, возвышающуюся у ее ног клумбу. Вдаль уходили сетчатые, под тесовыми крышами, клетки. Их строгие ряды образовывали прямые проходы, посыпанные свежим речным песком.

Вся звероферма, с похожими на домики клетками, проходами-уличками, цветочными клумбами, водопроводом и электрическими лампочками, напоминала какой-то сказочный городок, заселенный лисами.

Из глубины вольеры показалась Мария Ивановна. В сером халате шла неторопливо, размеренно, оставляя на песке четкие отпечатки следов. Мария Ивановна, кажется, ни на что не обращала внимания, но все замечала. Вот она остановилась, подпjala с земли мисочку с водой и, осторожно открыв дверцу клетки, поставила ее на полочку. Валентина растерянно шагнула навстречу Марии Ивановне.

— Забыла... Как из ума вышло...

— Бывает, — Мария Ивановна встала напротив Валентины. — Уладится все с сыном. Только вперед надо умней быть. С ребятами опрометчиво не поступают.

— Не послушалась я тогда твоих слов, — с виноватым выражением на лице призналась Валентина. — Думала, переменеется... Привыкнет Вася к Якову. Теперь каюсь. — Помолчав, Валентина вскинула на Марию Ивановну глаза: — Он совсем не убежит? Боюсь, не знаю как.

— Не должен. Куда ему бежать? В лесу бродит.

— Хотя бы пришел скорей, не мучил. Так я сглупила!..

Утром, после разговора с Акимовной, Мария Ивановна послала к Валентине дочку с запиской. Дорогой Света останавливалась несколько раз в укромных местах, осматривала со всех сторон свернутую наподобие лекарственного порошка бумагу. Очень ей хотелось узнать, что там написано. Наверное, про Васю. И все-таки Света прочесть записку самовольно не решилась: нехорошо, да и боязно. Вдруг мать как-нибудь дознается. Оставалось единственной надеждой — узнать о содержании записки от тети Вали. Но и тут девочку ждала неудача.

Валентина азяла записку с безразличным видом, но когда стала читать, сразу оживилась, повеселела.

— Нашелся? — обрадованно вскрикнула девочка, подступая к столу, за которым сидела Валентина. Та кивнула головой, потом оторвалась от записки, удивленно посмотрела на Свету.

— Что ты сказала?

— Нашелся, говорю.

— Кто нашелся?

— Да Вася же. Домой придет?

Валентина замаялась и ответила что-то неопределенное, не совсем понятное.

— Нет, не знаю... На работу мне надо, — сказала вдруг она и встала.

Недовольная Света вышла. Ответ Васиной матери показался ей очень подозрительным. Говорит, не знаю, а сама радостная. Чему же радоваться, если так? Она определенно что-то скры-

вает. А зачем скрывать? Вроде она, Света, не звеньевая и не беспокоится о Васе. Может, больше всех беспокоится.

Дома у Светы неожиданно появилась мысль, что, возможно, Вася заболел. Лежит где-нибудь под кустом и помочь ему некому. Наверное, голодный и без воды. У девочки от жалости больно защемило сердце и даже слезы на глазах выступили.

Она прошла по тихому дому, поковыряла под цветком влажную черную землю, все время напряженно думая, что предпринять. Нельзя же оставлять товарища в беде. И вдруг решительно вскинула голову, бросилась бегом в кухню, достала белого хлеба, печеных яиц, кусок свиного сала, налила в бутылку молока, нарвала на огороде луку и редиски. Все аккуратно уложила в сумку, с которой мать обычно ходила в магазин. После этого достала из своей походной аптечки таблетки аспирина и стрептоцида, завернула и тоже положила в сумку. Но через некоторое время снова открыла беленький чемоданчик и прихватила кодеина, кальцекса, акрихина, флакончик йода, биит и ваты. Мало ли что может случиться с Васей в лесу: простудится, с дерева упадет, ногу наколет... И как он один не боялся ночью в лесу?

Надев белое батистовое платье, Света подошла к зеркалу, критически осмотрела себя с ног до головы и довольно улыбнулась. Вот только на косички досада берет: тоненькие, как бечевки, а кончики обязательно крючками загибаются. Хоть разбейся! И водой мочила, и маслом топленным мазала — все равно ничего не получается. Света сердито дергала то одну, то другую косичку.

— Упрямые! — проворчала она, забирая с лавки сумку. На пороге Света окинула хозяйским взглядом комнату и вышла, закрыв дом на замок. Дошла до переулка и видит — Генка Рябинин стоит на коньке крыши, пронзительно свистит и машет длинной палкой с тряпкой на конце — голубей гоняет. Сейчас заметит и обязательно закричит: «Знаю, куда пошла. Васю своего искать». Она, Света, конечно, ничуть его не боится и найдет, что сказать. Но лучше не связываться. Света свернула в переулок.

А Вася тем временем пробрался огородам к своему дому. За кустами малины отдышался, внимательно, как разведчик, осмотрелся. Заметив замок на двери, он смело поднялся во весь рост, нашел в условленном месте ключ. В сенях заглянул попутно в шкафчик, где обычно хранились продукты. Там стояли тарелки, банки. Все пустое. А вот в кухне на столе виднелось что-то прикрытое чистым полотенцем. Вася открыл и оторопел. И чего тут только не было! Во-первых, любимая Васей яичница-глазунья на сале. Во-вторых, сметана и творог. В-третьих, квас и целая гора хлеба. Было и еще что-то, но Вася не приметил. Он растерялся и не знал, с чего начинать. Решил начать с яичницы, а потом постепенно переходить к остальному. Вася ел, ел,

а когда спохватился, то остальному места уже нисколько не осталось. Он с сожалением вдохнул и подумал, зачем это мать понаставила столько еды. Наверное, поняла, что он не брал денег. А, может, деньги уже нашлись. Вася откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Идти никуда не хотелось. Прилечь бы на кровать. В комнате прохладно, тихо. «А если мать придет?» — мальчик встрепенулся и тут только заметил под концом полотенца толстую тетрадь в потертом клеенчатом переплете. Заметил и не обратил внимания. Мало ли в доме разных тетрадей и книг. Мать и на политзанятиях пишет и два раза в неделю на вечерние курсы ходит — тоже пишет.

От нечего делать Вася лениво пододвинул к себе тетрадь, побарабанил пальцами по обложке, открыл. «Дневник сержанта Сергея Твердых». Вася крепко схватил тетрадь, прижал к груди, точно боялся, что отнимут.

— Лева, Лева, смотри! Дневник папин! — аскакивая, звонко закричал Вася, как будто товарищ находился в сенях или во дворе. Мальчик потоптался около стола, забежал зачем-то в горницу и пулей выскочил во двор. Помчался к Лева. Даже дом забыл закрыть.

На счастье Лева оказался на крылечке. Он настолько обрадовался дневнику, что почти сразу отложил резьбу. Только лобзик забыл положить и держал его все время в руках. Примостясь рядом, Вася открыл дневник, прочитал несколько строк и замолк, покосился на окно, за которым прошла старуха.

— Читай. Она любит, когда книжки читают. Говорит, от них люди ума набираются. А если бы про дневник ей сказать..

— Давай лучше в лес уйдем, — перебил Вася. — На целый день...

Лева подумал и согласился.

Через некоторое время товарищи тронулись в путь. Впереди шагал маленький, коренастый Лева с сумкой в руках и перекинутым через плечо старым одеялом. За ним — Вася. Обими руками он, как хрупкую драгоценность, держал у груди отцовский дневник. Не в силах преодолеть нетерпение, мальчик пытался читать его на ходу и поэтому часто отставал, насккивал на деревья, а один раз напоролся на куст шиповника.

Для стоянки Лева облюбывал маленькую, сплошь заросшую ромашкой поляну. Посредине ее возвышалась молодая, стройная, будто точеная березка, а со всех сторон подступал густой сосняк. Лева аккуратно расстелил в тени одеяло, расправил уголки, повесил на сучок сумку.

— Читай, — сказал он и лег на живот, подперев ладонями подбородок.

Вася прислонился спиной к березе и только начал читать, как внезапно заколыхались сочно-зеленые, похожие на пики, вершины сосняка. Ребята удивленно переглянулись. Ветра нет, а шевелятся. Может, зверь какой? Когда хрустнула ветка, то-

варищи настороженно вскочили. По колыханию сосняка было заметно, что кто-то шел прямо на ребят. Вот он затаился, опять пошел...

— Кто там? — дрогнувшим голосом крикнул Лева, а Вася примерился быстрым взглядом к березе — можно ли при нужде на нее быстро забраться.

— Испугались? — из сосняка вынырнуло довольное лицо Светы, а затем и вся девочка в белом платье и с сумкой в руках.

— Прямо, испугались... Есть чего, — небрежно бросил Вася, стараясь подавить невольный вздох облегчения.

— Ой, уж нет? Конечно, испугались. Даже побледнели. Особенно ты, Вася.

Мальчику это показалось обидным. Он стал упрямо отрицать, изворачиваться. А так как это была неправда, он нервничал, повышал голос. Раздражение заглушило в нем ощущение внутренней радости от появления Светы.

— А чего тебя принесло? Ходит тут...

Света бросила на Васю укоризненный взгляд, обидчиво сжала губы.

— А я не к вам вовсе... Подумаешь, загордился. Было бы чем... — Она решительно повернулась и скрылась в сосняке.

— Мы ведь правда испугались, — сказал Лева и через некоторое время добавил: — Зачем так сказал? Обиделась она.

Вася молчал. Он и сам теперь понял, что поступил нехорошо. Все время вспоминал о Свете, хотел увидеть и такое ляпнул. Про папин дневник бы ей сказать.

— А чего она ходит по кустам, как медведь?

Света, гордо запрокинув голову, быстро шагала в поселок. Потом присела на пенек, долго, не двигаясь, думала. Заметив на подоле платица зеленое травянистое пятно, она горько расплакалась.

О СМЕЛЫХ ДРУЗЬЯХ

Прошло несколько дней. Вася заглядывал домой, кушал, но с матерью встречаться избегал; как-то неудобно было. Ночевал он попрежнему слевой в сарае. Утром товарищи отправлялись на целый день в бор. Там хозяйственный Лева предложил построить на любимой поляне под березой шалаш. Вася согласился, но трудился неохотно. Больше пришлось Леве стараться. Работал он нерасторопно, но усердно, с любовью прилаживал каждую ветку. Когда шалаш был готов, Лева неторопливо обошел его и сладко чмокнул губами, выражая свое восхищение. Потом ему пришла мысль устелить шалаш травой, чтобы мягко лежать было и хорошо пахло. Вася от такой затеи категорически отказался.

— Делай, если надо...

— Конечно, надо, — без тени обиды на товарища сказал Лева и пошел рвать траву.

Вася с удовольствием остался один, раскрыл аккуратно обернутый газетой дневник. В последнее время мальчик ходил то сосредоточенным, то мечтательно задумчивым, часто не замечал окружающего, не слышал обращенных к нему товарища. Правда, Лева, не особенный охотник до разговоров и сам всегда рассеянный, не приметил этих странностей. А больше Вася ни с кем не встречался. Кроме дневника для него теперь больше ничего не существовало. Сначала мальчик читал его не по порядку, а где откроет, потом прочитал все подряд, а когда начал перечитывать, то много нашлось таких мест, на которые он раньше, второпях что ли, не обращал внимания. Теперь они волновали. Пробежит глазами несколько строк, и кажется ему, что отец сел рядом, положил на плечо руку и простыми задушевными словами повел рассказ о трудной и благородной боевой жизни. Вот он приехал на фронт. Разорвалась первая фашистская бомба, упал сраженным первый товарищ. И пошли фронтовые дни и ночи: разведки, бои, отступления, кровь и смерть, гнев и ненависть... Вася, сдвинув брови, прищурит устремленные вдаль глаза и чувствует себя уже не в лесу, вблизи мирного поселка, а будто вместе с отцом идет по былым дорогам войны.

Мальчик немало читал книг о войне. Там все было просто и понятно. Многие люди нещадно били врагов, а сами чудом оставались живыми. Если же герои книг погибали, то получалось это тоже очень просто — они бросались прямо под пули. И, казалось, не было у них никаких иных мыслей и колебаний. В дневнике отца многое выходило по-иному. Оказывается, люди гибли, зачастую не видя фашистов. Вот Федор Анохин шел огородом и взорвался на mine... Трофим Коренков получил обед, только отошел от кухни — прилетел шальной снаряд... Обидная смерть. В дневнике много говорится о смелости и героизме. Также, оказывается, что броситься открыто под пули врага нелегко: жалко все-таки свою жизнь. Иногда мужественный человек может дрогнуть.

Отец в первые дни боев колебался, ловил себя на том, что хочется ему остаться живым, вернуться домой. Тогда он начал воспитывать в себе смелость, волю, настойчивость. Обращался с собой сурово и даже безжалостно. Вызывался выполнять самые опасные задания. После продумывал свое поведение, жестоко осуждал слабости и опять уходил на еще более рискованные задания. «Жаль, говорит, что раньше не занимался серьезно своим воспитанием. Надо с детства приучать себя к трудностям, не ходить кривыми тропинками».

Появление Левы прервало Васины мысли. Лева бросил у входа в шалаш большую охапку травы, расстелил ее по полу и, довольный, прилег рядом с товарищем.

— Читай вслух. Где песня, читай.

Вася отыскал нужное в дневнике место и начал неторопливо читать.

— «Вчера мы встречали новый, 1942 год. Накануне заняли населенный пункт, который раньше назывался деревней Зеленой. Теперь среди развалин стояли три саманных хаты. Одна из них досталась нашему взводу. Это Андрей Паршутин проявил армейскую расторопность. Правда, одна стена оказалась выбитой снарядами, но мы заткнули пролом соломой и застелили плащ-палатками. Подправили плиту, смастерили коптилки и вечером уселись на полу, вокруг котелков с ужином и фляги с прибереженным за несколько дней спиртом. Решили пировать. Было тихо. Но каждый знал, что тишина эта обманчивая: в трех километрах нацелены на нас пушки, минометы, танки. Все это давно стало привычным и почти совсем не беспокоило. Все шутили, смеялись. Максим Матвеевко играл на трофейном аккордеоне, затем неожиданно запел:

Чего не случается в жизни
Пусть путь твой далек и суров —
В счастливой советской Отчизне
Не будешь нигде одинок!
Поднимешься в синее небо,
Опустишься в шахту, в забой —
Везде, где ты был или не был,
Друзья неизменно с тобой!
Коль пламя огня и пожарищ
Дохнет на тебя горячо —
И справа, и слева товарищ
Тебя подпирает плечом.

Пел он негромко. Лишь временами его голос взлетал, наливаясь силой, звенел, вызывая чувство гордости за Отчизну, себя и товарищей. Затем голос таял, теребил проникновением души.

Везде, где ты был или не был,
Друзья неизменно с тобой!

Да... Мы друзья! И разлучит нас только победа или смерть. Подпирая друг друга плечом, мы идем сквозь огонь к одной цели. И никак не укладывалось в уме, что каких-то полгода назад мы не знали друг друга. Одни трудились в Сибири, другие на Украине, третьи еще в каком-нибудь конце необъятной нашей страны. А когда война свела нас, то мы не сразу poznали и поняли друг друга. Помнится, Максим Матвеевко не понравился мне. Уж очень нелюдимым казался он. Молчал, косился на всех, и невольно думалось, что он таит черные мысли. А потом я узнал, что с первых дней войны его дом разбит фашистской бомбой. Погибли родители, жена и единственный сынишка в ка-

чалке. Было невероятно стыдно, что я так плохо мог подумать о товарище. А вот Андрей Паршутин мне сразу пришелся по нраву: бойкий, остроумный, никогда не унывающий. Казалось, для товарища он все отдаст, жизни не пожалеет. И тут я досадно ошибся. Это вскрылось в разведке — «языка» доставали. Мы с Андреем подползли к немецкой траншее, а Максим Матвеенко остался с ручным пулеметом прикрыть нас на случай тревоги. Сначала все шло как нельзя лучше. Тихо, даже без стога сняли часового, а второго скрутили, заткнули ему рот. Только выбрались на бруствер, откуда-то застрочил, как швейная машина, автомат, огненным змеем взвилась ракета. Наш «язык» рухнул. Я попытался его тащить, но вскоре убедился, что он мертв. Бросился за Андреем. А вокруг шипели и кричали мины, догоняли друг друга трассирующие пули. Вскоре я почувствовал, что не могу ползти: не слушается правая рука, быстро слабею. Потом закололо плечо.

— Андрей!

Позади послышались крики.

— Андрей! Помоги!

При мертвеном свете ракеты я видел, как Андрей повернул ко мне искаженное страхом, чужое, не свое лицо и пополз еще быстрее. Я застонал от досады. Хотелось запустить в такого товарища гранатой.

Вынес меня из огня Максим Матвеенко.

Когда я вернулся из госпиталя, Андрей сторонился меня, при разговоре виновато опускал глаза. Я все собирался откровенно поговорить с ним, но как-то не представлялось удобного случая. А потом Матвеенко сказал, что с Андреем беседовал сам отец — так мы называли заместителя командира батальона по политчасти. После этого, говорят, Андрей целую неделю ходил сам не свой. Однажды я пригласил Паршутина с собой на разведку. Он так и засветился радостью:

— Товарищ сержант! Не сомневайтесь! Я его как гадюку задушил. Не пикнет больше...

— Кто не пикнет?

— Да страх-то... Поборол он меня тогда, окаянный, а теперь дудки — не поддамся. Не сомневайтесь, уже проверил себя, не подведу.

И действительно больше не подводил. Вот они какие друзья!»

Вася закрыл дневник. Товарищи долго молчали, потом Вася спросил:

— А ты не испугался бы, как Андрей?

— Не знаю... Страшно. Но товарища все равно не оставил бы... А ты?

— Я тоже не оставил бы.

Ребята стали думать, как повели бы себя на месте Андрея другие. Генка Рябинин, конечно, бы испугался. Он трус. Темно-

ты боится. Вечером дома один ни за что не останется. Говорили, а каждого потихоньку точил червяк сомнения — не было уверенности в своей смелости.

— Света испугалась бы? — неожиданно спросил Лева.

— Да она же девочка, — рассмеялся Вася. — Конечно бы: струсила.

— И ничего бы не струсила, — загорячился Лева. — Она отчаянная. Помнишь, как с кручи прыгнула? А ты побоялся тогда.

Вася смутился, потом поспешно заговорил:

— А сам-то? Сам-то не испугался? Тоже не прыгнул.

— И я побоялся. Значит, она смелее нас.

— Чудак ты! — укоризненно воскликнул Вася. — Чего ты равняешь? То с кручи прыгнуть, а то на фронте... Там вон как стреляют.

Но Лева на этот раз упорно стоял на своем. Завязался настоящий спор. Спорили-спорили, а потом Вася подумал, что Света действительно не робкого десятка. И как-то вроде радостно за нее стало.

— Конечно, может, она и на войне не струсила бы, — компромиссно сказал под конец Вася. — Вон Лиза Чайкина — Герой Советского Союза...

— Ни за что бы не струсила! — обрадованно подхватил Лева.

Некоторое время ребята думали каждый о своем. Затем Лева попросил у товарища дневник. Прочитал песню.

— Хорошая. Споем?

— А как споешь-то?

Лева попробовал, но получилось так дико, что Вася в ужасе заткнул уши.

— Орешь, как козел. Надо мотив...

Товарищи перебрали мотивы всех известных песен, и все равно ничего не выходило. Тогда Лева припомнил любимые бабушкины песни. Пела она их редко, только в большие праздники, когда соберутся гости. Выпьет рюмочку настойки, подпрет ладонью щеку, закроет глаза и затынет: «Гулял казак семь год по Дону», «Вечер поздний» или «Последний нынешний денечек». Лева попробовал эти песни с новыми словами.

— Так по мертвому причитают, — сказал Вася.

Удрученный композиторскими неудачами, Лева горестно вздохнул и надолго замолк. Он нашел в углу шалаша свою сумку, достал из нее стамеску, ножик, лобзик, дощечки, кусочки фанеры. Вася вылез из шалаша, постоял в задумчивости под березой, прошелся по поляне. Встрепенувшись, заскочил опять в шалаш, взял дневник, бумагу, карандаш и ушел на соседнюю полянку. Уселся там на пенек и долго что-то писал, зачеркивал. Переписав все на чистый лист, Вася свернул его треугольником:

и, слянявя карандаш, аккуратно вывел: «Свете Орловской. А больше читать никому нельзя».

Когда возвращались в поселок, Вася незаметно отстал от товарища, свернул в переулок. Около домика Орловских, воротато оглядываясь, опустил письмо в ящик.

ИСПЫТАНИЕ ВОЛИ

Вечер прошел невесело. Товарищи молчали, точно сердились. Вася, уставясь невидящим взглядом в угол сарая, долго думал. Приходил Генка Рябинин. Присел на корточки в дверях и расхваливал голубей-турманов, которых он выгодно выменял. Болтал еще о чем-то. Заметив, что Вася не слушает, Генка не без тайного ехидства сказал:

— Мне не о чем беспокоиться. Все сдал.

Вася порозовел, нахмурился и с явным пренебрежением отвернулся. После этого Генке осталось только убраться восвояси.

Утром, когда Лева еще спал, Вася сбегал домой, забрал учебники и тетради по арифметике. На обратном пути завернул на берег Катуня. Скользя по травянистому склону, сбежал к старой черемухе. Привстав на камень, заглянул в черное отверстие дупла. В него мальчик просил Свету опустить ответ на свое письмо. И хотя какое-то шемящее чувство подсказывало, что ответа нет, Вася с трепетным сердцем запустил по самое плечо руку в дупло, ошупал дно, стенки. Конечно, нет... Обиделась. Яркое красочное утро, казалось, поблекло. Мальчик нерешительно подумал, не сходить ли ему самому к Свете рассказать все. Пусть не обижается, приходит опять на полянку. О дружбе бы настоящей сказать. А вдруг Света разговаривать не станет? Нет, не пойдет он. Вот если ответ получит, тогда...

В шалаше Вася все утро упорно занимался арифметикой. Лева читал книгу, а потом взялся выпиливать из фанеры полочку для мыла. Вася решал задачи, а беспокойная мысль все время глушила остальные: напишет ответ или не напишет? Наконец, мальчик не вытерпел и опять сбегал к старой черемухе. Когда пальцы почувствовали бумагу, он торопливо выдернул руку из дупла. Конверт! Вася тут же опустился на траву и прочитал письмо. Оно оказалось коротким и, кажется, веяло от него холодком. Девочка и словом не обмолвилась о том, сердится она или нет. Не обещала и на поляну прийти. Молчала и про песню отца, которую Вася послал в письме. Она только сообщила, что когда старшие классы сдадут последние экзамены, вся пионерская дружина пойдет в горы. Будут ночевать в лесу, собирать коллекции растений, бабочек, ловить хариусов. «Пионервожатый Петя спрашивал, пойдете ли вы слевой? Ответ опусти в дупло. Звеньевая Света».

Обсудив обстоятельно письмо, друзья решили принять непременно участие в походе. Только хотелось показать себя там

смелее, настойчивей и выносливей других. Но смогут ли они быть такими? Чтобы испытать и закалить себя, Вася предложил забираться на макушки самых высоких сосен. Это не шуточное дело. Не каждый мальчишка сможет вскарабкаться по ровным без сучков стволам. Вася говорил, а пальцами шупал шрам на щеке.

Лева предложение определенно не понравилось. Не любил он расставаться с землей. Вот заберется иной раз на крышу — и то закружится голова, задрожат колени. Кажется ему, что находится под самыми облаками и обязательно оттуда упадет. А когда спустится на землю — смешно становится: крыша-то, оказывается, совсем невысокая. Сосны же не земля — вон какие... Как представишь себя на вершине — дух захватывает. Да и лезть на них не по лестнице, как на крышу. Вася, конечно, нарочно придумал такое испытание, чтобы победителем оказаться. Лева начал озадаченно скрести затылок, напряженно придумывая, как наиболее удачно скрыть свою нерешительность и увернуться от предложения товарища. И, наконец, нашелся:

— А какая же тут смелость? Кошка вон как ловко на деревья взбирается. Выходит, она смелее всех?

Возражение показалось основательным. Конечно, кошка не смелее всех, она просто ловкая. Вася замаялся, а Лева пришла догадка, что напрасно он подозревал товарища в хитрости. Не замыслил Вася обмануть товарища.

— А как же испытать себя? — растерянно спросил Вася.

Товарищи долго думали и придумали.

Если лесной дорогой пройти от совхоза около часа, то начнут деревья постепенно редеть. Сосны уступят место березам, а те — осиннику, затем пойдет разный кустарник, за которым вскоре откроется широкий и блестящий, как застывшая река, Чуйский тракт. Плавно извиваясь между невысоких холмов, он, поднимаясь, уходит к синеющей гряде гор, над которой гордо возвышается Бобырган. Мчатся по тракту навстречу друг другу два стремительных потока автомашин. Ветер вздувает, полощет брезент над загруженными кузовами. На тех машинах, что бегут из города, виднеются фанерные ящики, мешки, сверкающие краской части каких-то машин, бочки, цистерны с горючим. С гор едут огромные тюки шерсти, кожи, картофель, зерно. Иногда в огороженных кузовах мелькают кони, коровы.

Вася и Лева, неприметно выйдя на опушку, долго осматривались.

— Пошли! — властно предложил Вася.

Лева согласно кивнул головой, но шагал нерешительно, то и дело озирался по сторонам. Вася приостановился, окинул товарища с головы до ног холодным испытующим взглядом.

— Трусись?

— Я? — Лева сразу приободрился. — Ничуть даже. А чего трусить-то?

Друзья миновали стройные ряды молодых тополей с побеленными стволами, широкий кювет и вступили на смолисто лоснящийся, мягковатый от зноя асфальт. Машины на тракте перемежились. Последняя, миновав заправочный пункт и беленький домик дорожного мастера, уходила к приземистому, лысому кургану.

— Сейчас опять пойдут, — успокаивающе сказал Вася, становясь рядом с товарищем. — Будут гудеть, все равно не сходи. Близко совсем останется, тогда в сторону. А чтобы не страшно было, можно глаза закрыть.

— Закроешь, и задавит, — заметил Лева.

— Да ты не совсем закрывай. Прямо, задавит! Испугался!..

Ждать, действительно, долго не пришлось. Скоро со стороны города, из-за увала смутно показалась черная точка. Ребята сначала не могли понять, что это такое: то ли птица большая взлетела, то ли еще что. А точка сказочно росла, и стало понятно, что это человек. Казалось, он чудом летел по воздуху. Затем показался высокий груз, похожий на закрытый брезентом стог, и, наконец, вынырнула вся громоздкая пятитонная машина.

— Идет! — заволновался Вася.

Лева молча расставил пошире ноги и, бледнея, решительно сомкнул веки. Сердце учащенно забилось, разгоняя по телу горячее волнение и шемящую тревогу. Странно хотелось хоть немного приоткрыть глаза. Но Лева крепился.

— Встала, — сказал Вася.

— Правда, остановилась, — согласился Лева, открывая глаза и часто моргая от яркого света. Мальчик покосился на товарища и тяжелым вздохом постарался скрыть охватившую его радость.

Тем временем из-за увала выскочила вторая автомашина. В порожнем кузове одиноко маячил из-за кабины затылок человека. Ветер ворошил его длинные волосы.

— Вот газует! — восхищенно сказал Вася, становясь рядом с товарищем на дороге.

Машина, не сбавляя хода и не сигналив, прынула влево. Вася, а за ним и Лева тоже подвинулись. Тогда машина вздрогнула, точно от испуга, а задние колеса, перестав вращаться, заскользили по асфальту.

— Это что за фокусы? — послышалось из кабины.

— Бежим! — скомандовал Вася.

Ребята перескочили кювет и в тополях выжидающе остановились. Из кабины вышел коренастый, среднего роста человек. Он осмотрелся, расправил под широким ремнем темносинюю гимнастерку.

— Вот и поворот, — незнакомец показал на ведущую в совхоз дорогу.

Ребята удивленно переглянулись. В совхоз едет? Расскажет все...

— Ну, герои, идите знакомиться!
— Прямо, разбежались! — шепнул товарищу Вася.
— Бойтесь? Все равно никуда не денетесь. Заворачивай, Иван! — бросил незнакомец шоферу и решительно двинулся к ребятам. Но не такие Вася слевой растяпы, чтобы ждать. Начнет расспрашивать, кто, да зачем на дороге становились. Да еще чего доброго уши натреплет или нажалуется. Всякий ведь народ бывает. Ребята бросились наутек, только шум по кустам пошел.

ДЯДЯ МАКСИМ

Когда Максиму Петровичу Матвеенку вспоминалось пережитое, он мрачнел и ходил с таким видом, будто чувствовал недомогание. Поэтому он, может быть, сам того как следует не сознавая, избегал свободного времени и всячески старался заглушить мысли о прошлом. Но не всегда это удавалось.

...Максим Петрович смотрел из кабины автомашины, как, покачиваясь, плыли всхолмленные, в ярких зеленях поля, на которых то там, то здесь виднелись небольшие березовые колки. И мысли тоже уходили назад, в прошлое. Память, торопливо перебирая отжитые дни, выхватывала отдельные события. Начинаясь всегда с маленького. Сегодня почему-то припомнилась детская кроватка. «Белая была», — подумал Матвеенку, прикрывая ладонью свои широко расставленные глаза. Ну да, он сам тогда ее покрасил белилами. И пододеяльник белый, с кружевами... И хата белая. Любят на Украине белое.

Точно освобождаясь от тяжести, Максим Петрович передернул плечами, покосился на сосредоточенное лицо шофера. Воображение рисовало то, что он узнал из писем, а потом, после окончания войны, из рассказов сельчан: развалины хаты, трупы стариков-родителей, жены, окровавленные обломки детской кроватки.

— Дорога-то, как пол, — глухим голосом сказал Матвеенку.

— Всю жизнь бы ездил, — отозвался шофер, не отрывая устремленного вперед взгляда.

Максим Петрович закурил. Глубоко затягиваясь пахучим дымом, долго катал на пальцах обгорелую спичку. Память воскрешала событие за событием. Почти четыре года он провел на фронтах, в разведке. Три раза ранен. Второе ранение оказалось самым тяжелым. Больше семи месяцев пролежал он в госпитале.

За военные годы Матвеенку немало встретил людей, с которыми делился задушевными мыслями, последним сухарем или глотком воды. Затем дороги их расходились. И кто знает, где теперь эти люди? Живы ли? Неплохо бы встретить фронтового друга. Вот был сержант Сергей... Сергей... Как же его фамилия? Запомнил. Он — сибиряк. Кажется, из здешних мест. Его бы встретить. А может, он тогда погиб?

Максим Петрович отчетливо помнит, как они подползли к проволочному ограждению. Сержант, он, Матвеевко, и остальные разведчики.. Матвеевко слышал, как угрожающе зашипела мина. «Сюда», — не то подумал, не то крикнул Матвеевко, всеми силами прижимаясь к земле. В этот же миг его оглушило, подбросило. Последним было мгновенное чувство, будто он летит в черную, бездонную пропасть. Больше ничего не помнит.

Матвеевко выбросил в окно кабины окурки папиросы. Прищурил черные, широко расставленные глаза, перенесся мыслями в просторные и светлые залы института. Он удивлял однокурсников своей замкнутостью и упорством в занятиях. Возможно, это было потому, что в нем еще трепетало все пережитое и, как фронтовик, он больше других сознавал, что стоило советскому народу его право на учебу. Однажды на факультетском собрании он сказал: «Нельзя, товарищи, забывать, что десятки тысяч советских людей отдали свои жизни за то, чтобы мы могли учиться».

— Вот сорванцы! Встали как вкопанные, — возмущенно сказал шофер, сбавляя газ.

Матвеевко быстро вскинул голову. Впереди на блестящем под солнцем асфальте стояли два мальчика. По их решительным позам и лицам было видно, что они никак не намерены уступать дорогу машине.

— Вот из-за таких попадает нашему брату, — проворчал шофер, повертывая на левую сторону широкого тракта.

— Да, любопытно, — сказал Матвеевко, с беспокойством наблюдая, как мальчишки, подталкивая друг друга, двинулись наперерез машине. — Останови!

Когда Максим Петрович вышел из кабины, Вася слевой отбежали в тополя.

— Ну, орлы! — Матвеевко с усмешкой укоризненно покачал головой и двинулся вслед за мальчишками. Ему захотелось непременно узнать, что затеяли ребята. Внутренне Максим Петрович был доволен, что удалось, наконец, отвлечься от тяжелых воспоминаний.

Ребята, сделав большой круг по кустам, вышли на тропинку, ведущую к шалашу. Почувствовав полную безопасность и окончательно успокоясь, они стали гадать, кем мог быть незнакомец. Из райкома или райисполкома ни разу таких не бывало, да и приезжают они совхозным пассажирским автобусом или на своих легковых. Бывают иногда начальники из края или прямо из Москвы, из министерства. Но тем обязательно подают к вокзалу «Победу». Этот же на грузовой.. Так, наверное, кто-нибудь.. Еще вроде грозит. А откуда он знает, что они, Вася слевой, из совхоза? Может, из соседней деревни? А если и из совхоза, так мало ли там ребят. Узнай попробуй, кто становился на дорогу. Одним словом, друзья решили не обращать внимания на незнакомца. Много всякого народа бывает.. Вот уже

несколько дней съезжаются со всей Сибири курсанты с чемоданами и сумками. Есть девушки молодые, а есть старики с седыми бородами. Может, и этот курсант.

В шалаше друзья основательно закусили, отдохнули. Затем Лева стал заканчивать полочку, а Вася решил приняться за арифметику. Но горячий аромат настоя лесных трав и хвои нагонял такую приятную дремоту, что веки так и слипались, и не хватало сил шевельнуть ни рукой, ни ногой. Мысли тоже были вялыми, рвались, как гнилые нитки. Досадно было, что ничего не вышло с испытанием воли. Все-таки он, Вася, наверное, слабее Левы. Тот вон за работу взялся, а он, Вася, лентяйничает, раскис. Мальчик порывисто перевернулся на живот, достал спрятанные под траву учебники.

— Если он на улице встретится? Узнает? — неожиданно спросил Лева.

Вася сначала не понял, о ком говорит товарищ. А когда понял, сказал:

— Очень ему нужно узнавать.

— Это, конечно... — согласился Лева, а через некоторое время добавил: — А, может, нужно. Мало ли всяких вредных людей. Вон бабушка наша обязательно бы дозналась. А потом бы родителям оказала.

Лева вдруг сдвинул брови и, вытягивая шею, насторожился. Глядя на товарища, Вася приподнялся на руках, тоже прислушался. Кажется, ничто не нарушало тихой лесной жизни. Как балалаечная струна, тренькала какая-то птичка. Потом послышалось легкое, переличатое посвистывание и шуршащие по траве шаги. Ясно, что кто-то шел поляною. Лева бросил на товарища тревожный взгляд и положил зачем-то лобзик. Вася захлопнул учебники и беспокойно завозился. Шаги становились все громче. Вот уже у входа в шалаш показались широкие темносиние штанины и желтые полуботинки, выветленные до блеска травой.

— Гм, — человек опустил на корточки, и глаза ребят удивленно расширились. Перед ними был незнакомец с дороги. Что теперь будет? Как дикие зверята, они, ерзая, забивались в дальний угол шалаша. Хотя ребята видели незнакомца только издали, но это был, конечно, он. Та же темносиняя гимнастерка с широким ремнем. Коренастый. Лицо и шея темные, загорелые.

— Партизаны? Вы что же своими лбами советские машины тараните? — голос у незнакомца звучал строго, но в черных, широко расставленных глазах играли веселые искорки. Это ободрило друзей.

— А как вы нас нашли? — спросил Вася.

— Для того я и разведчик.

— Разведчик?! — с протяжным удивлением воскликнул Вася, а Лева от неожиданности открыл рот. Один за другим они доверчиво подвинулись ближе к незнакомцу.

— Круглый, можно сказать: и военный, и гражданский. Ладно, вы мне зубы не заговаривайте. Скажите лучше, почему вам жить надоело?

— Нам не надоело, — сказал Вася, чувствуя невольное расположение к незнакомцу. И вдруг он плотно сжал губы: «А может, он хитрый, выпытывает, и не разведчик вовсе». Серые глаза мальчика похолодели.

— Не надоело, а под машину лезете.

Лева попытался было что-то сказать, но Вася метнул на товарища такой взгляд, что тот сразу прикусил язык.

Незнакомец хитро прищурился, почесал пальцем подбородок, затем с сожалением вздохнул:

— Бездомные, видать.

Это показалось крайне обидным. Сказал тоже. Не утерпев, Лева запальчиво возразил:

— Чего же бездомные? В совхозе живем, — при последнем слове мальчик понял, что хватил лишнего. Он неестественно выпучил глаза, глотнул воздух, будто подавился. Покопался на товарища, потом на незнакомца. Но тот, кажется, не придавал никакого значения сказанному.

— Чем вы тут занимаетесь? Не все же время машины встречаете?

Лева подумал, что в этом вопросе нет ничего опасного, и сказал:

— Я читаю, а еще полочку для мыла вырезаю. Вот поглядите...

Незнакомец внимательно осмотрел тонкие, замысловатые узоры на фанере.

— Гм... Молодец!

— Дядя, а правда вы разведчик?

— Я неправду никогда не говорю и вам не советую, — строго и внушительно сказал незнакомец и обратился к Васе: — Ну, а ты чем занимаешься? Покажи, что за книги.

Вася молча подал задачник, тетради, а дневник отца засунул под траву и сел на него.

— Покажи все! Не бойся, не съем.

— Нельзя, это дневник.

— Там песня хорошая есть. Про друзей, — сообщил Лева и покопался на товарища, опасаясь, не сказал ли он чего лишнего.

— Да, — задумчиво протянул незнакомец, возвращая Васе книги. — На дорогу напрасно ходите. Так и до беды недолго... Задавят...

— Больше не пойдем, — заверил Лева. — Это мы волю испытывали.

— Как это волю испытывали?

Лева, а потом и Вася начали рассказывать. Матвееenko слушал и укоризненно качал головой.

— Нашли занятие. Волю надо закалять с толком, чтобы польза людям была. А почему арифметикой занимаешься? Разве не сдал?

Вася виновато потупился и ничего не сказал.

— Ну, ладно, пойдёмте с совхозом знакомиться, — Матвеенко ободряюще потрепал мальчика по плечу.

Дорогой Вася повеселел. Этот незнакомый человек почему-то все больше нравился: Интересно, зачем он приехал в совхоз. Мальчик доверительно заглянул в черные глаза Матвеенко и спросил:

— А как вас звать?

— Меня? Максим Петрович... Дядя Максим.

НОВЫЕ ДЕЛА

Электричество в совхозе вращает огромные косторезки и фаршемешалки, пилит необхватные бревна, строгаёт доски, куёт и точит железо, качает воду, доит коров и стрижет овец, режет сено, дробит жмых. И еще много работы нашлось бы электричеству, только не хватает его. Нужна совхозу большая электростанция и чтобы работала она водой. Об этом писали несколько раз в краевой центр и в Москву. И вот, оказывается, с этим большим делом и приехал Максим Петрович Матвеенко. Он будет место для электростанции искать. Поэтому дядя Максим и называется изыскателем. Это все равно что разведчик. Найдет, тогда строить начнут.

Директор совхоза обрадовался. Всегда ровный, басовитый голос его теперь неожиданно поднимался на высокие ноты, прерывался восклицаниями.

— Замечательно! Только бы поскорей.. Энергия нам позарез нужна.

Все это ребята узнали из-за дверей. Они пришли с Матвеенко в приемную директора, где секретарь бойко стучала на машинке. Потом Матвеенко зашел в кабинет, а ребята остались. С удовольствием опустились на мягкий диван. Лева незаметно от секретаря качнулся на пружинах. Хорошо! Затем друзья невольно прислушались к разговору в кабинете. В приоткрытую дверь хорошо было слышно.

— Рабочие мне нужны, — сказал Матвеенко.

— Для такого дела найдем. А много надо? — спросил директор.

— Шесть человек, не меньше.

— Да-а-а, — в задумчивой озабоченности протянул директор. — Время как раз такое.. сенокос подступает. Каждый человек на счету. Но все равно найдем.

— А если я сам найду?

— Вы или я — одинаково. Ведь не со стороны вы их найдете?

Матвеенко молчал. Слышно было, как гроыхнул стул. Вася слевой предусмотрительно отступили от двери. И хорошо сделали, иначе не поздоровилось бы носам, когда массивная, обитая дермантином дверь широко распахнулась.

— Ну-ка, орлы, заходите сюда!

Вася слевой переглянулись.

— Мы? — робко подал голос Вася.

— Конечно! Кто же еще?

Больше в самом деле никого не было. Но заходить было боязно, потому что ребята никогда еще не были в кабинете директора. Вон Генка Рябинин был. Директор вызывал, — когда Генка отвернул от нового трактора «СОТ» какую-то деталь. Здорово ему тогда попало.

Вася первым отважился ступить на цветастую ковровую дорожку. Максим Петрович осторожно подтолкнул ребят к большому столу директора.

— Двое налицо.

Директор удивленно моргнул несколько раз и раскатисто захохотал.

— Да таких и полсотни найдется. Они же и приведут... Я думал, настоящие рабочие требуются.

Эти слова не понравились Васе.

— А мы, может, лучше больших будем стараться, — решительно сказал он.

Лева в знак согласия с товарищем буркнул что-то, а потом, переступая с ноги на ногу и косясь на блестящий крашеный пол, спросил:

— А какая работа?

— Работа нетрудная, интересная.

— Вот и хорошо. Значит, взрослых заменят, — директор хитро покосился на Матвеенко и встал, высокий, нескладный, костлявый, с большими на выкате глазами.

— А то не заменим, что ли, — сказал Вася, важно поднимая голову.

— Мы, конечно... — сказал Лева и начал усиленно рассматривать висевший на стене барометр.

Директор и Матвеенко, взглянув друг на друга, улыбнулись.

— Ребята ничего...

В этом «ничего» Васе послышалась коварная нотка. Казалось, Матвеенко сейчас скажет: «Ничего, только на тракте под машины лезут». Мальчик, теряя важный вид, начал потихоньку пятиться к двери. Но опасения оказались напрасными. Матвеенко ничего не сказал. Он вместе с ребятами вышел из кабинета. Вася сразу повеселел. Теперь он будет помогать дяде Максиму. Это не шуточное дело. И мать, наверное, ничего ему не скажет. Может, еще похвалит. А если и не похвалит, так не больно нужно. Теперь отношения с матерью почему-то не особенно волнова-

ли мальчика. Неотступно следуя за Матвеенко, он осторожно прикоснулся к рукаву его гимнастерки.

— Ты что, Вася?

От радостного смущения серые внимательные глаза мальчика заблестели, но он не нашелся, что сказать и, потупясь, продолжал молча идти рядом с Максимом Петровичем.

Матвеенко поселился в комнате для приезжих, хотя так ее именовали только в конторе. У рабочих она была просто заезжей. Такое название больше нравилось и Васе слевой. Да и какая это комната, если в ней две комнаты. Почти половину небольшой передней занимает печь с обогревателем. За ней — простая железная кровать, а по другую сторону — умывальник, небольшое зеркальце в деревянной рамке, у стены — вешалка. Этот тихий уголок за печкой облюбовал себе шофер. Он загнал во двор машину, а через несколько минут из-за печки слышался его аппетитный, залихватский храп.

Вторая комната была просторной, светлой, уютной. В ней размещалось четыре никелированных кровати, громоздкий, видать, очень тяжелый стол, застеленный чистой с махрами скатертью. Из переднего угла устремил к потолку корявые ветви фикус. Если отодвинуть голубые шторы, то за окнами окажутся пышные, слегка припудренные пылью кусты сирени. Между ветвями синее вдали небо, а влево — серебрится под солнцем на излучине Катунь.

Вася слевой помогали высокому тонкому парню с рассыпанными на все стороны соломенного цвета волосами. Матвеенко называл парня Стасиком. Но ребятам это имя казалось непривычным и они избегали его. Стасик доставал из кузова автомашины круглые, окрашенные то в белые, то в красные цвета палки с железными наконечниками, потом какие-то рейки, испещренные цифрами и черными и белыми полосами. Затем очередь дошла до зеленого продолговатого ящика.

— Осторожно, не урони.

Вася, затаив дыхание, поставил ящик на крыльцо. Лева получил такой же ящик, но не продолговатый, а высокий.

— Тоже осторожно! — предостерегал Стасик, а сам доставал все новое и новое.

Ребята поставили к стенке большие, похожие на столешни, доски в брезентовых чехлах и какие-то круги на трех сложенных вместе ножках с железными наконечниками. Сначала Вася подумал, что это штативы от фотоаппаратов. Но штативы были раз в десять меньше. Может, у Матвеенко такие большущие фотоаппараты. Вот карточки-то будут большие!

— Нивелир, теодолит и чертежные доски в комнату. Остальное аккуратно составьте в коридоре, в углу.

Ребята засуетились, но скоро поняли, что не могут выполнить важного поручения. Где тут какие-то нивелир и теодолит и где остальное? В брезент-то, пожалуй, чертежные доски завер-

нуты? Было неловко и даже стыдно за себя. Товарищи недоумевающе переглянулись и обратили беспомощно-виноватые взоры на своего начальника. Тот, усмехаясь, ткнул пальцем в зеленые ящики.

— В комнату!

Вася схватил продолговатый ящик и, сгибаясь на сторону, осторожно зашагал по ступенькам. В коридоре ему опять пришла мысль, что несет он какой-то необычный фотоаппарат. Вася решил увериться в этом. Поставил ящик за дверь. Лева понял намерение товарища, оставил свою ношу и присел рядом на корточки. Вася осторожно снял небольшие плоские крючочки, потянул за ручку — крышка не поднималась. И тут только Вася увидел едва приметную щелочку от внутреннего замка. Лева огорченно вздохнул. Вот досада! Носишь и не знаешь, что носишь. И вообще зачем и для чего предназначена эта всякая всячина? Вася несколько раз пытался спросить об этом Стасика, но вид у него был важный, неподступный. И все-таки любопытство побороло — Вася спросил. Стасик выслушал мальчика с равнодушно-кисловатой усмешкой, а в заключение махнул неопределенно рукой.

— Долго растолковывать. Начнем работать — увидите..

Ребята понуро опустили головы. Конечно, они тогда увидят. Но каково ждать? В общем, этот высокий парень, наверное, не очень хороший. Не сравнить его с Матвеенко. Тот обязательно бы рассказал.

Пока ребята разгружали автомашину, Матвеенко где-то ходил. Вернувшись, он смаху бросил на полку вешалки кепку, вытер ладонью широкий лоб.

— Ух, жарко без работы! — Он снял гимнастерку и, фыркая и удовлетворенно крикая, долго умывался. Капли воды, падая на голубую майку, расплывались темными пятнами. Шея, крутые широкие плечи и сухие мускулистые руки Матвеенко оказались такими же бронзово-темными, как и лицо. С полотенцем на шее Матвеенко передвинул на угол стола графин с водой, чернильный прибор и пепельницу. На освобожденном месте расстелил вынутую из полевой сумки большую карту, внимательно склонился над ней. Стало очень тихо. Лишь временами с мокрых волос Матвеенко звучно падали на карту капли воды. Он досадливым движением снимал их концом полотенца и опять углублялся в изучение карты. Ребята недвижимо застыли у дверей комнаты. Они даже шумно дышать остерегались. Лишь зоркие глазенки ребят пристально следили за каждым движением Матвеенко. Вот он достал из полевой сумки короткую розовую из плексигласа линейку и несколько разных карандашей. Что-то долго мерил линейкой, прикладывал ее так и этак, потом легко черкнул карандашом.

— Так-так, — удовлетворенно сказал он и потихоньку запел.

Друзья ободряюще переглянулись и осторожно, на цыпочках приблизились к столу, заглянули в карту. Сначала они ничего не поняли. Потом долго смотрели... и тоже ничего не поняли. Карта оказалась какой-то особенной, не такой, как в школе. Там карта так карта... На доске не умещается, края свешиваются. Все просто и понятно на ней. Широкой извилистой лентой тянется с юга на север Обь. У Ледовитого океана она становится чуть не в руку. И все большие реки так... Города тоже хорошо отмечены. У Москвы — красная звездочка, у Новосибирска — большой кружок, у Барнаула кружок, конечно, поменьше. Это потому, что и сам город меньше.

На этой же карте все усыпано какими-то значками. Разве в них разберешься? Вот густо заштрихованные квадратики и прямоугольники стоят почти вплотную друг к другу, образуя прямые ряды. По сторонам, среди маленьких кружочков, тоже виднеются прямоугольники. Только они совсем крошечные. Опираясь на угол стола, Вася осторожно склонился над картой.

— Зверо-совхоз, — медленно прочитал он, и брови его удивленно поднялись. Вася вскрикнул: — Так он больше Москвы! — Чувствуя, что бухнул явную глупость, Вася потупился, на загорелых щеках выступил густой румянец. Никак, конечно, совхоз не может быть больше Москвы, Москва-то во всем мире одна. Столица! Там миллионы людей. Дома высотные, метро... Все там...

Матвеевко звучно хлопнул ливейкой по ладони.

— У каждой карты, Вася, свой масштаб. Разве вы не изучали по географии? На школьной карте в один сантиметр сто, а то и больше километров местности укладывается. А здесь в одном сантиметре — 500 метров. Про эту карту говорят, что она подробная, крупного масштаба. А вот другая... — Матвеевко покопался в сумке и вынул наклеенный на материале лист значительно больше первого. Ребята припали к нему, чуть не касаясь плотной бумаги носами.

— Вот зверосовхоз.

Друзьям даже обидно стало, что он такой маленький. Какое-то темное пятнышко. Его мизинцем прикроешь. Зато интересной оказалась Катунь. Если на первой карте виднелся лишь ее берег, — здесь река извивалась синей торопливой струйкой. А со всех сторон бежали к ней еще более маленькие струйки других речек. Вместе они напоминали положенную на бумагу синюю ветку без листьев. А с другой стороны шла Бия. Вот они обе встретились, обнялись и пошли вместе. И появилась река Обь.

— Мы тут были, — Вася показал пальцем в место слияния рек. — В прошлом году всем отрядом ходили. Интересно.

— Ходили, — подтвердил Лева, — а скоро к Бобыргану пойдем.

— К Бобыргану? — незаточенный конец карандаша Матвеевко пополз вниз, к югу, где виднелись коричневые пятна.

— Это горы? — спросил Лева.

— Конечно, — солидно подтвердил Вася. — Не помнишь, что ли, — по географии учили? И про масштабы говорили. Числовые и линейные...

— Вы, оказывается, все знаете. А я стараюсь, рассказываю. Вася замялся.

— Нет, не все. На этих картах как-то непонятно...

— С непривычки-то, конечно... А съемку местности не изучали?

— Мы сами дорогу снимали на планшет. Визирной линейкой прицелимся и карандашом отмечаем.

— А я тогда шаги отмерял, — сказал Лева.

— Понятно, вы занимались глазомерной съемкой. Мы же будем делать съемку точную, инструментальную.

Вася оживился, двинулся, налегая грудью на стол. Ему казалось, что подвернулся как нельзя более удобный случай расспросить про зеленые ящики и все остальное. Лева тоже подвинулся вперед. Ему хотелось напомнить Матвеенку о забытом в разговоре Бобыргане, который каждое ясное утро так заманчиво вырисовывается в синеющей дали. Однако все намерения друзей разрушил Стасик. Он зашел и спросил:

— На рекогносцировку с утра поедем?

— Обязательно с утра. Часов в шесть, по холодку.

Ребята недоумевающе переглянулись. Это куда они собрались? Каждый начал мысленно строить всевозможные догадки. Может, так какое-нибудь село или городок называется. Мало ли всяких названий. Вот Бобырган! Есть, говорят, Белуха. Только она много дальше, в самых горах. Может, и этим трудным и непонятным словом называется какая-нибудь гора. Разве узнаешь. Вообще за сегодняшний день столько непонятного накопилось. Скорей бы узнать все. Интересно быть инженером-разведчиком. Только, наверное, учиться долго.

П Р И Ш Е Л

Перед вечером Максим Петрович пригласил ребят с собой в магазин. Посмотрим, говорит, торговлю. Вася слевой, конечно, охотно согласился. Да и кто бы из ребят, интересно, отказался пройти с таким человеком. Тем более, что идти не где-нибудь огородами или бором, а Новой улицей, у всех на виду.

Оказалось, что почти весь поселок знает, кто такой Матвеенку и зачем он приехал в совхоз. Встречные приветливо здоровались с ним и охотно заводили разговор. Ребята стояли рядом довольные, будто это их спрашивали про электростанцию.

В магазине Матвеенку долго ходил от прилавка к прилавку, присматривался и приценился ко всему, но купил только папи-

рос и зубную пасту. Потом глянул на ребят и попросил взвесить два раза по двести граммов шоколадных конфет. Друзья, потупясь, упорно отказывались от пакетиков. А на душе у каждого было очень приятно.

На обратном пути встретился заведующий клубом. Потом подошла Мария Ивановна Орловская. Максим Петрович заговорился с ними и, кажется, забыл про ребят. Они постояли в сторонке, подождали, затем Лева предложил:

— Пошли домой?

— Пошли, — согласился Вася.

— К нам, в сарай? — Лева покосился на товарища. Тот, строго сдвигая брови, подумал и решительно сказал:

— Нет, домой пойду!

Хорошо сказать, а сделать труднее. Открывая калитку, Вася чувствовал трепетное биение сердца. «Как встретит мать? Что скажет?» Однако мальчик уверенно поднялся на крыльцо и переступил порог передней. Мать ужинала. Вася, пряча от нее глаза, неторопливо, по-хозяйски помыл руки и сел за стол. Валентина, с трудом скрывая радостное волнение, молча налила и поставила перед сыном полную тарелку крошки. Кушая, мальчик исподлобья, будто невзначай покосился на мать. «Сказать, что завтра пойду работать с дядей Максимом? Нет, потом...»

Мать, отойдя к окну, не спускала с сына пристального взгляда. Хотелось поговорить с ним откровенно и серьезно, как со взрослым. Глубоко вздохнув, как бы набираясь решимости, она сказала:

— Пришел. А я думала — не придешь. Оставишь одну...

Вася чуть приподнял склоненную над тарелкой голову, из-под крутого упрямого лба блеснули холодные недоверчивые глаза.

— Почему одна? А Яков?..

Валентина почувствовала, как у нее загорелось стыдом лицо, а потом всем существом овладело гневное раздражение. Будто интересуясь чем-то во дворе, она долго смотрела в окно.

— Случается, сынок, люди ошибаются, — ровно и как можно спокойнее сказала Валентина. — Вот и я ошиблась... Деньги ты не брал.

— Конечно, не брал. Я говорил...

— И в Якове я ошиблась. Он больше никогда не придет. Прошу тебя не вспоминать о нем. Мне больно. Понимаешь?

— Никогда не придет! — оживленно воскликнул мальчик и положил ложку, потом опять взялся за нее.

— Ты очень плохо сделал — не пошел на экзамен. Все об этом говорят... и Глафира Павловна...

Мальчик виновато потупился.

— Скоро сдам. Завтра с дядей Максимом работать пойду. Знаешь дядю Максима? Он приехал электростанцию строить.

— Утром Вася проснулся, и первая мысль была о дяде Максиме. Вася обеспокоенно взглянул на будильник. Уже тридцать пять минут восьмого. Конечно, они теперь уехали. А может, почему-либо задержались? Может, так же, как и он, проспали или еще что случилось? Вася поспешно спрыгнул с кровати. И как он ни торопился, все равно опоздал. Заезжая оказалась закрытой. Не было и автомашины во дворе. От нее остался лишь рубчатый след да сизые капли автола на зеленом конотопе. Вася неприязненно покосился на бурый от ржавчины замок и, не зная, что делать, уселся со скучающим видом на крылечко. Рядом стояли густые тенистые кусты сирени. От них еще веяло влажной ночной прохладой. Васе было грустно и досадно, что дядя Максим уехал. Когда он теперь придет? Может, сегодня не вернется? А если совсем не вернется? Эта мысль показалась очень неприятной, и Вася поспешил от нее избавиться. Он старался думать о ином, а неприятная мысль не давала покоя. Наконец, она допекла так, что мальчик вскочил, сбежал с крылечка, прошел в угол двора. И все равно назойливая мысль никак не отставала. Вася уже намеревался заглянуть в окно, чтобы убедиться, стоят ли те зеленые ящики или их забрали. В это время звякнула щеколда калитки. От неожиданности мальчик вздрогнул, насторожился. Уж не комендант ли Гордеич? Строгий он. Скажет, зачем тебя сюда занесло, когда никого нет. Однако калитка не распахнулась. Она приоткрылась, закрылась и опять приоткрылась. Ясно, что это не комендант. Тревогу сменило любопытство. Когда мальчик осторожно двинулся к калитке, показалась голова Левы, с взерошенными, видать, не чесанными после сна волосами. Не удивляясь присутствию Васи, Лева обстоятельно осмотрелся и упавшим голосом спросил:

— Уехали?

— Уехали, — с тяжелым вздохом подтвердил Вася.

— На эту самую... как ее... рекогносцировку?

— Ну да, туда.

Друзья удрученно помолчали, потом стали думать, что предпринять. Хотелось непременно узнать, куда уехал дядя Максим. Поэтому, в первую очередь, надо разгадать это странное слово, на котором все время спотыкаешься. И почему они вчера не дознались про него? Глафира Павловна, конечно, знает, но она, говорят, уехала в Барнаул учиться. Совсем седая, а каждое лето учится. У других учителей спрашивать неудобно.

— Может, Петя скажет? — предположил Лева.

Вася подумал и согласился, что тот, пожалуй, скажет. Он девятый класс закончил и много книг читает. Ведь не зря же он пионервожатый.

На пути в школу друзьям повстречался Генка Рябинин. Гоняя целыми днями по крыше голубей, белесый Генка так загорел, что нос у него облупился, стал розово-сизым, напоминая

молодую картошку. Из-за пазухи у Генки виднелся хвост голубя. Впоследствии в разговоре выяснилось, что Генка направлялся куда-то на край поселка получать выкуп за только что пойманного молодого турмана.

В школе каждому известна генкина страсть к непонятным словам. Он ловит их на лету в разговоре, вычитывает в книжках и записывает в толстый, истертый блокнот, с которым, наверное, и ночью не расстается. Генка старается узнать значение этих слов, пристаёт с ними к учителям, бегает в библиотеку, даже в «Пионерскую правду» как-то писал. Иногда все усилия его оказываются безуспешными. Это не мешает Генке козырять непонятными словами. Получается очень смешно. Даже серьезная Глафира Павловна однажды расхохоталась и сказала: «Гена, надо употреблять только те слова, смысл которых ты хорошо знаешь».

Еще издали, заметив Генку, Вася слевой обрадованно переглянулись.

— Спросим?

— Спросим, — согласился Лева.

И спросили.

— Эх, вы, комики! — высокомерно ухмыльнулся Генка. — Даже сказать как следует не умеете. Ре-ког-но-сци-ровка, — передразнил он, обидно скривив рот.

Брови Васи сдвинулись к переносью, а серые глаза загорелись гневом, недвижимо уставились на Генку. Лишь неотразимое желание открыть тайну слова удержало Васю от ссоры. Струнувший вначале Генка почувствовал это и ободрился.

— Сейчас мы найдем... У меня таких слов тысячи, — придерживая одной рукой голубя за пазухой, второй Генка достал из кармана заветный блокнот. — У меня порядок... По алфавиту... Значит, на «р». Вот равелин... ракурс... ренессанс... хм, наверное, пропустил... Еще посмотрим...

По тому, как удлинялось и блекло Генкино лицо, Вася слевой поняли, что интересовавшего их слова нет.

— Хвалится тоже, — укоризненно протянул Вася.

Генке нечего было сказать в оправдание. Сконфуженный, он еще некоторое время листал блокнот, затем неожиданно встрепенулся.

— Ну и пусть нет. Я так вспомню, — он вскинул глаза и начал усиленно скрести затылок. — Разные ведь слова... Вот медицина... а там есть хирургия, — когда режут... Стоматология... Онкология... И рекогносцировка к медицине относится. Точно! Я читал, — заключил Генка, стараясь придать своему голосу как можно больше уверенности.

— Сказал тоже... — Вася расхохотался. — Дядя Максим не врач, а инженер-разведчик. Электростанцию приехал строить, а ты медицина...

— Не знаешь, так не врал бы, — строго упрекнул Лева.

— А ты знаешь, что такое нивелир? — спросил Вася.

— А теодолит? — спросил Лева.

Генка, конечно, не знал. Он окончательно был уничтожен.

— Мы с дядей Максимом будем работать и все узнаем, — сказал Вася и обратился к Лева: — Пошли!

Растерянный Генка постоял на дороге, потом крикнул:

— Подумаешь, работники. Мы на Бобырган пойдем.

В это время из переулка послышался предостерегающий сигнал, а затем выскочила автомашина. Склонясь над кабиной, в кузове стоял Стасик. Ветер развеивал его длинные соломенного цвета волосы.

— Максим Петрович! Дядя Максим! — обрадованно закричал Вася, а Лева замахал руками. Друзья нырнули в бурое, поднятое автомашиной облако пыли. Генка посмотрел им вслед, презрительно усмехнулся и пошел своей дорогой. Сделал несколько шагов и остановился. На худощавом белобрысом лице появилась растерянность. Он опять сделал несколько шагов и опять остановился. Смотря себе под ноги, задумался, затем решительно тряхнул головой и бросился со всех ног вдогонку за товарищами. Но бежать ему было неудобно: мешал голубь. Не останавливаясь, Генка запустил руку за пазуху, взял голубя и подбросил его. Радостно хлопая крыльями, турман свечою взмыл над поселком.

Когда Генка, задыхаясь от усталости, забежал во двор заезжей, Вася с Левою по-хозяйски сидели на подножке автомашины. Ожидая сошедшего у столовой Матвеевко, они дружелюбно беседовали. Генка, ничего не говоря, опустился на нижнюю ступеньку крыльца, вытер рукавом на побледневшем лице пот.

— Пришел? — с неприязнью и явной иронией спросил Вася.

— Пришел, — буркнул Генка.

— А мы приехали, — Вася довольно хмыкнул.

Генка обиженно отвернулся. Друзья опять стали беседовать, но Генка не вмешивался, даже, кажется, не прислушивался. Может быть, в эту минуту он сожалел о турмане, о пропавшем за него выкупе.

Время от времени Вася осторожно толкал друга локтем и, хитро подмигивая, показывал взглядом на Генкину спину, дескать, полюбуйся — сидит. А чего, спрашивается, сидит? Что ему надо? Какое-то ревнивое чувство раздражало Васю и вызывало неприязнь к Генке, с которым они и раньше никогда особенно не ладили. Васе казалось, что все права на дружбу с Матвеевко принадлежат ему, да еще Лева, но, конечно, не в такой степени. Ведь у Лева есть отец, а у него, Васи, нет. А Генке совсем тут нечего примазываться. Шел бы лучше своих голубей гонять. Наконец, Вася не выдержал и отозвал Леву за автомашину. Косясь в сторону Генки, зашептал:

— Зачем он пришел?

Лева недоумевающе пожал плечами.

- Наверное, это слово узнать?
- Наверное, — согласился Лева.
- А может, на работу станет проситься?
- Может, — опять согласился Лева, переступая с ноги на ногу.

Вася замолчал, внутренне досадуя на товарища: мямлит, тянет, ничего определенного не скажет. Иной бы сразу предложил вытурить Генку со двора. Одному связываться с ним неохота.

Когда открылась калитка и вошел Матвеенко, Генка поспешно вскочил, волнуясь, спросил:

— Вы знаете, что такое рекогносцировка?

Матвеенко, поставив на ступеньку ногу, окинул внимательным взглядом незнакомого ему мальчика. Усмешливо прищурился, широко расставленные глаза, он с нарочитой суровостью сказал:

— Знаю.

— Скажите, а? — умоляюще просил Генка, торопливо выхватывая из кармана блокнот.

Матвеенко присел на крыльцо, достал из кармана папиросы. Вася с Левой подступили к Максиму Петровичу, ожидая, когда же он, наконец, откроет смысл этого странного, принесшего им столько хлопот и беспокойства слова.

— Рекогносцировка — это знакомство с местностью, предварительное обследование.

— А-а-а, — разочарованно протянул Вася. Мальчику стало досадно. Думали, гадали, а оказалось вот что — обследование местности.

— А он говорил: рекогносцировка — как хирургия, — Вася кивнул в сторону Генки.

— А ты говорил, что это город, — заметил Лева.

— А ты-то что говорил? — Вася смутился, а Матвеенко рассмеялся.

— Вот фантазеры!

— На работу меня примете? — спросил Генка. — Примете?

Вася насупился так, что на щеке отчетливо обозначилась полоска шрама. «Дядя Максим, не принимайте его, знаете он какой? Будет только хвастаться, а работать не станет?» — хотел сказать Вася, но постеснялся.

— Это надо подумать, — сказал Матвеенко. — Пожалуй, примем.

КРИВОЙ ДОРОГОЙ

Вторую неделю Валентина занималась на курсах. С ней в группе были люди из Свердловской, Омской, Курганской, Новосибирской, Томской и других областей и краев. И будто каждый из них привез что-то свое. Свои дела, обычаи, даже говор.

Преподавали молодые работники Московского института. Один из них очень заинтересовался работой бригады Марии Ивановны. Говорил, что об этом он обязательно напишет в журнал. «Хорошее начинание нужно применить во всех звероводческих хозяйствах».

На занятиях Валентина узнавала много интересного, ранее совсем неизвестного. Ей было радостно и в то же время возникла досада, что столько лет работала на звероферме и не знала нужного. И Валентина еще старательней слушала лекции, читала и перечитывала учебники. Но иногда, смотря на преподавателя широко открытыми глазами или склонясь над книгой, она невольно задумывалась о Якове и сыне. При этом становилось до слез обидно, стыдно и болело сердце. Как она могла обмануться в своих чувствах? А возможно, Яков не такой уж плохой? Ну, взял деньги. Что же особенного? Он же сказал... Валентина начинала подробно припоминать свои отношения с Яковым, его поступки, слова. И вдруг спохватилась: «Зачем я утешаю себя? Не тот он человек. И нечего о нем думать. Надо заниматься».

Иногда Валентина случайно встречалась с Яковым на улице. Шофер смотрел нагло вато и так, будто вовсе не знал Валентину. Она краснела и, опуская голову, ускоряла шаги. Миновав Якова, опасливо оглядывалась. Казалось, люди, увидев их, могут что-нибудь заподозрить, подумать, что они опять вместе. А Валентина больше не хотела этого. Пусть болит сердце — все равно... Сердцу не привыкать болеть. Успокоится...

На курсах Валентина познакомилась с девушкой Ритой. Худенькая, живая, с пышными волосами, обесцвеченными перекисью водорода, она отличалась словоохотливостью. Ее торопливая речь с мягким произношением «р» была приятной, как детский лепет. Рита много рассказывала о своем далеком совхозе, а затем стала посвящать подругу в свои сердечные дела. Слушая ее, Валентина замечала, что Рита судит обо всем легко, беззаботно. Это сначала насторожило Валентину, потом стало вызывать неприязнь к новой подружке.

Однажды, когда Валентина с Ритой возвращались с занятий, за спиной, совсем рядом, неожиданно и резко рывкнула автомашина. Подруги, испуганно взвизгнув, бросились с дороги. Машина остановилась, открылась дверца кабины.

— Испугались? — с хохотом спросил Яков. — В город поедешь? К вечеру вернемся.

Валентина растерялась, покраснела и никак не могла найти с ответом. Хотелось проявить настойчивость, чтобы Яков раз и навсегда понял, что тогда у гаража у нее была не вспышка гнева, а твердое решение окончательно разойтись с ним. В то же время будто кто-то посторонний толкал Валентину к кабине и шептал: «Поезжай. Поговорите. Может, все выяснится... Помиритесь».

Пока Валентина мучилась в сомнениях, Рита бросила на

подругу короткий, извиняющийся взгляд и, бережно поддерживая длинное платье, начала забираться в кабину. Машина ушла, а Валентина долго стояла у дороги и никак не могла понять происшедшего. Оказывается, не ее приглашал Яков. А она переживала, думала...

После, встречая свою новую знакомую с шофером, Валентина порывалась предостеречь ее, рассказать все о Якове, но удерживало сомнение: «Не поверит она. Подумает, из-за ревности наговариваю...»

В тот вечер Яков вернулся из города слегка подвыпившим. Только успел поставить в гараж автомашину, прибежала из конторы посыльная.

— Павлюков, тебя Мария Ивановна вызывает.

— Орловская? — Яков неприязненно покосился на девушку. — Зачем я ей понадобился? Я человек беспартийный... Никакого отношения к ней не имею.

— Это ты ей скажи. Мне-то чего говоришь? — девушка усмехнулась и, взмахнув рукой, убежала.

В кабинет секретаря партийной организации Яков вошел вкрадчиво. Присев на предложенный Орловской стул, старался напустить на себя безразличие. Но это плохо удавалось. В его взгляде то и дело проскальзывала беспокойная настороженность.

Мария Ивановна покопалась зачем-то в ящичке стола, затем задвинула его и окинула Якова внимательным, изучающим взглядом.

— Павлюков, у тебя в родной деревне осталась мать?

— Осталась, — подтвердил Яков, и взгляд его, устремленный на Марию Ивановну, послешно перескочил на свои колени.

— Оказывается, помнишь... А я думала, совсем забыл... Вот посторонние люди сообщают, что она болеет, нуждается. А ты не то что помочь, письма не напишешь.

— Некогда писать... Работы много... А помощи она не просит. Попросят — помогу. И нечего меня тут укорять. Я не заслужил такого. Поинтересуйтесь, как работаю, — Яков решительно вскинул голову, но встретив презрительно холодные глаза Марии Ивановны, пришел в замешательство, отвернулся.

— Где старухе тебя найти, если ты хуже перелетной птицы. Она давно потеряла тебя, — Мария Ивановна замолкла, с трудом подавляя охватившее ее возмущение. Затем спокойно сказала: — Тех, кто забывает о своем долге, не только укоряют, а судят. Так поступим и с тобой, если не образумишься. Вот все, что я хотела тебе сказать.

Яков встал и, надевая кепку, двинулся к двери. Мария Ивановна тоже встала из-за стола.

— А работой, Яков, никогда не козыряй. Советский человек должен не только хорошо работать, но иметь хорошую, честную душу. Подумай об этом, Яков.

«Как школьника учит», — думал Яков, все более раздра-

жаясь. Он зло пнул крутившуюся около крыльца конторы собачонку. Та, взвизгнув, отскочила и с удивлением и обидой смотрела вслед Якову, который размашисто зашагал к общезнанию.

— Подождите! — угрожающе бормотал он. — Я вам нервы помотаю.

И Яков не забыл своей угрозы.

Некоторое время спустя в совхоз пришла райкомовская «Победа». Приехал высокий, сутуловатый человек с умным, немного усталым лицом. Он прошел в кабинет секретаря партийной организации. Мария Ивановна встретила его приветливо.

— Павел Степанович, каким ветром?.. — Она крепко пожала руку работнику райкома партии.

— Ветром неприятным... Жалоба поступила... Требуется проверить, — работник райкома сосредоточенно смотрел на свой указательный палец, которым он раскачивал пресспапье. Ему было неудобно оттого, что в анонимной жалобе Мария Ивановна обвинялась в хищении кормов с зерокухни. Работник же райкома давно знал Орловскую и был уверен в ее честности.

Мария Ивановна как-то интуитивно поняла состояние работника райкома. Как всякий честный человек, обвиняемый в нечестности, она стыдливо покраснела, затем решительно сказала:

— Ну, что же, Павел Степанович, пожалуйста, проверяйте жалобу.

И работник райкома около недели прожил в совхозе. Он вызывал на беседу многих звероводов, сам проверил, как готовятся и раздаются корма, и, наконец, окончательно убедился, что анонимная жалоба является грязной клеветой.

СЧАСТЬЕ ПРИДЕТ

Внимательно присматриваясь к сыну, Валентина замечала в нем большие перемены. Мальчик становился все меньше замкнутым и отчужденным. Пропало, кажется, и недоверие, а порой и враждебное отношение к ней, матери. Теперь Вася все чаще смеялся, и тогда в его серых больших глазах мелькали шаловливые искорки детского задора. Валентина радовалась, хотя внешне старалась быть спокойной, когда нужно, — требовательной или строгой. Но не всегда это удавалось. Случалось, забыв обо всем, она смеялась вместе с сыном, а руки невольно тянулись приласкать его.

Причины таких перемен мальчика Валентина объясняла разрывом своих отношений с Яковым. Правда, только раз она сказала об этом сыну. Очевидно, он сам убедился, что ненавистный ему человек не интересуется больше мать, и перестал волноваться, переживать, окончательно успокоился. Но были и дру-

гие причины перемены сына, которые Валентина вскоре тоже поняла.

Вася работал с Матвеевко на изысканиях электростанции. Утрами он вставал вместе с матерью, иногда и раньше ее. Наспех умывался, завтракал и, прихватив сумочку с запасенной с вечера едой, спешил в заезжую. Оттуда они выезжали на автомашине в поле. Возвращался Вася разморенный зноем, но довольный. Жадно набрасывался на еду. По его глазам и темному, сильно загорелому лицу Валентина видела, что сыну не терпится рассказать о накопившихся за день впечатлениях. Только он никак не может осмелиться..

— Ну как вы работали? — спросила Валентина. А потом уже больше не спрашивала; Вася сам, еще как следует не поев, начинал горячо и сбивчиво рассказывать, и Валентина узнала об изыскателях столько, будто сама все время с ними работала. Оказывается, в первый день работа показалась ребятам очень трудной. Сначала-то была нетрудная. Они разбивали пикетаж. Васе и Леве дядя Максим дал мерную ленту. Она намотана на железный круг. Дядя Максим взял этот круг, покрутил какой-то винтик, и на землю упал конец ленты с удобной ручкой. Вася схватился за ручку, пятился, пятился, а ленте все не было конца. В ней двадцать метров. Ленту нужно встряхивать и натягивать, а перекручивать нельзя, потому что она стальная и может лопнуть. А еще дядя Максим передал ребятам шесть больших железных шпилек. Когда Вася слевой отмеряют ленту, то концы ее прикалывают шпильками. Эти шпильки оказались вроде хороших счетов. Передаст Вася идущему впереди Леве пять шпилек, воткнет тот последнюю — тут уж считай, не считай — сто метров отмерено.

— Пикет! — закричит Лева.

К нему подойдут Стасик, Вася и Генка с маленьким топориком в руках и мешком за плечами, в котором погромыхивают деревянные колышки. Сбрасывая на ходу мешок, Генка опускается на колени и вбивает на месте шпильки маленький беленький колышек. Он называется точкой и забивается почти вровень с землей. А рядом ставится второй колышек, большой. Он называется сторожкой, потому что вроде стережет маленький. На нем Стасик пишет номер пикета. Напишет ПК-14 — это значит, что прошли они один километр и четыреста метров. На маленькие колышки будут потом ставиться рейки с цифрами, и дядя Максим нивелиром измеряет, насколько одна точка выше другой. Если этого не узнаешь, то никакой гидроэлектростанции не построишь. А если построишь, так она не будет как следует работать.

Сначала Генке, видать, очень понравилось забивать колышки. Он улыбался, потихоньку что-то пел и насвистывал. Но когда солнце поднялось над головой и стало невозможно жарко, Генка замолк. Концом мешка он часто вытирал с лица пот,

охла и крякал, а забивая колышки, болезненно морщился и смотрел на ладонь. Вася тоже устал, захотел пить, но крепился. А Лева все, кажется, было нипочем. Он, знай, шагал себе с лентой, будто только начал работать. Видя, что Генка совсем раскис и начал отставать, Лева предложил ему идти с лентой, а сам взялся забивать колышки.

Когда дядя Максим спросил, как дела, Генка, потупясь, сказал:

— Жарко. Домой бы.. Спина болит.

Дядя Максим сразу ничего не сказал, но, наверное, рассердился, потому что строго и как-то подозрительно посмотрел на всех. А потом закурил и сказал:

— Да, выходит, плохая у вас воля, трудностей боитесь. Ну что же, не все такие.. Есть ребята упорные, настойчивые. Им и жара нипочем и спина не болит.

— Да мы чего? Мы ничего, — сказал Лева. — Это вон Генка разнюнился.

А Вася сказал, что не надо было Генку принимать на работу, — он мастер только голубей по крышам гонять. Генка, краснея, схватил свой ковец ленты.

— Я только сказал, что спина болит. Так это пройдет. Привыкнем. Пошли!

Ребята разбили еще несколько пикетов, а потом дядя Максим приказал садиться в машину. Они поехали к реке. Там искупались, пообедали и еще искупались. После работали до самого вечера, и никто не уморился.

Свете Орловской тоже охота работать на изысканиях. Только домоседовать некому. Дядя Максим сказал, что без нее обойдемся. А она твердит, что обязательно пойдет. Как только придет бабушка погостить, так Света станет работать.

А сегодня Вася уйдет после ужина в заезжую. Будет там задачи решать, а потом дядя Максим проверит.

— И что только там за дядя Максим? — с чувством материнской ревности сказала Валентина. — С языка у тебя не сходит.

— А что? Как Яков, что ли? — поспешно взглянув на мать, Вася понял, что сказал лишнего, смущенно потупился.

— А при чем тут Яков? — рассердилась Валентина. — Он ни при чем. И нечего его поминать. Я же тебя просила..

Мальчик несколько не обиделся за грубый тон матери. Даже, кажется, остался доволен.

— А как фамилия твоего дяди Максима? — после некоторого молчания спросила мать.

— Матвеенко, — охотно ответил Вася.

— Матвеенко?.. Матвеенко?.. — Валентина задумчиво прищурила глаза. — Знакомая фамилия. Вроде где-то встречала.

— В папином-то дневнике.. забыла?..

— Да, правильно!.. Мало ли таких фамилий.

— А может, это он? Папин товарищ?.. — с радостным блеском в глазах воскликнул мальчик.

— Прямо... Откуда он возьмется? — безразличным тоном сказала мать.

— Вот если бы он, — Вася мечтательно вздохнул. Очень уж нравился ему дядя Максим. С каждым днем Вася все больше привязывался к нему. Максим Петрович не выказывал к мальчику особенной привязанности и нежности, а случалось — был справедливо строгим и требовательным. И, очевидно, поэтому каждое одобрителное слово или даже взгляд Матвеенко необычайно радовали Васю.

Мальчик и раньше не раз обращал внимание на смелые и волевые поступки окружающих. Слышал о них от Глафиры Павловны, матери, Марии Ивановны Орловской. Волновала Васю жизнь отца. Много думая о ней, мальчик старался бороться со своими недостатками. Но проходили дни, и все незаметно забывалось. Тот вредный, посторонний, который, казалось мальчику, сидел в нем и с которым он боролся, начинал постепенно побеждать. Вася, сам не замечал, как проявлял упрямство или грубость, а иногда поддавался лени.

У Максима Петровича все выходило просто и ясно. Казалось, он никогда не колебался, не поддавался слабостям — спокойно и уверенно делал свое дело, шел вперед. И мальчику около него стало спокойно и легко. Не стало сомнений и колебаний.

Незаметно для себя, Вася начал во всем подражать Максиму Петровичу. В разговоре он, так же, как Матвеенко, старался не торопиться, не бросать лишних слов, быть точным. Даже походка и та изменилась у мальчика — стала четкой и неторопливой, как у Максима Петровича.

Валентина не знала Матвеенко, лишь один раз она случайно встретила его в конторе. Но, слушая о нем восторженные рассказы сына, Валентина поняла, что многое хорошее у мальчика идет от Матвеенко. Ему подражает Вася.

Хорошо отзывались об инженере и взрослые. Директор совхоза, разговаривая об электростанции, сказал:

— Электростанция будет! Максим Петрович доведет это дело до конца.

— Серьезный человек, — согласилась Мария Ивановна и, немного погодя, добавила: — Фронтовик...

Все это возбудило в Валентине любопытство, вызывало желание как-то поближе узнать Матвеенко. «Что за человек?» — думала она.

Однажды вечером Валентина зашла в библиотеку и увидела Матвеенко. Это было так неожиданно, что на пороге Валентина почему-то пришла в замешательство, глянула на блестящий крашеный пол, затем решительно вскинула голову и прошла к библиотекарше. А Матвеенко, кажется, ничего не заметил.

В сиреновой шелковой рубашке с засученными выше локтей рукавами, крепкий, загорелый, он с увлечением просматривал только что полученные тома нового подписного издания Максима Горького. Захлопнув книгу, Максим Петрович обратился к библиотекарше, худощавой женщине с гладко зачесанными, седеющими волосами.

— Какой писатель, а! Можно без конца читать и перечитывать... Ведь только Максим Горький мог сказать: «Человек — это звучит гордо!»

— Да, да, — встрепенулась библиотекарша, и глаза ее заблестели.

«Гордо, — подумала Валентина. — Какой человек?.. Вон Яков — тоже человек... Правда, хорошо сказано... А я почти совсем не знаю Горького».

— Максим Петрович, может вы прочитаете лекцию о Горьком? Прочитаете? Вы любите его. Главное — надо любить... — В ожидании ответа, библиотекарша нетерпеливо поднялась со стула.

— Гм, — Матвеенко смущенно усмехнулся. — Ловко вы пользуетесь моментом. Что же, пожалуй, можно прочитать.

Облегченно опускаясь на стул, библиотекарша обратилась к Валентине:

— Давно у нас не была.

— Все некогда. На курсах учусь. Дайте мне что-нибудь нового. Вот Горького дайте.

— Твердых... — библиотекарша стала быстро перебирать абонетные карточки.

Склонясь над барьером, Валентина почувствовала на себе пристальный взгляд Матвеенко. Несмело повернулась к нему.

— Извините, вы не мать Васи?

— Да, — сказала Валентина.

— Я сразу догадался. У вас Васины глаза, то-есть наоборот... у Васи ваши... — Все это Матвеенко сказал в какой-то радостной растерянности, а под конец смутился.

Получив том Горького, Валентина вышла из библиотеки. Медленно спускаясь по ступенькам крыльца, думала о том, что, возможно, Вася был прав — это действительно тот Матвеенко, Сергейев друг. Разве вернуться, спросить? Неудобно как-то. Лучше когда-нибудь в другой раз... А он правда, кажется, неплохой человек. Неплохой... Яков тоже сначала казался неплохим. Все они одинаковые. Нет, почему же одинаковые? Много хороших людей на свете, много и счастья. И когда-нибудь придет оно к ним — Валентине и Васе. Придет!

И. ЗДОРОВЕНКО

У ИСТОКА

Поэма

По данным ряда исследователей, в клетке, пораженной болезнью, нарушается ионное равновесие, свойственное полиоценной здоровой клетке. Это равновесие сдвигается в ней в сторону преобладания отрицательных зарядов. Облучение полностью или частично восполняет этот недостаток. Поток ионов не задерживается внешними покровами: он проникает внутрь тканей, обогащает, как бы дозаряжает клетки. Действуя на нервную систему и весь организм в целом, он приводит в конечном счете к восстановлению ткани.

На помощь организму приходят не только мириады ионов. Сплав представляет собой комбинацию различных химических элементов. Некоторые из них не являются новостью в медицинской практике и издавна прописываются врачами в качестве лечебных средств при разных заболеваниях.

(Из печати).

1.

Полночь сочинского лета.
Два последние звонка,
И взмахнувшая беретом
Чья-то девичья рука.
И не стало у вагона
Ни вокзала,
Ни перрона.
Замелькали мимо зданья,

Закружилось небо вдруг...
До нескорого свиданья,
Милый город,
Светлый юг,
Горы в знойной позолоте,
Моря радужная ширь!

По желанью,
По охоте
Приступать к своей работе
Едет девушка в Сибирь.

А Сибирь далека,
Путь-дорога велика.

В быстром беге версты смяты,
Думы сну
Не превозмочь.
Абрикосами и мятой
Пахнет сочинская ночь.
Все так скоро,
Все как в сказке...
Над окошком звезд карниз,
Обжигает щеки лаской
Молодой соленый бриз.
Будто хочет и не в силах
Ей сказать свое прости.
Если б все,
Чем сердце жило,
Все, что здесь она любила,
Если б это можно было
Все с собою увезти!..
Только нет чудес на свете...
Были горы — нету гор.
За окном вагона —
Степи,
Неогляден их простор.

2

Водной рябью,
Ранней зябью,
Козьей тролкой по стерне
Бродит осень в тишине
По сибирской стороне.
Жжет полынные метелки
И заправским маляром
Красит рощи, красит колки
Золотом и серебром.
От рассвета до рассвета
Гонит пыль от большаков

Над последним эхом лета,
Над горячкою токов,
Над бессменной эстафетой
Бричек и грузовиков;
Выметает стружки в поле,
До дождливой до поры
Бронью шифера и толя
Кроет новые двory.

На хвою,
На подорожник
Сгустком свет и штрихом тень —
Шедрой кистью луч-художник
Вырисовывает день.
По шоссе межрайонной
Мчится к солнцу напрямик,
Свежим ветром окрыленный,
Запыленный грузовик.
Над кабиной — с неба снятый
Лоскуток зари — кумач.
За кабиною покатою
Бородатый
Провожатый
И молоденькая врач.
Мчит вдоль просеки трехтонка,
Мягко шинами урча.
Сосны жмурятся спросонку
В первых утренних лучах.
Бойкий дятел
Стуком дробным
Будоражит сонный бор.
Дед и врач
Ведут подробный,
Деловитый разговор
О пути,
О взмете зяби,
О колхозе и о том,
Что и как в простом масштабе
И в масштабе мировом.
Врач выкладывает деду
Опасения свои,
Ну, а деду —
Дай беседу
И обедом не корми.

— С багажом твоим, к примеру,
Так по здравому уму -
Надо выискать квартиру

У хозяйки,
Чтоб в дому
Был всегда догляд, забота...
Я, к примеру, не в укор,
Потому у вас работа...

Газик катит под бугор.
Полдень жаркой позолотой
Осыпает сизый бор.
Ветерок кружит по следу,
Пылью путает траву.

У врача беседа с дедом
О делах по существу:
— Сам хватил с болезнью лиха.
Почему?..
А дело в том,
Что, к примеру, без врачихи
Скоро год как мы живем.
Смех и грех.
А только с вами
Не везет народу тут:
То, глядишь, сбежите сами,
То приедут увезут.
В первый раз прислали нам —
Врач, скажу я, всем врачам
Лидия Петровна —
И собой видна,
Умна,
И характер ровный,
И народ ее любил,
Да случись такое:
Летчик в отпуск прикатил —
Дело молодое —
Полюбилась, и увез.
Да и как иначе?
С той поры у нас колхоз
Без врачей и плачет.
Осень прошлую в колхоз
Новую прислали.
Ну уж эту, так сказать,
Аллой называли.
И полгода не жила —
Заскучала Алла,
А к зиме
Дела сдала, —
В город убежала.
Вот теперь тебя везем.

Ожидают люди.
А подумать обо всем —
Что из вас-то будет?
Может, будешь врач как врач,
Ну, а вдруг, как Алла? —
И опять народ хоть плачь —
Толку будет мало.
Я, к примеру, не в укор,
Разговор как разговор,
К слову, слышь, толкую.
А квартиру... Рад вполне,
Коль заедешь ты ко мне —
Примем, как родную.

У врача дрожат ресницы,
В горле сухость,
Щеки — мак.
Дед к врачу спиной садится
Тихо кашляет в кулак,
Только хмурь в глазах у деда,
Ишь ты!
Видно, горяча...
А, к примеру, кто же ведал,
Что сломается беседа
Персонально на врачах?

3

Горизонт из тучек соткан.
Под мычание коров
Мчится газик мимо окон,
Мимо прясел и дворов,
Мимо арки
С алым флагом,
Мимо нового сельмага.
Мчится газик,
А из окон,
Из калиток и ворот
Любопытствует народ.
Кто-то выкрикнул:
— Широков
Снова
Докторшу везет!
Это «снова»
Острым жалом
Вдруг притронулось к груди..
Видно, приняли за Аллу,
Что же, ладно, поглядим!

В светлом классе тишина.
 Врач в халате у окна.
 Зайчик солнца со двора
 Бьется в стекла,
 Падая,
 Как на сгусток серебра,
 На сиянье шпателя;
 Брызжет, искрясь, на флаконах,
 Рассыпается в лучах
 На ребячьих удивленных
 Все вбирающих глазах.
 Стетоскопа стебелек
 В грудь ребячью целится..
 А по классу шепоток
 Суховеем стелется..
 — Что боишься?
 Не привык?
 Покажи-ка мне язык..
 Язычок хороший.
 Как зовут?
 Иван Кузьмич?
 Ну так вот, Иван Кузьмич,
 Надо волосы остричь,
 Ноготочки тоже..
 Медосмотр идет к концу,
 Оживает школа.
 У врачихи по лицу,
 Бродит луч веселый.
 Вдруг за классной дверью плач..
 — Где тут эта... тетя врач?
 В класс вбегают новичок,
 В кляксах новый пиджачок,
 Красный нос в чернилах.
 — Всех проверили у нас,
 А меня забыли.
 Я — Фролов, из группы «Б»,
 Я боюсь; а Толя
 Говорит: «Теперь тебе
 Не учиться в школе —
 У тебя ангина с мяч
 Завтра в горле вскочит...»
 Улыбнулась тетя врач,
 Дружно класс хохочет.
 — Ты здоров,
 Сергей Фролов!
 Это шутит Толя.

Ну, а завтра в пять часов,
На беседу в школе
Приходите оба
Слушать о микробах.
Приходите слушать все.

Крепнет мнение классное:
Врач хорошая совсем
И ничуть не страшная.

5.

По делам известен здесь
Лучший сварщик МТС,
Лучший в Логе гармонист.
Кто такой?
Ковров Борис.
Был Борис шутник большой
С легкой
Песенной душой.
Стал Борис совсем другой,
— Был Борис да вышел весь,
Шутят парни в МТС.

Каждый вечер по дорожке,
Молод,
Крепок
И плечист,
У Наташи под окошком
Ходит, ходит гармонист.
Не идет на ум веселье —
Давит сердце грусть-тоска.
Парня девушки жалели,
Все рядили: — Не рука!
Только врач на ту кручину
Даже бровью не вела,
И видать не без причины
Недогадливой была.

6.

Не по своим годам здоров
Был Петр Ильич Петров.
И в эти семьдесят и пять,
Что доживал Петров,
Он мог силенкою играть,
Как в двадцать пять годов.
Он с малых лет,
Как помнить стал,
Всегда стоял у дел,

Болезней отроду не знал
И знать их не хотел.
И не хвалясь здоровьем сам,
Любил шутить в ответ:
— Нам жизнь дается по делам,
А им — износу нет.
Не будет дел —
Тогда в гробок —
Таков мой срок-
Зарок.
Но вдруг неожиданная беда
Явилась на порог.
А началось все

с ног.

То ль простудил их по весне,
Или зашиб их, что ль?
А только стала вдоль ступней
Гулять частенько боль.
Сперва в одной,
Потом в другой,
Потом — не разберешь.
Болят нога, горит нога,
Порой хоть к черту на рога,
Хоть к медику под нож.
А там, глядишь,
И боль пройдет,
И опухоль спадет,
И снова
Жив-здоров
Петров,
И в кузницу идет.
Вот и сегодня сам собой
Он к наковальне встал.
И боли нет,
И взмах тугой,
И льется лентой восковой
Под молотком металл.
Так хорошо,
Легко,
И вдруг —
Вдоль ног
Огня поток,
И выпал в первый раз из рук
На землю молоток.
И от тоски
И боли
Пьян,
Где был —

Присел кузнец,
В ногах огонь,
В глазах туман.
Ну вот теперь...
Конец...
Поник над кузницей дымок,
Огонь к горну приник,
Сидят
Грустят —
Кузнечный бог
И парень-ученик.
Стоят дела,
В горне зола.
Веселый зоревик
Кружит над кузней в два крыла,
Грустят два друга,
Два орла —
Кузнец и ученик.
— Видать, лишь в гроб и гожий я.
— А ты бы шел к врачу...
— К врачу?
С моей-то рожею?
Неловко.
Не хочу!..
Ну вот теперь и все, Васек!
Не дожил я свой срок..
Не подкачай тут без меня.
А я...
К себе домой.

И зашагал в сияньи дня,
В сияньи солнца
Вдоль плетня
Той самую тропой,
Которой столько лет ходил
Из дому и домой.
Идет,
А боль — терпенья нет,
Как лед —
Тоска в глазах.
Пришел домой
И вовсе слег,
И больше встать
Не смог.

7.

Над студенной,
Над суровой

Над сибирской стороной
Предноябрьский, понизовый
Кружит ветер ледяной,
Кружит стружки,
Пенит лужи,
Туч процеженную тьму
Гонит к югу,
Сулит стужу,
Сулит близкую зиму;
К ноябрю готовит площадь,
Подметая все окрест.
Обстоятельно полощет
Флаг над крышей МТС.
Мнет плакаты на заборе,
По калиткам бьет в упор,
Кружит листья;
А в конторе —
Очень строгий разговор.
— Вам известно, что у вас
Можно ждать из часу в час
Травмы?
Между прочим,
Как могли вы без щитков
До работы у станков
Допустить рабочих?
У директора на лбу
Росы от волнения.
«Что ответить ей смогу?
Ну и положение!
Ну и докторша —
Беда!
Кроет и за дело,
Слово — бритва...
И когда
Доглядеть успела?
Вот и верь, что стыд не дым».
— В этом вас заверю:
Неполадки устраним.
— Хорошо,
Проверю.
Предвечерний
Жгучий,
Резкий,
Вымев улицу до тла,
В полной силе,
В полном блеске
Ходит ветер вдоль села.
Отжимает с глаз слезинки,

Валит уток на ходу,
Гонит первые снежинки
Вкось по пленчатому льду;
Хлещет хрупкой
Крупкой
В крыши,
Все для ветра трын-трава,
Нападает на афиши,
На которых есть слова:

«28 октября 28
в клубе
ЛЕКЦИЯ
Микробы — друзья
и враги человека.
Читает врач Н. П. Черных».

9

День субботний,
Вечер ранний
Догорает за селом,
Благодатью русской бани —
Пахнет паром и дымком
И березовым листком.
У читальни —
Смех гармошки.
Струйка дыма на трубе.
А в широковском окошке,
А в широковской избе —
Ярко лампочка горит,
Самобранкой стол накрыт,
Сипло чайничек поет
Голосом простуженным,
Настоятельно зовет,
Приглашает
К ужину.
Сам хозяин —
В уголке
С ниткой прошвы на руке
По уздечке водит шваикой,
Пришивает удила,
А Наташа да хозяйка
За беседой у стола.
— Что грустишь-то?

Право слово,
Брось ты думать про Петрова.
На веку
Не на боку —
Все бывает на веку.
Чем на думки тратить силы —
Лучше б в клуб
Пошла — сходила...
Вон как плачет гармонист —
Сердце надрывается.
Все, небось, Ковров Борис
Для тебя старается.
А хозяин из угла:
— Завела!
Ты таких не слушай, детка,
Ей от роду не везло,
У нее да у соседки,
Языки особой метки —
В лучшем разе
Помело.
Он, Петров,
Стал таков,
Не вчера,
Он, Петров,
Стал таков
Не с добра.
Коль коннуть в глубину —
Что Петров пережил!..
Он,
За эту войну,
Двух сынов схоронил,
Двух орлов потерял...
Схоронить —
Не забыть,
В землю с глаз,
Да из сердца не враз.
Двух орлов потерял,
От потери такой
У любого из нас —
Укоротится век.
А Петров пережил,
А Петров устоял,
Значит сильной
И гордой души
Человек.
А годочек тому —
Снова горе к нему
Как назло:

Дочь студентка
Порезала ногу стеклом.
Он врача привозил —
Та сказала:
Пустяк!
А к тому пустяку
Прицепился столбняк.
Он и дочь схоронил..
Все Петров пережил
Все ему по плечу,
Только, значит,
Врачу
До сих пор не простил.
У Петрова утечи —
Здоровье да труд,
Да и это хвороба решила отнять.
Он,
Петров,
Стал таков
Не вчера,
Не с добра.
Вот как надо все тут
Понимать.

.....
За окошком —
Рыданье гармошки,
То где-то далеко,
То близ,
А месяц,
Хрустальной сережкой
По звездной спустившись дорожке,
Над самым окошком
Повис.
Густою,
Молочною дымкой
Поземка вдоль улиц мела..
А сон в эту ночь
Невидимкой
Ходил и ходил вдоль села,
Веселый,
Лучистый
Да чуткий,
Над всеми
Кружил-ворожил,
К Наташе зашел на минутку
И тут же ее разбудил,
Развеял все дивное-диво,
Напомнив другое,

Не то...
Проснулась,
Рукой торопливой
Набросила шаль и пальто
На круглые девичьи плечи
И вышла она на крыльцо,
Суровому ветру навстречу
Упрямо подставив лицо.
И в легком пальтишке в накидку
Почти что бегом по селу
Пошла от калитки
К калитке
В глухую
Морозную мглу,
Туда,
Где чертой стометровой
По снегу,
Как солнечный след,
Призывно
В окошке Петрова
Горел немигающий свет.

10

Петров не спал,
Как будто ждал.
— Ну что ж...
Пришла — садись, —
Проведать, значит, старика?
И два лукавых огонька,
Два жгучих, жгучих уголька
В его глазах зажглись.
— Садись.
— Спасибо...
Я сейчас.
Наташа мигом, враз
Разделась,
Сбросила платок,
Лучистых кос венки
Слегка поправила рукой...
— А там мороз такой!..
Ну как, Ильич?
Болит?
— Болит.
— У вас, Ильич, артрит...
Но вы не бойтесь, ничего —
Не так плохи дела,
И руку мощную его

В свою ладонь взяла.
И хоть была ладонь мала,
Но столько было в ней тепла,
Той жизни молодой,
Что слов
Не мог найти Петров,
Притих,
Как сам не свой.
Сдавила горло горечь слез,
А в сердце почему-то рос
Неведомый испуг.
Он что-то в памяти искал
Свое,
Родное
Вспоминал.
И вспомнил,
Вспомнил вдруг:
Та ночь...
Такая же постель
И рядом с нею врач...
Волной в виски ударил хмель,
Неистов и горяч,
Обидой сердце оглушил,
Былое разбудив.
— Наталья Павловна!
Уйди...
Не бреди души.
Уйди,
Чтоб больше не видал
У дома моего...
Петров открыл глаза,
Привстал.
Как будто никого...
Да уж не сон ли снился мне?
Так нет же —
Вот платок...
В окне.
Плыл месяца рожок,
Кой-как с постели встал Петров,
К окну лицом приник.
По сердцу болью скрип шагов
Прошелся и затих...

11

В окошке Наташи
Все чаще
За полночь горел огонек,

Все чаще
Тоскою шемящей
У сердца сквозил холодок.
Прошли все урочные сроки,
Февраль бушевал у окна.
Петров в лихорадке жестокой,
Как прежде, лежал.
А она
Теперь уже с прежней охотой
К нему заходить не могла,
Стараясь в другие заботы,
В другие укрыться дела.
Не то чтоб из страха, боязни.
Чем страшен тяжелый больной?
Страшной холодок неприязни,
Что встал между ними стеной
С той ночи.
А это мешало
Так просто к нему подойти.
Не так она все понимала,
Когда в институте мечтала
О светлом,
Хорошем пути.
Там не было места тревогам,
Петрову
И этой тоске.
Казалось:
Широкой дорогой
Иди да иди налегке,
Особых волнений не зная.
Да все перепутала жизнь.
Кто знал,
Что вот здесь,
На Алтае,
Дороги их могут сойтись?
Луч лампы, звездой упавший,
Застыл на морозном окне.
В своей комнатушке Наташа
С раздумьем
Наедине,
Огня золотистые стружки
Ложатся на синий конверт,
В котором письмо от подружки,
В котором сердечный привет.
Подружка...
Когда бы ты знала...
Уехать
Отсюда

Туда?
Как Алла отсюда сбежала?
Ни в жизнь,
Ни за что,
Никогда!
Ты пишешь про южное лето
На целом десятке страниц...
Полоска холодного света
Ложится на темень ресниц.
Спасибо за теплое слово,
Да только далек он,
Мой юг..
А может, здоровье Петрова
Само пересилит недуг?
Да нет,
Это в сказке бывает
Такое..
Ты знаешь сама.
А вьюга в трубе завывает,
А в окнах морозная тьма,
А светлое солнышко юга
Смеется с подружкиных строк.
А тут вот
И не было друга,
Который бы делом помог.
Борис?
Он хороший, конечно,
Бессменный герой МТС.
Но если признаться сердечно,
Он в этих делах — легковес.
Вот дело другое — директор.
Серьезный,
Душевный такой,
Да с ним она видится редко.
Он занят работой большой:
Десяток бригад за плечами,
Попробуй-ка всех обслужи,
Управься с такими делами!
С таким бы хотелось
Дружить.
Да он-то об этом не знает..
Пойми,
Догадайся, Сергей,
Мне, может,
Теперь
Не хватает
Как раз этой дружбы твоей..
Мне, может, ее не хватает..

А тут еще эти дела...
А теплое солнышко юга
Ласкает с подружкиных строк.
А тут вот
И не было друга,
Который бы делом помог,
Развеял бы этот
Щемящий,
Сжимающий грудь холодок...
В окошке Наташи
Все чаще
За полночь горел огонек.

12

А между тем
В своей избе,
Хоть завтра в гроб готов,
На грех себе,
На смех судьбе
Пластом лежит Петров.
Четвертый день
Не ест,
Не пьет,
Горит в огне,
А ноги — лед
И язвы вдоль ступней.
Хоть репку пой,
Хоть волком вой,
Хоть бейся в стенку головой —
Боль с каждым днем
Сильней.
И хоть и крепок был Ильич,
А стало невтерпеж.
Сказал жене:
— Соседа кличь.
Согласен хоть под нож.
Терпеть не по плечу,
Пускай свезет к врачу...
И в первый раз
За столько зим,
Впервой
За столько лет,
Не шел Петров селом своим,
А вез его сосед.
И оттого,
Что было так —
Казалась боль сильней,

Казался тихим конский шаг,
Угарным скрип саней.
Катились сани
Вскользь,
Враскат
С сугроба на сугроб,
Качалось небо шагу в такт
Холодное, как гроб.
Кружился реденький снежок
Над крышами домов.
На жизнь свою,
На Ясный Лог,
Как мог,
Глядел Петров.
И были думы,
Как родник,
Ясны и холодны,
И вдруг увидел он на миг
Все то,
К чему он так привык,
Как бы со стороны:
Вот в этих избах —
От конька,
От рам до боровка,
Была она,
Его рука,
Проворна и легка.
В родном колхозе —
От движка,
От бороны до ветряка,
С рубанком,
Уровнем,
Гвоздем,
С заветным молотком.
Была она,
Его рука,
Повсюду и во всем.
Глядел Петров
И видел сам:
Велик итог делам.
Глядел и видел:
Много дел
Он сделать не успел.
И оттого,
Что было так,
А ведь могло не быть —
Волной ходила боль в ногах,

Огнем плескалась кровь в висках,
Хотелось жить и жить.

* * *

Всю ночь Наташа не спала —
В глазах стоял Петров.
И ночь темна,
И мысль одна:
Во всем твоя вина!
Петров!
Откуда знать ему,
Как близок он к тому,
Что для него всего страшней:
К рогаткам костылей.
Но ничего не знал Петров,
Не думал,
Не гадал.
Он от снотворных порошков
В ту ночь спокойно спал,
Спокойно спал и видел сон,
И виделось ему:
Идет той самой тропкой он
К порогу своему.
А на дворе
Весна-красна,
По улицам — ручьи.
— Привет!
Здорово, старина! —
Кричат ему грачи.
И воробья речитатив
Меж ихних голосов:
— Ну как, Петров,
Здоров?
Жив-жив?
Жив-жив,
Здоров,
Петров!
И отвечает всем Петров:
— Жив-жив, друзья, здоров!
Заждалась нас весна-красна:
Апрель-то как горяч!.. —
И вдруг он слышит у окна
Родного дома
Плач,
Жена?
И сразу вместо сна —
Наталья Павловна.
Она стояла у окна.

И стало ясно все ему:
И то,
Как стал он плох,
И то,
Как близок он к тому,
Что быть ему без ног,
— Наталья Павловна!
Так что ж?
Так это что ж,
Конец?
На костылях
Куда ж я гожд?
Ведь мастер я,
Кузнец...
Но ничего ему в ответ
Наташа не нашла.
Вот, наконец,
Пришел рассвет,
И санитарка в сельсовет
С его лучом вошла.
И трубку в нервных пальцах сжав,
Звонила:
— Мне райздрав!
Алло!
Да вам же говорят,
Нам нужен консультант.
Как не туда?
Райздрав!
Готов?
Врачебный пункт,
Больной Петров,
Спонтанная гангрена...
И через пять минут —
В медпункт:
— Наталья Павловна,
Пришлют,
Сказали, непременно.

14

Наталья Павловна!
Так что ж?
Как эхо утреннего дрожь,
В ушах звенело это «что ж»,
Как собственная тень,
За ней ходило это «что ж»
Все утро и весь день,
И снова полночь на селе,

И направленье на столе,
И мысль как белка в колесе
О нем,
О кузнеце.
А за окошком —
Ночь темна,
А за окошком —
Тишина,
А в тишину —
Сверчок стучит:
Лечи,
Лечи,
Лечи.
И вдруг, как ясный свет в ночи, —
Далекий эпизод...
В тот
Практикантский год.
Прием в отсутствие врача,
Больной с фурункулом плеча,
Анамнестических анкет
Вопросы без конца.
И неожиданный ответ:
Болея назад тому пять лет
Волчанкою лица.
А излеченью весь секрет —
Электросварки свет.
Наталья Павловна!
Так что ж?
Не нужен, может, нож?

15

Сергей Фомич сказал:
— Я рад
Всем, чем могу, помочь.
Дадим вам этот аппарат,
И сварщика б не прочь,
Да только нужен нам самим...
Но посмотрел
И вскользя:
— А если вам... два дня бы с ним?
Научитесь, небось?
— Два дня?..
Спасибо вам, родной!..
Два дня больших, как жизнь,
Два дня, от счастья сам не свой,
Кипел в делах Борис.
Сам трансформатор раздобыл,

Сам аппарат установил
И от волнений и тревог
Чуть сам в постель не слег.
Никак Наташе не везло —
Нелегким было ремесло,
Уменье сталь варить.
Борис отдал бы сотни дней
Вот за один такой,
Чтоб только рядом быть бы с ней,
Живя ее мечтой.
Два дня..
И вот их больше нет,
А лишь горит в медпункте свет,
Как след
Его тревог.
И за два дня больших, как жизнь,
Снова Борисом стал Борис —
Он понял все, что мог.

16

Над дорогой вечер зимний,
Даль в морозной синеве.
Консультант, от стужи синий,
Едет в синей кошеле.
А мороз знобит
До дрожи.
И мороза не любя,
Консультант клянет, как может,
Все,
Но только не себя —
Эту лютую сторонку,
Эту глулую девчонку,
С глупым методом ее,
Беспокойное свое
Консультантское житье.
От его ворчли
Возница
Под тулупом прячет глаз.
Снег искрится,
Даль кружится.
А в больнице
В этот час,
Рассыпая искр каскад,
Дышит жаром аппарат.
Синий свет из-под дуги
Льется в звездной россыпи'

На две желтые ноги
Из-под белой простыни.
Пять минут, и гаснет свет.
— Как, Ильич, не плохо?
— Нет!
И под этот разговор.
Кошева катит во двор.

А наутро консультант
Сам больного осмотрел,
Распросил,
По ходу дел
Бросил свой научный взгляд
На никчемный аппарат
И, воздев очки,
Изрек:
— Этот случай —
Вам урок.
Верный выход — хирургия,
Передать ножу права.
Облученье —
Утопия,
В лучшем — психотерапия
На день,
Многое на два.
Чушь ваш метод автогенный!
У Наташи в пальцах дрожь.
— Знайте, доктор,
От гангрены
Не одно спасенье — нож,
Нож не альфа и омега
Всех открытий...
Вот в чем суть.
— Но уж если так, коллега,
Нам тогда
Пора и в путь!
И в обрат
Дорогой зимней
В предрассветной тишине
Консультант, от злости синий,
Едет в синей кошеве,
На чем свет клянет сторонку,
Зорьки медное литье,
Эту дерзкую девчонку
С глупым методом ее,
И несносное свое
Консультантское житье.
Улыбается возница,

Под ресницы спрятав глаз.
Снег искрится...
А в больнице
В этот час
В двадцатый раз,
Рассыпая искр каскад,
Плещет светом аппарат.
Синий свет из-под дуги
Льется в звездной россыпи
На две желтые ноги
Из-под белой простыни.
Гаснет свет.
— Ну как, Петров?
— Не тужи, Наташа,
Хоть сейчас плясать готов.
— Ничего,
Попляшем.
— Месяц стерпим — ерунда.
А отрезать их
Всегда..
Никогда
Не поздно.
Болью ноют провода
В тишине морозной.
Куржаком осыпан лес,
Лог дымками курит.
А в столовой МТС
Парни балагурят:
— Смех-то смех, а нету слов —
Аппарат на славу.
Говорят, давно Петров
Тянет на поправу.
— Ишь ты, брат, какая штука
А, кажись, какой секрет?
Вот что делает наука!
— Борь,
А сколь врачихе лет?
А Борис —
Сверху вниз
Шутника кольнул зрачком.
Дескать, годы здесь причем.
— Это вам не дважды два,
Скажем, бухгалтерия.
У Наташи голова —
Высшая материя!
Наш директор —
Парень тот:
Хоть кому очко вперед,

А как врач в контору —
Сам не свой.
Умора!
По широкому двору
Смех кружится на ветру
Молодой, веселый.

17

Просинь мартовского неба
Половодьем над селом.
День как сказочная небыль
Бьется в окна напролом
Молодым,
Хмельным,
Азартным
Первым запахом земным,
Первым пробным звоном марта
По сосулькам ледяным,
Первым говором капли,
Теплым звоном тишины,
Близкой свежестью апреля —
Первым веяньем весны.
Как хорош он, день весенний!
Сколько свету!
Ливнем свет —
На дорогу в клочьях сена,
На взрыхленный санный след,
На село,
На снег опавший,
Весь пропитанный водой,
На печальную Наташу,
Что идет своей тропой
Под весенним легким шумом
От больничного крыльца
Той же рощей,
С той же думой
Над судьбою кузнеца.

18

А думать было ей о чем:
Что в радужных мечтах
Казалось найденным ключом,
Решенным делом,
На глазах
Вдруг разлетелось в прах.
Неотвратимый, как прилив,
Катился рецидив.

Неужто прав был тот педант,
Деляга — консультант,
Что ей бессилие свое
Признать мешает спесь?
Нет!
Просто в методе ее
Ошибка где-то есть.
А март в заботы и дела
Вносил свои черты:
В поля с рассветом шла зола,
В село с полей — шиты.
Звонил директор МТС:
— У вас аптечка есть?
Нам нужно лекцию прочесть
О травматизме.
Ровно в шесть?
Организуем.
Есть.
Звонил колхоз:
— Ну как Петров?
Лечите старика!
Лесхоз звонил:
— Ну как Петров?
Нужна его рука!
А светлый март
В зените плыл,
Не ждал,
А торопил.
Поток райздравских директив
В порядке приказном —
Как запаслись сливпункты льдом,
Как перестроили прием,
Широк ли санактив?
На всем лежал печатью сев,
Полей горячий зов.
А над текучкой,
А над всем
Стоял живой Петров.
Он не просил,
Не торопил,
Он тем доволен был,
Что боли нет,
Что можно спать.
Теперь бы только встать!
Теперь бы тулку на плечо,
Да по утру в березнячок, —
На ток,
Позоревать!

Скорей бы только встать.
Он ничего не замечал:
Ни воспаленных глаз врача,
Ни дум ее,
Тревог ее,
Он твердо знал свое:
Он встанет,
Должен встать!
Он верил в это сердцем всем,
Он чуда ждал,
А между тем
Неотвратимый, как прилив,
Катился рецидив.

19

А консультант,
От дум больной,
В тот день
На зорьке встав,
В шестой записке докладной
Писал о том в крайздрав:
«Высоким званием врача
Я тоже дорожу.
Но нового
В лучах
Врача
Черных
Не нахожу.
Сей пресловутый аппарат
Есть в медицине шаг назад —
Таков мой личный взгляд.
Я этот метод запретил.
Я сделал все, что мог».
От яда желчи и чернил
Коробился листок.
А мимо окон жизнь текла,
Как новый день, светла.

В тот самый день Борис Ковров
Был явно нездоров.
И делу этому виной
Был он,
Кузнец больной.
Борис Петрова не лечил,
Но надобно сказать,
Что он к сему причастен был:
Борис Наташу научил

Дугою управлять.
А это
Тоже как-никак
В леченьи не пустяк!
Борис Петрова не лечил,
Не собирался во врачи,
Но он искал причин,
Испортивших почин.
Он думал:
«Тот же аппарат
И тот же самый свет,
А дело катится назад,
А улучшения нет.
Так где ж оно,
Так в чем оно,
То чертово зерно,
Что, разорвав всей цепи круг,
Вдруг
Выпало из рук?»
Борис во всем винил металл,
Потом себя винил,
Потом себя опровергал,
Причины новые искал,
Как будто находил.
А вечером решил:
Чем сразу всю белиберду
Нести на стол к врачу,
Сперва к директору зайду,
К Сергею Фомичу.
Он инженер,
Он разберет.

А сам Сергей Фомич
В тот час
О том же думал в сотый раз,
Держа в руках блокнот.
Нет,
Он Петрова не лечил,
Не собирался во врачи,
Но он уж так привык:
Переживать дела других
Ничуть не меньше их самих,
Ломать любой тупик.
Еще, быть может, потому,
Чего и сам не знал,
А если б знал,
То никому,
На свете не сказал.

А если б даже и сказал
Так только ей одной,
Голубоглазой и смешной,
С такой лучистой и большой
Открытою душой.
И вот теперь,
Придя домой,
Читал,
Чертил,
Писал —
Он подтверждения искал
Случайной мысли той.
А мысль была —
Простым-проста:
«Химический состав!
Лишь он,
Металла новый сплав,
Его химический состав,
Всему причиной здесь».

Полнеба заревом обдав,
Горела кровель жечь,
Остаток дня на запад плыл,
Туман из лужиц воду пил,
На льду реки снегирь грустил
О невозвратных днях;
Огнем горел снегов покров.
Движок в окно стучал.
Петров к сеансу был готов,
Да не было врача.

* * *

Наталья Павловна одна
Стояла у окна.
Сергей записку ей прислал.
Сергей Фомич писал:
«Возможно, что не только сплав,
Его химический состав
Всему виною здесь,
Но и другое есть:
С лучами в клетки входит ток,
И вот ионовый поток
Несет в них свой заряд.
И сплав другой —
Другой поток!
Попробуйте,
Авось на лад

Пойдет ваш аппарат».
И будто все оборвалось.
Все,
Что теснило грудь.
Авось...
Родные!
Не авось,
А самый верный путь!
Спасибо вам,
Мои друзья!
А мне-то думалось, что я
В своей беде одна...

И вновь клокочет аппарат
Десятый день подряд.
Десятый день,
Двадцатый раз.
И вдруг
Затих,
Погас.

20

И наяву,
А не во сне,
И весел и здоров,
Навстречу жизни и весне
Шагал домой Петров.
Идет, шагает на двоих,
На собственных своих.
И вот до дому не дошел,
Глазами мир обвел.
Рождалось утро.
Вдалеке
Горел раakitник на реке,
Играли где-то косачи,
Встречая дня красу,
Березник сладкую сочил
Весеннюю слезу;
От светлых лужиц шел дымок
Парной,
Земной,
Хмельной,
Моторов ровный говорок,
Встревоженных весной,
Из-за ограды МТС
Летел в поля окрест.
Высок,

Силен,
Суров,
На мир глядел Петров.
И был он,
Этот мир,
Широк
И светел,
И высок.
И все,
Что было в мире том —
И новый ряд домов,
И зов полей,
И свет лучей, —
На месте на своем,
Как снега вешнего покров,
Как он, коваль Петров.
И оттого,
Что было так,
Как следовало быть,
Волной плескалась кровь в висках,
Ломила силушка в руках,
Хотелось жить и жить.
И вдруг к нему издалека
По следу ветерка
И гарь дымка,
И хмель дымка —
И дрогнула рука.
И прошептал Петров:
— Зовет!
И зашагал вперед
Той самой тропкой вдоль плетня
В лучах весны и дня.
Спешил Петров,
Шаги верстал,
Спешил Петров
Летел,
Бежал,
И новых сил девятый вал
В нем властно бушевал.
Казалось:
На,
Вали,
Взвали
На плечи тяжесть всей земли —
Не вздрогнет, —
Понесет
Туда,
Вперед,

Вперед,
Навстречу дню,
В зарю,
В рассвет,
В грядущий день побед.

21

А в это время,
В рань утра,
С колхозного двора
По переулку на большак
Летел стрелой рысак.
Кошевкой правил почтальон,
На совещание в район
Катил Наташу он.
Бубенчик весело поет,
Молчит сосновый лес.
И вспомнился Наташе тот,
Осенний свой приезд,
Свой первый шаг,
Свой первый страх
И эти дни тревог.
Так вот он,
«Темный уголок» —
Сибирский Ясный Лог!
И снова вспомнились они:
Сергей Фомич,
Борис,
И, то ль ресницы отенив,
В них сам рассвет повис,
Обдав их робкой теплотой,
А щеки — краской вдруг..
Сергей Фомич,
Сергей родной!..
Какой ты славный и большой,
Какой... хороший друг!
И как все это хорошо,
Что все перешагнув,
Близ вас мой трудный путь прошел
Сквозь жизни глубину.
И от того,
Что было так,
Как следовало быть,
Кружились мысли бегу в такт,
Хотелось жить и жить,
И оттого, казалось ей,
И синева полей,

И неба утреннего ширь,
И белизна снегов
Прозрачны
И светлы,
Как мир,
Что вечно юн и нов;
А этот путь,
Что вдаль летел,
Заре наискосок —
Он был всего лишь
Тот исток,
Всего лишь навсего пролог
Больших исканий и тревог
К поэме новых дел.

Октябрь 1952 г. — Февраль 1953 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Зоревик — утренний зоревой ветер (местное слово).
2. Шпадель — медицинский инструмент, употребляемый при осмотре полости рта, зева.
3. Стетоскоп — медицинский инструмент, употребляемый при выслушивании сердца, легких.
4. Прошва — нитки для сыромятного ремня (местное).
5. Швайки — шорный инструмент наподобие шила.

Иван КОЖЕВНИКОВ

О ЧЕМ ШУМИТ КОЛХОЗНЫЙ ЛЕС

О черк

В летнюю пору, если смотреть издали, земли колхоза имени Шевченко кажутся сплошь покрытыми густой кружевной зеленью лесов. Но когда подойдешь ближе, видишь, что так сочно зеленеют высокие и неоглядно длинные лесозащитные полосы. Растут в этих полосах стройные тополя, серебристый лох, приземистые клены и густолистая жимолость. По краям лесные полосы оторочены желтой каемкой акации.

Больше тридцати кудрявых лент тянется параллельно по колхозной земле с севера на юг. В последние годы колхозный лес так разросся, что в нем стали водиться куропатки, косачи, зайцы, косули.

Колхозники очень любят свой лес. Летними вечерами сюда выходит гулять молодежь, и отзывчивое лесное эхо все ночи напролет носит в посвежевшем воздухе звонкие девичьи голоса и волнующие переливы гармоники. Частенько навевываются и старики. Расположатся они где-нибудь на мягкой лесной траве и, вслушиваясь в шумное кипение листьев, начинают вспоминать те времена, когда здесь простиралась во все стороны на сотни верст голая солончаковая степь.

— Слышишь, как шумят деревья? — говорит седой старик, кивая головой на густые кроны тополей.

— Да... Меняется обличье степи, — задумчиво отвечает собеседник. — А эту вот полосу самолично садил покойный Федор Дмитриевич Желтуха.

Беседа захватывает стариков. А лес все шумит и шумит,

оживляя в памяти все подробности тех лет, когда хлеборобы впервые осмелились бросить вызов природе.

Произошло это давно, лет тридцать с лишним тому назад. Группа крестьян-бедняков одной из больших сибирских деревень переселилась на свободные земли, затерянные в открытой степи. Построили они деревушку из земли и соломы, назвав ее Ново-Российской, и стали заниматься хлебопашеством. Первый и второй годы девственная степь наградила земледельцев сносным урожаем. Но третье лето выдалось засушливым. С самой весны подули горячие пыльные ветры. Посевы, сенокосы и пастбища утратили свежесть, стали желтеть. Пожилые крестьяне, взяв иконы, двинулись на молебствие. Шли они длинной процессией по выжженной степи, часто отмеченной седыми пятнами солончаков, и протяжно, нестройно пели молитвы.

Три дня после молебствия глядели старики на небо, стараясь увидеть тучку дождевую, но так и не увидели. Правда, через неделю пронеслась она над ветхими крышами Ново-Российской, раскатисто прогремела и, поразив молнией единственную корову у безлошадного мужика, умчалась дальше.

Быть бы в том году большому мору, как это не раз случилось в прежние времена, да советская власть спасла крестьян от гибели, помогла деревне. Получив от государства хлеб и корм для скота, хлебопашцы воспрянули духом. В студеные зимние вечера они подолгу обсуждали насущные дела и, доискиваясь правды, спорили.

— Не на бога нам нужно надеяться, — горячился молодой и немного грамотный мужик Федор Желтуха. — Бог — это выдумка. Самим нужно браться за дело. Читал я недавно газету. Пишется там про ученого одного, по фамилии Докучаев. Так он против суховея велел лес сажать в степях.

— Это в каких же степях? В нашей, что ли? Да здесь не то что дерево, кустарник добрый не растет, — возражал Желтухе низенький крестьянин по прозвищу Чижик. — Ты бы лучше, чем говорить, взял бы да и насадил этих деревьев на своем наделе.

Федор Желтуха, высокий и кряжистый мужик, оглядел исподлобья Чижику, сжал челюсти так, что желваки задвигались, глухо сказал:

— А что ты думаешь? И насажу!

На следующую весну Желтуха, а заодно с ним Игнат Солюянов и Андрей Игнатенко привезли из дальних мест саженцы тополя и вербы, посадили их вокруг своих наделов. Но земля была вспахана мелко, и большинство саженцев погибло еще летом, остальные вытоптали скот в осеннюю пору.

Злой на язык Чижик, встретив как-то Желтуху, сказал, тая в глазах озорные искорки:

— Видел, Федор, я пшеницу на твоём наделе и диву дался: отчего бы ей быть такой ядреной и приглядной. А почему вспомнил: ты ведь ее лесом дремучим оградил.

Желтуха хмуро посмотрел на балагура, смолчал. О посадке леса он больше не заводил разговора до тех пор, пока в Ново-Российской не организовался колхоз. И только тогда, улучшив подходящий момент, снова выступил с предложением начать посадку деревьев. И так убедительно он говорил, что колхозники согласились. А Андрей Игнатенко, возглавлявший тогда правление артели, сказал:

— Лесоводом назначим Федора Желтуху. В единоличное время, правда, он не сумел вырастить лес, но дивного в том ничего нет: обработка земли такая была. А теперь у нас тракторы землю обрабатывают. Ну, конечно, снегозадержание сделаем, удобрения внесем, а при таких обстоятельствах лес должен вырасти.

Желтуха съездил в район, посоветовался с агрономами и, вернувшись домой, объявил:

— Завтра будем закладывать первую полосу.

С тех пор в артели имени Шевченко и начали сажать лесные полосы. В первое лето было посажено семь гектаров, во второе десять, а к началу 1938 года широкие ленты лесов размещались уже на 36 гектарах. К этому времени артель освоила и травопольные севообороты.

И как это благотворно сказалось на хозяйстве! Урожай на колхозных землях увеличился в три раза. Осенью 1938 года артель собрала в среднем по 150 пудов пшеницы с гектара.

Желтуха, видя, как с каждым годом богатеет родная артель, ликовал. В свободные часы, он садился за книгу или газету, читал запоем, мучительно выискивая советы для дальнейшего увеличения артельных богатств.

— Я так полагаю, что дальше без науки мужику нельзя, — говорил он солидно, подсаживаясь к мужчинам, собиравшимся зимними вечерами в конторе. — Да и то сказать, колхозное хозяйство немалое, оно требует системы.

В летнее время Желтуха, построив в лесной полосе шалаш, безвыездно жил в обновленной степи. Без дела он не сидел. Да как усидишь, если он и охранял леса и ухаживал за ними: чистил, прореживал, пополнял новыми посадками.

Охранял он колхозный лес бдительно. Заметит — зайдет кто-нибудь в лесную полосу без надобности, окликнет:

— По какому делу? Гулять? Гулять можно. Я так полагаю, лес делает воздух очень полезительным.

Однажды, осматривая лесополосу, лесовод вдруг услышал стук топора. Он оторопело огляделся. Недалеко от него, как ни в чем не бывало, родственник Желтухи рубил высокую и стройную березу.

— Стой! — что было сил крикнул Желтуха. — Ты что это, с ума спятил или как понимать? А ну, бери топор, пойдем в контору, там тебе покажем, как уничтожить лес.

Лесовод схватил родственника за рукав, повел в деревню.

— Да ты что, сват, в самом деле или в шутку? На избу ведь хотел, крыша полортилась, — виновато оправдывался колхозник. — В родстве ведь мы с тобой... простил бы на первый раз.

— Была бы моя воля, я не то что оштрафовал, а взял бы прут, да по голому месту высек за такое дело. А ты еще прощения просишь. Подумал бы вперед, для кого этот лес растет. Думал? Нет? Так знай: для нас, для детей, внуков и правнуков наших. Для них и стараемся. Им нужно оставить в наследство не только умный уклад жизни, но и красивую землю. А ты прощения... Тоже строитель будущего нашелся.

Доставив злополучного родственника в контору и составив на него акт, Желтуха собрался было возвратиться в степь, но его задержал Андрей Игнатенко.

— Подожди, — сказал председатель, — Посоветоваться с тобой хочу насчет посадки леса на землях лугопастбищного севооборота. О пруде тоже нужно потолковать. Будем плотину строить.

— Андрей Петрович, — просил лесовод, — да ведь это же... настоящая работа! Пруд кругом обсадим — раз, по берегам лесные полосы протянем — два, фруктовый сад заложим — три.

О многом переговорили в тот вечер председатель с лесоводом. Но осуществить задуманные планы им не довелось. Началась война. Первыми ушли на фронт Игнатенко и помощник Желтухи Антон Кислица, а через неделю покинули родной колхоз лесовод Желтуха и полеводческий бригадир Игнат Солуянов. Вместе они выехали из дому, вместе и воевали в одном стрелковом полку на Ленинградском фронте.

Однажды в ночном бою, во время прорыва блокады, Солуянов был ранен в голову. Желтуха взвалил его на широкие плечи и девять километров, обходя болото, нес на себе до санбата. Передав земляка медицинским сестрам, Желтуха поправил автомат, откашлялся:

— Ну, Игнат Моисеевич, я ухажу. Поправляйся. А если случится, что первым домой попадешь, передай низкий поклон семье моей и всему колхозу. А Якову Яценко и правленцам скажи: пусть берегут лес. Эх, помешали нам фашисты. Сколько планов хороших сорвалось. Ну, ничего, вернемся с войны — совсем переделаем нашу степь.

Желтуха поклонился земляку и ушел. Больше его никто не видел. Уже после войны дошли слухи, что однажды в жарком бою он со своим отделением отстреливался от фашистов, пока были патроны, а когда вышли все, подпустил поближе врагов и метнул под себя гранату.

А Игнат Солуянов подлечился в госпитале и продолжал биться с фашистами уже в чужедальних краях. Потом снова был ранен в ногу и снова лежал в госпитале, а из госпиталя выехал в родной колхоз.

Сойдя на знакомом полустанке, сильно хромая, Солуянов пошел в сторону Ново-Российской. Увидев необыкновенно высокие сочнозеленые барьеры леса, уходящие вдоль полей в сиреневую даль, Игнат остановился, зачарованный их красотой.

Спустя пятидневку он попрежнему стал бригадиром полеводческой бригады. Первым делом объехал все поля, осмотрел лесные полосы, а когда вернулся, зашел к председателю Якову Яценко, заговорил об Игнатенко и Желтухе.

— Перед войной мечтали они питомник заложить, а также сад и ягодник. О пруде речь вели. А Федор Дмитриевич — тот даже на фронте не забывал об этом. Когда уходил последний раз в бой, просил передать вам и правлениям, чтобы берегли лес. Я вот сегодня осмотрел полосы — ремонтировать их нужно.

— Что ж, отремонтируем, — согласился Яценко. — А что касается планов, то мы осуществим их. Это хорошие планы.

И опять каждую весну и осень колхозники стали сажать деревья в степи. Два года тому назад здесь заложили ягодник, фруктовый сад и лесопитомник. Лесные полосы занимают теперь площадь в 68 гектаров. Возвышаются они плотными стенами по краям полей, в низинах, вдоль улиц деревни и на огородах. Лес все больше разрастается, надвигаясь на степь. Вблизи лесополос каждый год буйно зацветает высокое душистое разнотравье, а пшеница вырастает куда выше, чем в открытой степи. Случалось, гуляли по колхозным землям горячие и пыльные ветры, но прежнего вреда они уже не приносили.

Дули суховеи прошлым летом. Несмотря на это, артель имени Шевченко собрала хороший урожай, полностью рассчиталась по хлебосдаче с государством, достаточно выдала хлеба на трудодни колхозникам и обеспечила кормами общественное животноводство.

Правление колхоза запланировало возведение плотины на небольшой речушке, рождающейся только в половодье и вскоре пересыхающей. Колхозники приступают к устройству водоема. По осени в лесных полосах деревья очистили от сухих веток, проредили кустарники.

В зимние дни и ночи, обдуваемый метелями, шумит колхозный лес о прошлом и настоящем, о великих днях борьбы и созидания, о том, как строился и вырос в степи колхоз, принесший деревне Ново-Российской новую жизнь. И за праздничным новогодним столом новоросийцы поднимают бокалы и просто говорят:

— Выпьемте за нашу партию, за нашу Родину, за наш непобедимый колхозный строй!

И льются задушевные беседы хлебобобов. Вспоминают они добрым словом первых организаторов артели, рядового Федора Желтуху, оставившего по себе хорошую память, поздравляют друг друга с новым годом труда и побед, с годом высокого урожая.

...А за околицей в степи шумит колхозный лес, шумит о том, что подойдет лето, и на колхозной земле под надежной охраной лесов вновь сочно зазеленеют луга и пастбища, щедро вскармливая артельные табуны, стада и отары; вновь закачаются от тяжести тугие колосья пшеницы, ржи, ячменя и овса, умножая богатства страны и артели.

Колхоз имени Т. Г. Шевченко Рубцовского района.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Иван ФРОЛОВ

ДВЕ СЕСТРЫ

Бедные,
худые поселяне
В давнем,
 девятьсот седьмом году
Шли из дальней дали харьковчане,
Шли с родной Украины в Кулунду.
Думали:
 «Земля в степях богата,
Будет жизнь привольна и легка.
...Вырвались от пана-супостата,
А попали в зубы кулака.
Их встречали ковыли да колки,
Рогоза, камыш или репей.
Голосили в поле даже волки —
Серые хозяева степей.
...Смыло революции лавиной
Всех,
 кто горе человеку нес.
И назвали «Новой Украиной»
Кулундинцы первенец-колхоз.
И теперь у каждого спроси я:
— Кто тебе дороже и милей? —
Скажет:
— Украина и Россия —
Обе, сестры Родины моей.
Ведь у нас такие же долины,
Да не хуже ваших есть сады.
И сдается, будто Украина
Перешла на место Кулунды.

Валентин СМИРНОВ

ДОРОГА НА КЕБЕЗЕНЬ

Был путь для трассы перерезан
Рекой
и сопкой каменистой —
Устали люди и железо,
Но были с нами коммунисты.
Когда прораб, махнув рублю,
Сказал строителям устало:
— Ну, что ж... придется стороною... —
Парторг ответил:
— Не пристало!
По скользким тропам над ущельем,
Где каждый шаг прозил обвалом,
Навстречу воющей метели
Тащили сумки с аммоналом.
Слепящий снег
и жгучий ветер
Сбивали с ног, но не с маршрута.
На горном,
ледяном рассвете
Казались вечностью минуты.
А глубоко внизу,
под нами,
Река взволнованно кипела
И билась о прибрежный камень
Волной седой
в барашках белых.
Раздался взрыв... Скала — громада
Скатилась вниз
с протяжным гулом.

И, встретив на пути преграду,
Река от стройки отвернула.
А утром ясным

и сияющим

По трассе шла автоколонна.
И солнце, как своим товарищам,
Нам улыбнулось восхищенно!

ТЫ ЖДИ МЕНЯ, РОДНАЯ, БЕЗ ТРЕВОГИ

Знакомый почерк жданного письма...
И меж листков цветок кавказской розы,
Увядший весь: его сожгла зима
Еще в пути дыханием морозным.
Живым напоминаем о тебе
Он будет сохранен до новой встречи.
Ты радость и беда в моей судьбе,
И счастлив я, что был тобой замечен.
Пусть учимся мы в разных городах,
Ты жди меня, родная, без тревоги:
Я не сменяю розу никогда
На ландыши случайные в дороге!

Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Я не знаю, отчего товарищ мой
Полюбил конфеты «Ключик золотой».
Он приносит их и в ужин и в обед,
На вопросы улыбается в ответ.
— Ты попробуй-ка, — советует Борис, —
Это просто замечательный ирис!
Дышит цветом белых яблонек весна;
Он мечтает и вздыхает у окна.
И, как другу, признается, наконец:
— Эх, какие косы носит продавец!

Иван ИГНАТЬЕВ

ТАЙГА ПРОСНУЛАСЬ

Тайга. Дремучая, глухая...
Уснул навечно бурелом.
И вся чащоба вековая
Подернулась зеленым мхом.

Скрипит над павшею сосною
Натой, тшедушный сухостой,
Как привидение лесное,
В глуши маяча вековой.

Здесь вьюги зимние не звали
И с воем волчьим убегали,
Раздолья в заросли густой
Снега рассыпав на постой...

Но вот приходят лесорубы
При свете утренней зари.
Белеют первые надрубы,
Потея соками земли.

Стряхнула сон тайга глухая,
И песня бодрая пилы
Летит, звенит, не умолкая,
В душистой накипи смолы.

Огнями просека играет,
Над сизой дымкою костров
Хохлатый дятел пролетает
Под бойкий говор топоров.

Проходят дни. И, громыхая,
С дарами в угольный Кузбасс
Несутся поезда Алтая...
И шепчут ели: «В добрый час».

Борис ОРЛОВ

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

* * *

Я на тебя гляжу сегодня строго,
Какой-то голос шепчет мне давно:
«Его дорога — не твоя дорога,
В его бокалах — не твое вино».

Ты был другим, совсем другим. Тогда-то
Мы повстречались на пути одном.
Так почему же нам, как брату с братом,
К высокой цели не идти вдвоем?

Казалось, мы пошли, а с небосклона
Там, впереди, сияло солнце нам.
Но, мимолетной славой опьяненный,
Ты растерял себя по мелочам.

Случилось так: до места не доехав,
На полустанке ты решил сойти,
Попав во власть дешевого успеха,
Забыл о цели своего пути.

Я говорил, я звал тебя: опомнись!
И больно было видеть мне порой,
Как торжеством, самодовольством
полнясь,

Года твои зияли пустотой.
Твоя дорога — не моя дорога,
И даль моя ясна мне без прикрас.
Сегодня я у твоего порога
Ладонь твою пожал последний раз.

Вы кажетесь мне близкою
И всех милей и краше.
И каждый день неистово
Стучусь я в сердце ваше.

Но звука нет ответного
И разговор не начат,
И, может быть, поэтому
Сегодня небо плачет.

* * *

Сухие листья подметая,
Взметнет их ветер на крыльцо.
Пора осенняя, глухая
Повеет сыростью в лицо.

Но в эту скуку увяданья
Вольется голос твой живой
И день взиграет ликованием,
Как не бывает и весной.

* * *

— Это взаправду было,
Друга я вспоминаю,
Он называл вас милой,
И он вас любил — я знаю.

Было в душе его юной
Так много тепла и света,
Вы холодом безрассудно
В нем погасили все это.

И выросла понемногу
Меж вами стена разлада,
Ушел он — весны дорогу
Позанесло листопадом.

В лице вашем прежняя свежесть,
Вы так же милы, изящны
Только смеетесь реже,
Только грустите чаще.

—

И. КРАМАРЕНКО

ЗА ВЫСОКИЙ УРОЖАЙ НА НОВЫХ ЗЕМЛЯХ

I.

Обширен и богат Алтайский край. На его территории могут разместиться два таких государства, как Греция, или девять таких стран, как Бельгия. Само название обширного края «Алтай» заимствовано из тюрко-монгольского наречия и в переводе на русский язык означает «золотые горы». Это название, возникшее в давно минувшие века, вполне оправдывается не только красотой природы, но и огромными богатствами кедр Алтай.

Величественна и разнообразна природа Алтайского края. Юго-восточная часть — Горно-Алтайская автономная область — это живописный горный ландшафт. Здесь и снежные труднодоступные пики, и прекрасные голубые озера, и дремучая тайга, и узкие скалистые ущелья. В горных долинах — плодородные черноземные земли и густые, покрытые сизой дымкой, леса: кедр, лиственница, сосна, ель.

К северу от гор раскинулось правобережье Оби, представляющее собой волнистую лесостепь с плодородными черноземными почвами. К северо-западу, в междуречье Обя и Иртыша, простираются бескрайние просторы Алейской, Рубцовской и Кулундинской степей.

Весной и летом степи покрываются яркой зеленью естественных трав и сеяных культур. На фоне этой зелени выделяются своей темной окраской ленточные боры, которые являются редким, своеобразным созданием природы.

Степные просторы Алтая, плодородные земли, цветущие долины горных районов с огромными массивами девственных лесов, многочисленными реками и озерами издавна привлекали внимание многих переселенцев. Шли сюда крепостные крестьяне центральных областей России, мастерские уральских заводов, раскольники. Всех их влекло на Алтай одно горячее желание — избавиться от крепостного гнета, преследований церкви и обрести независимую, обеспеченную жизнь.

Велик был труд сибирского земледельца, осваивавшего девственные степи Кулунды, таежные предгорья Алтая, Салаира, Кузнецкого Ала-Тау. Многолетним опытом была разработана агротехника освоения целинных земель, соответствующая примитивным орудиям земледелия.

В условиях крепостного строя мечта русских людей получить волю в связи с поселением на Алтай оказалась неосуществимой. Русские цари, восточной стороной которых являлся Алтай, жестоко эксплуатировали крестьянство и ма-

стеровых людей. Лучшие земли находились в руках царской семьи и кулачества.

В бывшей Томской губернии, куда входил Алтай, более 10 процентов крестьянских хозяйств не имели посевов, около 17 процентов не имели сельскохозяйственного инвентаря, 7,5 процента не имели рабочего скота. В 1917 году в сельском хозяйстве губернии было 46 435 сох и косуль, более 7 тысяч деревянных борон, о сложных сельхозмашинах не могло быть и речи. Нищета, голод были постоянными спутниками жителей дореволюционного Алтая.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция принесла свободу и счастье трудящимся Алтая. Коммунистическая партия и Советская власть подняла Алтай, вдохнула в него жизнь. Как былинный русский богатырь, он пошел вперед по пути подъема экономики и культуры.

Алтай социалистический стал жемчужиной, гордостью Сибири, одним из богатейших районов страны.

II.

Благоприятные естественно-географические условия Алтая, богатого плодородными землями, севокосами и пастбищами, позволяют успешно развивать почти все отрасли сельского хозяйства.

Чрезвычайно разнообразны почвы Алтая. Здесь можно встретить тучные мощные черноземы предгорий с прекрасно выраженной зернистой структурой, бесструктурные черноземы Кулундинской и Алейской степей, подзолистые супеси ленточных боров и подзолы, а местами и каштановые почвы по склонам и высокогорным долинам Горного Алтая, незасоленные луговые почвы по поймам Оби с ее притоками.

Используя огромные земельные богатства, колхозный строй создал широчайшие возможности для разностороннего развития общественного хозяйства колхозов. Алтай стал краем крупного, высокомеханизированного социалистического сельского хозяйства, краем высококоротных яровых пшениц, маслодела и тонкорунного овцеводства.

В Алтайском крае более 1300 укрупненных колхозов, свыше 200 машинно-тракторных станций, более 100 совхозов, десятки тысяч тракторов, комбайнов и автомашин. По механизации сельского хозяйства Алтай занимает одно из первых мест в стране. Уже почти полностью механизирован посев, на 94 процента механизирована уборка урожая. Началась механизация трудоемких процессов в животноводстве.

За колхозами края закреплено на вечное пользование более 14 миллионов гектаров земель, в том числе 7,5 миллиона гектаров пахотнеспособной земли. Средние колхозы края имеют по 8—10 тысяч гектаров, а крупные по 18—20 тысяч и более. Такого земельного богатства почти нет в колхозах других областей страны. Все это позволяет на полях Алтайского края выращивать обильные урожаи самых разнообразных культурных растений: зерновых — пшеницы, ржи, овса, проса; технических — льна, подсолнечника, конопли, сахарной свеклы, махорки; овощных культур умеренного пояса и многих теплолюбивых растений юга — яблонь, груш, сливы, вишни, винограда.

В основном земледелие Алтая специализируется на зерновых культурах. Среди зерновых центральное место занимает пшеница. Алтайский край — один из основных пшеничных районов Советского Союза. Колхозы и совхозы Алтая дают 10 процентов всего валового сбора яровой пшеницы СССР. Посевные площади технических на Алтае составляют около 20 процентов посевных площадей этих культур во всех восточных областях страны.

За годы Советской власти выросли в алтайской деревне и новые люди. До революции в крае был всего 21 специалист сельского хозяйства с высшим и средним образованием, а на 15 февраля 1954 года только в МТС и колхозах края работает 1214 агрономов, 576 зоотехников, 736 инженеров и техников. 48 лучших мастеров земледелия Алтая получили звание Героя Социалистического Труда. Тысячи колхозников и механизаторов награждены орденами и медалями.

Алтайский край — родина ефремовского движения. Колхозник Белоглазовского района М. Е. Ефремов применил комплекс агротехнических мероприятий и на опытном поле в 3,8 гектара впервые в Сибири получил урожай пшеницы 360 пудов с гектара. В 1937 году И. Е. Чуманов из колхоза «Молодая гвардия», того же района, получил урожай пшеницы 530 пудов с гектара. В 1938 году А. С. Сергеева из колхоза «Политотделец» Андреевского района, тогда входившего в состав Алтайского края, на опытном участке получила урожай пшеницы в 607 пудов с гектара, намного превысив мировой рекорд урожайности пшеницы.

Высоких урожаев пшеницы ежегодно добивается колхозник-опытник, Герой Социалистического Труда Г. И. Шербинин из колхоза имени Ворошилова Краснощековского района. Путем отбора наиболее крупных зерен пшеницы, тщательной подготовки почвы, проведением необходимых агротехнических мероприятий он вывел более крупное зерно, весом в два раза больше прежнего. В 1949 году Г. И. Шербинин получил урожай по 35,6 центнера с гектара на площади 20 гектаров и по 24 центнера с гектара на площади в 40 гектаров.

Участки посевов опытник Шербинин разместил по лучшим залежным землям. Весной на них производилось задержание талых вод. Затем участки бороновали и вносили удобрения: перегной, золу, сульфатфосфат. Посев производили перекрестным способом. После появления всходов произведена подкормка. За посевами был организован тщательный уход.

Успехи одиночек стали достоянием всех работников сельского хозяйства. Уже не редкость в колхозах и совхозах Алтая стопудовые урожаи на больших земельных массивах.

За высокие урожаи сельскохозяйственных культур 3200 колхозников, 255 колхозов, 10 машинно-тракторных станций и 10 совхозов были в 1939 году участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Победы передовиков сельского хозяйства раскрывают грандиозные перспективы и доказывают, что на землях края можно удвоить, утроить урожай и давать стране дополнительно сотни миллионов пудов зерна и других сельскохозяйственных продуктов.

III.

Новые перспективы могучего развития сельского хозяйства открываются в связи с постановлениями сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

В нашей стране создана мощная, технически совершенная тяжелая индустрия, окрепли колхозы, имеются все условия для того, чтобы добиться крутого подъема всех отраслей сельского хозяйства, в течение двух—трех лет резко повысить обеспеченность всего населения нашей страны продовольственными товарами и вместе с тем достигнуть более высокого уровня материального благосостояния всей массы колхозного крестьянства.

В постановлении Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» определены задачи и указаны пути достижения победы на самом важном участке социалистического сельского хозяйства — в зерновом хозяйстве. От успехов в развитии зернового хозяйства зависит дальнейший подъем всех других отраслей сельскохозяйственного производства.

Центральный Комитет партии поставил важнейшую государственную задачу — в течение 1954—1955 годов освоить в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и частично на Северном Кавказе не менее тринадцати миллионов гектаров целинных и залежных земель. За счет освоения этих земель уже в будущем году наша страна должна получить до 1200 миллионов пудов зерна.

Призыв Коммунистической партии об освоении целины и залежей нашел горячий отклик во всех углах нашей великой Родины. Энергично взялась за это советская молодежь. Комсомольские организации решали направить на

новые земли в добровольном порядке 100 тысяч молодых механизаторов. Десятки тысяч юных добровольцев уже выехали на Алтай, в Казахстан и приступили к работе.

Освоение тринадцати миллионов гектаров целинных и залежных земель — задача грандиозная. Это один из важнейших и совершенно реальных источников увеличения производства зерна. Освоение новых земель — задача тем более реальна, что наше сельское хозяйство имеет на вооружении богатейшую технику. Достаточно сказать, что только в текущем году в эти районы направляется 120 тысяч тракторов (в пятнадцатисильном исчислении) и много другой сельскохозяйственной техники. После сентябрьского Пленума ЦК КПСС для работы в МТС, колхозах и совхозах направлено более 120 тысяч специалистов.

Огромными массивами целинных и залежных земель располагает Алтайский край. В 1954—1955 годах колхозы и совхозы края должны освоить 2,3 миллиона гектаров новых земель — почти столько же, сколько было освоено за всю дореволюционную историю Алтая. Если с каждого гектара собрать по сто пудов, то страна получит дополнительно около восьми миллионов пудов зерна от колхозов и совхозов только одного Угловского района.

Целина — само плодородие. В целине хранится сказочный клад всех веществ, питающих растение, дающих элаку силу и вес.

Целинные и залежные земли имеют хорошую структуру, большие запасы перегноя и являются исключительно ценными для посева яровой пшеницы, особенно твердой. В то же время освоение целинных и залежных земель не требует больших капиталовложений, а урожай на них, как правило, высоки.

Опыт говорит, что освоение целинных и залежных земель под посевы яровой пшеницы при проведении минимума агротехнических мероприятий позволяет получать с каждого гектара 100—120 пудов зерна. Даже в неблагоприятных, засушливых условиях на целинных и залежных землях урожай был гораздо выше, чем на старопашотных.

В 1952 году в колхозе «Путь к коммунизму» Марушинского района было получено по 29,5 центнера яровой пшеницы с каждого из 205 гектаров целины. В колхозе имени Сталина Грязнухинского района с каждого из 100 гектаров поднятой целины было получено по 30 центнеров проса. В 1953 году в сельскохозяйственной артели «На страже мира» этого же района с 70 гектаров залежи, вспаханной под зябь, был получен урожай пшеницы по 18 центнеров с гектара, или вдвое больше, чем на старопашотных землях. В колхозах имени Маленкова и «Красный пахарь» Мамонтовского района на целинных землях в прошлом году было получено по 15—20 центнеров яровой пшеницы с гектара.

На целине дают хороший урожай не только зерновые, но и другие культуры. В прошлом году в колхозе «Память Ленина» Угловского района на целине было собрано по 160 центнеров бахчевых и 500 центнеров капусты с гектара.

Для освоения новых земель Советское государство направляет на Алтай мощную новейшую технику. В 1954 году Алтайский край получит более 20 тысяч тракторов в пятнадцатисильном исчислении и 4,6 тысячи комбайнов. Кроме того, в МТС направляется большое количество дисковых лушительников и культиваторов, сенокосилок, пятикорпусных тракторных плугов, автомашин и оборудования.

Партия и правительство направляют на Алтай много механизаторов и специалистов сельского хозяйства. Призыв партии воспринят как всенародное дело. По путевкам ЦК ВЛКСМ на Алтай едут десятки тысяч комсомольцев и молодежи Москвы, Ленинграда, Кубани и других городов и областей нашей страны. На село уехали тысячи молодых энтузиастов из Барнаула, Бийска, Рубцовска.

Успех освоения целины и залежи зависит от правильного их отбора. В пределах Алтая, кроме выщелоченных черноземов, лучшими считаются темносерые и дерново-слабоподзолистые почвы. В степях Кулунды к почвам лучшего качества относятся южные черноземы и темнокаштановые почвы на

легких суглинках. На склонах грив и на пониженных равнинах располагаются неплохие черноземно-луговые почвы с устойчивым водным режимом. В распашку идут и солонцовые разновидности черноземов и черноземно-луговые почвы. Они обладают достаточным гумусным горизонтом (не менее 40—45 сантиметров).

Высокий урожай на новых землях зависит также от применения системы агротехники.

В решениях сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС перед сельским хозяйством Алтая поставлена грандиозная задача освоения целинных и залежных земель.

В крае проводится огромная работа по претворению в жизнь этой задачи. На поля Алтая выехали 700 тракторных бригад, которые осваивают только целину. Началось наступление, широкое и могучее, как весенний поток. Колхозники и механизаторы готовы с честью выполнить задание Родины. Поднятая ими целина даст обильную жатву!

А. ЛАРИНА

НАВЕКИ ВМЕСТЕ

(К 300-летию воссоединения Украины с Россией)

Все народы нашей великой Советской страны отмечают выдающееся историческое событие — 300-летие воссоединения Украины с Россией.

Решение о воссоединении принято украинским народом на Раде в городе Переяславе (ныне Переяслав-Хмельницкий) 8 января 1654 года.

Воссоединение Украины с Россией отвечало коренным интересам и чаяниям обоих народов — украинского и русского, «столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории». (В. И. Ленин).

Многовековую историю насчитывает дружба русского и украинского народов. Украинский народ крепко связан с русским единством происхождения, близостью языка и культуры, единством всего исторического развития.

Общими предками русского, украинского и белорусского народов являются восточные славяне, жившие с незапамятных времен в Восточной Европе, на территории, которая ныне представляет собой европейскую часть РСФСР, Украину и Белоруссию. Примерно три столетия (с IX по XII век) значительная часть нынешней территории европейской части СССР входила в состав единого феодального Древнерусского государства, центром которого являлся город Киев. Киевская Русь явилась исторической колыбелью трех братских народов: русского, украинского и белорусского. В составе Киевской Руси — самого сильного и крупного тогда в Европе государства — все эти народы составляли единую древнерусскую народность.

В середине XIII века на Руси установилось тяжелое татаро-монгольское иго, серьезно затормозившее экономическое, политическое и культурное развитие русских земель, сыгравшее исключительно отрицательную роль в истории нашей страны.

Социально-экономическое развитие Руси в период феодализма, в тяжелое время татаро-монгольского нашествия привело к обособлению отдельных частей древнерусской народности. Оторванные от Северо-Восточной Руси, украинские земли стали добычей польских, литовских и венгерских феодалов, султанской Турции и ее вассала — Крымского ханства. Большая часть Украины была захвачена польско-литовскими феодалами.

С объединением Литвы и Польши в единое государство — Речь Посполитую (во 2-й половине XVI века) Киевщина, Черниговщина, Брацлавщина, Волынь, Подолия и другие южнорусские земли оказались под игом польских панов. Этому способствовала предательская политика украинских феодалов — крепостников, которые стремились в союзе с польскими панами

подавить антифеодальную борьбу народных масс и усилить крепостнический режим.

Невыносимо тяжело жилось украинскому крестьянству под властью польских феодалов (магнатов и шляхты). Они установили на Украине тягчайший, бесчеловечный крепостнический гнет.

Паны распоряжались не только имуществом, но и жизнью крестьян. Пан мог подвергнуть крестьянина любому наказанию, даже убить, и при этом он не нес никакой ответственности.

Крестьяне были обложены тяжелыми поборами и повинностями. Кроме ланцины, зависевшей всецело от произвола владельцев, они были обременены множеством мелких поборов. Каждый улей был обложен налогом под именем «очкового», за вола крестьянин платил «роговое», за право ловить рыбу — «ставщину», за помол муки — «сухомельщину» и т. д. Едет ли пан на сейм, на богомолье или на свадьбу, — на поданных налагается какая-нибудь новая тягость. «Холоп», «быдло» (скот) — так называли украинского крестьянина заносчивые польские паны.

Не легче было положение городской бедноты и казацких низов. Вместе с крестьянами они несли на своих плечах главную тяжесть крепостнического гнета.

«Везде на славной Украине
Крутое панство запрягло
Людей в ярмо», —

писал об этом времени Т. Г. Шевченко.

Тягостный крепостнический гнет дополнялся национально-религиозным. Польские паны всячески преследовали украинскую и белорусскую национальную культуру и православную веру. Паны стремились насильственно ополчить и окатоличить украинское и белорусское население.

Национально-религиозный гнет особенно усилился после так называемой церковной унии 1596 года, вследствие которой мерами жестокого принуждения православная церковь была соединена с католической под главенством папы — извечного и злейшего врага всех трудящихся. Однако унию приняли только верхи украинского общества (украинские феодалы). Широкие массы украинского населения — крестьяне, ремесленники и т. д. — унию признать отказались. Они твердо продолжали держаться своих обычаев, своего языка и культуры. Они называли себя русскими, православными. Для них католичество было «панской верой» — символом крепостной неволи.

Несмотря на все исторические превратности и великие испытания, русский, украинский и белорусский народы сохранили и пронесли через века сознание единства происхождения, сознание общности своей судьбы.

Тяжелый гнет польско-шляхетского государства, неограниченный произвол польских панов стал сильнейшим тормозом экономического и культурного развития Украины. Кроме того, украинский народ подвергался систематическому ограблению со стороны кочевых орд турецко-татарских ханов. Набеги турецко-татарских захватчиков сопровождались страшным разорением украинских сёл и городов, уводом в плен — в «туретчину» — десятков тысяч украинских жителей.

Русский народ в этот период, преодолев феодальную раздробленность и отстаивая свою национальную независимость в самоотверженной борьбе с татаро-монгольскими и иными захватчиками, создал могущественное централизованное государство со столицей в Москве.

Русский народ всегда был готов оказать поддержку своему брату — украинскому народу. Воссоединение с братским русским народом в едином Российском государстве стало для украинского народа, в тех исторических условиях, вопросом жизни и смерти. Находясь под угрозой уничтожения, украинский народ ведет героическую борьбу против гнета чужеземных работодателей, за свою свободу и независимость и вместе с тем за воссоединение с Россией. Одно за другим потрясали Украину мощные крестьянские восстания в конце XVI и первой половине XVII века. Вдохновляющим при-

мером для украинского народа являлись антифеодальные движения на территории Русского государства.

В ходе борьбы украинских народных масс против феодально-крепостнического и национального гнета, а также против опустошавших Украину турецко-татарских набегов была создана военная сила в лице казачества. Центром казачества в XVI веке стала Запорожская Сечь, сыгравшая прогрессивную роль в истории украинского народа.

Наивысшего подъема освободительная борьба украинского народа, направленная против социального гнета феодалов-крепостников и иноземного порабощения, достигла в 1648—1654 годах. Во главе народно-освободительного движения стоял выдающийся государственный деятель и полководец Богдан Хмельницкий.

Он был известен всей Украине, как образованный и умный, справедливый и храбрый человек. Он сам испытал своеволие польской шляхты. Некто пан Чаплинский отобрал у него хутор Субботов, увел жену и до смерти заперол десятилетнего сына. Спасаясь от панского произвола, Богдан бежит в Запорожье.

Бедствия Украины под игом польских панов вызывали у Хмельницкого возмущение и негодование. «Неужели оставим в бедствии наших братьев?— говорил он запорожцам. — Я везде видел страшные притеснения. Несчастный народ просит о помощи».

«Пора взяться за саблю, пора сбросить с себя польскую неволю», — отвечали ему старые казаки.

Призыв Хмельницкого встретил горячую поддержку у казаков и крестьян. Повсюду на Украине и в Белоруссии формировались крестьянские отряды для борьбы с польскими шляхтичами. В ходе борьбы отдельные выступления крестьян и казаков переросли в грандиозную национально-освободительную войну всего украинского народа, главной и решающей силой которой выступило угнетенное крестьянство.

Чудеса героизма и храбрости показал в этой войне украинский народ. Восставшие крестьяне выдвинули из своей среды ряд талантливейших организаторов и военачальников, таких, как Максим Кривонос, Нечай, Иван Богун и другие.

Соединенными силами казацко-крестьянские войска одержали над польской шляхтой ряд блестящих побед: у реки Желтые воды, около Корсуни, на реке Пилявце, в местечке Збораж...

В результате этих побед большая часть Украины была освобождена от врага. Победы содействовали усилению народно-освободительной войны. На борьбу против панов поднялись польские крестьяне, по всей Польше вспыхнула волнения, ослаблявшие Польское феодальное государство.

Грандиозному размаху освободительной войны на Украине и ее выдающимся победам способствовала постоянная помощь и поддержка со стороны Русского государства и, главным образом, со стороны русского народа. Из России шли обозы с продовольствием, оружием, боевыми припасами. В рядах украинских войск сражалось много русских «охочих людей», то-есть добровольцев (донские казаки, крестьяне и горожане). Плечом к плечу со своими братьями украинцами громили они и польских феодалов-крепостников, и татаро-турецких захватчиков.

Русское государство пристально следило за развернувшимися событиями на Украине, внимательно изучало обстановку, оказывало Украине постоянную экономическую и военно-дипломатическую помощь.

В ожесточенной смертоносной борьбе с невероятным напряжением всех своих сил добывал себе украинский народ освобождение от панского ига, национальную независимость.

Во что бы то ни стало стремились польские феодалы-крепостники превратить Украину в покорную страну. Они мобилизовали для этого все силы и средства. Польская армия была усилена иностранными наемниками. Широко была использована помощь Ватикана и его иезуитского ордена. Несколько раз польская шляхта заключала соглашение с крымским ханом,

предоставляя крымским феодалам свободу в ограблении и разорении Украины.

Многострадальная Украина оказалась между двух огней. С одной стороны, на нее наседали польские паны, они наводняли Украину карательными экспедициями, жестоко мстя крестьянам за участие в восстании. С другой стороны, Украину жестоко терзали турецко-татарские агрессоры. Население некоторых частей Украины сократилось почти наполовину, ремесло и земледелие пришли в упадок. Над украинским народом нависла опасность полного уничтожения его национального существования. В этих исторических условиях стремление украинского народа к тесному союзу с братским русским народом еще более усилилось.

Это стремление и желание украинского народа было глубоко и правильно понято Богданом Хмельницким. Еще в 1648 году он начал переговоры с Москвой о воссоединении Украины с Россией. Он был настойчив в этих переговорах, возобновляя их несколько раз.

Учитывая многократные просьбы представителей Украины и принимая во внимание опасность, которая грозила Украине со стороны ее многочисленных врагов, Русское государство удовлетворило желание украинского народа.

На торжественном заседании в Грановитой палате Кремля Земский собор 1 октября 1653 года выносит единодушное решение — принять Украину в состав России и объявить войну шляхетской Польше за освобождение Украины и Белоруссии. Наряду с боярством и духовенством на Земском соборе присутствовали и представители русских городов, купечества и крестьянства. Решение Земского собора явилось выражением воли и желания всего русского народа.

Воссоединение Украины с Россией было всенародно провозглашено на Переяславской Раде 8 (18) января 1654 года. На Раде в Переяславе «собралось великое множество всяких чинов людей». Площадь города неместила всех собравшихся, народ заполнил, как свидетельствуют очевидцы, все улицы города, расположился на крышах соседних с площадью домов и на деревьях.

В Переяслав прибыло русское посольство во главе с опытным дипломатом Бутурлиным. Гетман Хмельницкий выступил на Раде с речью к собравшимся. Он обрисовал положение Украины, опустошенной и разоренной врагами, которых она только своими собственными силами не в состоянии одолеть. Он рассказал о том, сколько горя и слез, нестерпимых мук и обид принесли украинскому народу опустошительные набеги турецко-татарских ханов и владычество польской шляхты.

Всем вам известно, говорил Богдан, что наши враги хотят искоренить нас так, чтоб и имя русского (то-есть украинского) не упоминалось в нашей земле. Только в единении с народом русским мы будем неодолимы и непреступны. Так будем же едины с народом русским!

И в ответ ему раздалось громовое:

— Будем.

Участники Рады с исключительным единодушием высказались за воссоединение Украины с Россией.

«В светлый день Переяславской Рады,
Когда кончил Богдан говорить, —
Мы хотим, — загудела громада, —
В вечной дружбе с Россиею жить!».

(Павло Тычина).

Целый день казаки и переяславские жители присягали в верности Русскому государству. Имя каждого, принесшего присягу, записывалось в росписных книгах. Вслед за Переяславом присягу России принесли Киев, Нежин, Чернигов и другие города Украины. Везде и всюду решение Переяславской Рады было воспринято с великим воодушевлением. Современник

этих событий летописец Самовидец (Роман Ракушка Романовский) сообщал, что «по усей Украйине увесь народ с охотой тое учинил».

Решение Переяславской Рады явилось могучим волеизъявлением украинского народа, завершением его борьбы за воссоединение с Россией, поворотным этапом в его жизни. Актом воссоединения украинский народ закрепил исторически сложившуюся тесную и неразрывную связь с русским народом, в лице которого он обрел великого союзника, верного друга и защитника в борьбе за свое социальное и национальное освобождение.

Историческое значение решений Переяславской Рады для судеб украинского народа заключалось прежде всего в том, что, соединившись с Россией в рамках единого Российского государства, Украина была спасена от порабощения шляхетской Польшей и погращения султанской Турцией. Украинский народ спас и сохранил себя, как нацию.

Воссоединение содействовало росту производительных сил Украины и России, способствовало культурному взаимообогащению двух братских народов. Объединение экономических ресурсов России и Украины умножило силы русского и украинского народов в их совместной борьбе против иноземных захватчиков. Совместными усилиями русского и украинского народов были разгромлены шведские захватчики в первой четверти XVIII века. Украинский народ с негодованием отбросил тогда подлого предателя интересов как украинского, так и русского народов, иезуитского выученика гетмана Мазепу. Совместными усилиями народам нашей страны удалось отбить наполеоновские полчища в период Отечественной войны 1812 года.

В революционной освободительной борьбе против царизма и крепостничества, развернувшейся в России в XIX веке, ведущую роль играл великий русский народ.

Все прогрессивные деятели русского освободительного движения, все лучшие сыны русского народа, вопреки реакционной политике царизма, всегда выступали в защиту украинского народа, признавая за ним право на национальную независимость. В тесном единении с русскими революционерами — демократами вел страстную борьбу против царизма и крепостничества великий национальный поэт Украины Т. Г. Шевченко, произведение которого сыграли громадную роль в развитии национального и социального самосознания украинского народа. Путь к освобождению Украины он видел прежде всего в единении всех славянских народов с русским народом. Призывая народ к революционному восстанию против угнетателей, Шевченко нарисовал образ великой и свободной страны, где все народы — дружная единая семья:

«Поднимайтесь,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В братстве вольном, новом
Помянуть не позабудьте
Добрый, тихим словом...»

(«Заповіт». 1845 г.).

Т. Г. Шевченко стоял за всемерное укрепление дружбы украинского народа с русским для общей борьбы против самодержавия и крепостничества.

Так же страстно выступал против реакционной идеологии националистов другой великий украинский писатель-демократ Иван Франко.

С возникновением нового класса — пролетариата трудящиеся всех национальностей России обрели надежного руководителя в их борьбе за низвержение социального и национального гнета.

Воссоединение Украины с Россией ускорило развитие на Украине новых, капиталистических отношений. А в связи с развитием капитализма, с развитием промышленности окончательно оформляется украинская нация, форми-

уется рабочий класс Украины, который стал одним из самых крупных и боевых отрядов революционнейшего в мире российского пролетариата.

Вместе с русским пролетариатом трудящиеся Украины беззаветно боролись против общих врагов — царского самодержавия, помещиков и капиталистов. Эту борьбу возглавляла созданная великим Лениным партия большевиков, которая со всей силой отстаивала принципы интернационализма, единство действий пролетариев всех стран.

Украинский народ первым вслед за русским народом встал на путь Октябрьской социалистической революции. 25 декабря 1917 года Первый Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украину Советской Социалистической Республикой. Выражая единодушно волю рабочих и крестьян Украины, съезд торжественно заявил о необходимости тесного союза Советской Украины с Советской Россией.

Тяжелые испытания вынесла тогда молодая Украинская Советская республика. Украинские буржуазные националисты заключили сделку с иностранными захватчиками и отдали украинский народ на разграбление немецко-австрийским оккупантам, установившим на Украине жестокий колониальный режим.

Русский народ, и прежде всего рабочий класс России, пришел, как всегда, на помощь Украине. Совместными усилиями Украина была освобождена, ее территория очищена от интервентов и их прислужников — украинских буржуазных националистов. В огне гражданской войны дружба народов России стала еще крепче. Под руководством Коммунистической партии народы России отстаивали завоевания Великого Октября и направляли свои усилия на строительство социализма.

Важнейшей вехой в истории народов нашей страны было образование первого в мире многонационального социалистического государства — Советского Союза в декабре 1922 года. СССР создан был на основе добровольности и равноправия народов, вошедших в его состав. Образование СССР явилось триумфом ленинско-сталинской национальной политики.

В советских республиках успешно была осуществлена разработанная Коммунистической партией программа построения социализма, успешно была ликвидирована вековая хозяйственная и культурная отсталость.

На стройках довоенных пятилеток — Днепростроя, Харьковского и Сталинградского тракторных заводов и т. д. — плечом к плечу самоотверженно трудились русские и украинцы, а также представители многих других национальностей нашей Родины.

С помощью великого русского народа осуществилась вековая мечта украинского народа — воссоединение его в едином украинском национальном государстве. Западная Украина, Закарпатская Украина, Буковина и Измаильская область — все эти коренные украинские земли ныне являются неотъемлемой частью единого национального Украинского Советского государства.

После воссоединения всех украинских земель Советская Украина стала одним из крупнейших государств Европы. По занимаемой территории УССР превышает современную Францию, по численности населения равна Франции. Население республики — свыше 40 миллионов человек. Столица Украины Киев — древнейший город Руси является одним из крупнейших административных и культурных центров.

В результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики Советская Украина стала цветущей Советской республикой, где мощная социалистическая индустрия сочетается с передовым социалистическим земледелием.

Серьезной проверкой жизнеспособности и силы социалистического строя и Советского многонационального государства явилась Великая Отечественная война Советского Союза. Все народы Советского Союза единодушно поднялись по зову партии на защиту своей Родины. На кровавый террор фашистских оккупантов украинский народ ответил могучей всенародной партизанской войной.

Только благодаря братской помощи великого русского народа и других народов СССР Украина была освобождена от фашистского ига.

Немецко-фашистская оккупация нанесла народному хозяйству Украины колоссальный ущерб. Немецко-фашистские захватчики разрушили сотни городов и тысячи сел. Свыше 16 тысяч промышленных предприятий были превращены в руины. Разграблено было более 28 тысяч колхозов, около 900 совхозов, 1225 МТС. Немецко-фашистские захватчики нанесли народному хозяйству Украины убытки на сумму 285 миллиардов рублей.

После победоносного окончания Великой Отечественной войны народы Советского Союза, вдохновляемые и организуемые Коммунистической партией, в невиданно короткий срок восстановили разрушенное народное хозяйство и двинули вперед все отрасли экономики и культуры.

Послевоенная пятилетка на Украине была выполнена досрочно. Восстановленные на новой технической базе заводы Донбасса и Приднепровья дают теперь металла больше, чем до войны. Донбасс снова стал самым крупным и наиболее механизированным угольным бассейном Советского Союза и дает стране угля значительно больше, чем до войны.

Претворяя в жизнь решения XIX съезда партии, сентябрьского Пленума ЦК КПСС и последующие решения партии и правительства, рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция Советской Украины, как и всей страны, добиваются новых успехов в развитии тяжелой промышленности, дальнейшего круглого подъема сельского хозяйства и производства предметов народного потребления.

Крупная промышленность Украины в 1952 году выпустила продукции в 17 раз больше, чем промышленность дореволюционной Украины. Выработка электроэнергии за это время увеличилась более чем в 37 раз, добыча угля возросла более чем в 4 раза.

Украина является республикой передового социалистического земледелия, одной из крупнейших житниц Советского Союза. Колхозное крестьянство Украины своим самоотверженным трудом добилось невиданных ранее урожаев озимой пшеницы, сахарной свеклы, картофеля и других сельскохозяйственных культур.

Быстрый рост социалистической экономики повлек за собой неуклонный подъем благосостояния и культуры. Государственный бюджет Украины вырос по сравнению с 1940 годом в 2 раза, свыше $\frac{1}{3}$ бюджета расходуются на финансирование мероприятий по культурно-бытовому обслуживанию населения. В республике имеется 500 санаториев, где ежегодно отдыхают сотни тысяч трудящихся.

Невиданного расцвета достигла социалистическая культура. Если до Октябрьской революции на Украине было всего около 20 процентов грамотных, то теперь Украина является республикой сплошной грамотности. В республике насчитывается около 30 тысяч школ, в которых обучается свыше 6,5 миллиона детей; 144 вуза, в которых обучается свыше 177 тысяч студентов — больше, чем в любой капиталистической стране Западной Европы. Крупнейшей кузницей национальных кадров является Киевский университет.

На Украине работают Академия наук, Академия архитектуры, 475 различных научно-исследовательских учреждений.

За годы Советской власти на Украине, как и во всех других республиках страны, созданы многочисленные кадры новой, советской интеллигенции, создана многотысячная армия работников литературы и искусства. Развитие социалистической культуры украинского народа происходит на гранитной основе марксистско-ленинской идеологии, в неразрывной творческой связи и органическом взаимодействии с культурой всех братских народов СССР. Особенно благотворное влияние на развитие украинской советской культуры оказывает социалистическая культура великого русского народа.

Украинская советская литература за последнее время обогатилась произведениями, в которых раскрываются глубокие корни многовековой дружбы русского и украинского народов, показывается благотворное влияние русской культуры как в дооктябрьский период, так и в условиях сотрудничества социалистических наций.

Всемирно-исторические успехи Советского Союза и его составной части— Украинской Советской Социалистической Республики вызывают чувство величайшей гордости и глубокого восхищения всего прогрессивного человечества.

Еще одним ярким проявлением неразрывной дружбы русского и украинского народов является передача Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР. Тесно связанный с Украиной географически и экономически, Крым станет отныне неотделимой частью территории УССР. Это отвечает интересам дальнейшего укрепления братских связей русского и украинского народов.

300-летие воссоединения Украины с Россией является большим праздником всех народов Советского Союза. Новыми трудовыми подвигами отмечают рабочие, колхозники, советская интеллигенция всенародный праздник. Плоды своего творческого труда несут они социалистической Отчизне.

Вопреки проишкам внешних и внутренних врагов социализма растет и крепнет с каждым днем могущество Советской державы. Как монолит, нерушима дружба народов Советского Союза, незыблем братский союз рабочего класса и крестьянства и непоколебимо морально-политическое единство советского общества.

Монолитно единение партии, правительства и советского народа. Все свои усилия наша партия и наше правительство направляют на то, чтобы еще больше крепить мощь социалистического государства, еще выше поднять благосостояние советских людей.

Сильная любовью и доверием народа, своей тесной и неразрывной связью с массами, Коммунистическая партия Советского Союза высоко несет победоносное знамя Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, уверенно ведет наш народ вперед по пути строительства коммунистического общества.

А. П. СЛЯДНЕВ,

кандидат географических наук

ВРЕМЕНА ГОДА НА АЛТАЕ

Алтай представляет собой обширную территорию, расположенную на юго-востоке Западной Сибири и в основном входящую в состав Алтайского края. Под общим названием «Алтай» обычно объединяют и Алтайские горы и степные предгорные равнины, уходящие на сотни километров к северу и западу. Такое общепринятое представление обусловлено не только единством экономики этих районов, но и общностью климата и других природных условий.

Алтайский край расположен в таких широтах, где достаточно четко выражены все времена года. Известно, что привычное для нас явление — смена времен года — объясняется движением земли вокруг солнца. При этом перемещении земля по орбите в течение года значительно меняется угол падения солнечных лучей на поверхность земли, особенно в наших широтах. На Алтае, например, летом максимальный подъем солнца над горизонтом достигает 60 градусов 18 минут, а зимой наименьший угол составляет всего 13 градусов 30 минут. По этим причинам нагревание земной поверхности резко уменьшается при переходе от лета к зиме.

Огромное влияние оказывает на климат движение воздуха. На протяжении одного и того же сезона поверхность земли на разных широтах прогревается далеко не равномерно, температура воздуха значительно различается в разных районах земного шара. Так, осенью или весной в одно и то же время в Средней Азии может быть температура 10—20° выше нуля, а в Якутии — на столько же ниже нуля. Из-за этого возникает движение воздуха в нижних слоях атмосферы. На огромные расстояния переносится воздух с запада на восток, с севера на юг и во всех других направлениях. Холодный воздух Арктики проникает в южные районы страны, жаркий воздух Средней Азии выносится в Поволжье, в Сибирь, а воздух с Атлантического океана движется на восток почти по всей территории Союза.

Эти перемещения воздуха называются атмосферной циркуляцией. В каждом сезоне года преобладает определенный, характерный тип циркуляции, по признакам которого можно установить приближенные границы начала и конца данного сезона (зимы, весны, лета, осени).

Атмосферная циркуляция оказывает влияние на климат Советского Союза в очень разнообразных формах, в зависимости от расположения района. В Западной Сибири, в частности на Алтае, под влиянием атмосферной циркуляции нарушается естественное деление года на равные отрезки времени.

Здесь увеличена продолжительность зимнего сезона за счет других сезонов, особенно за счет лета и осени. Вместо трех месяцев зима на Алтае продолжается почти пять месяцев. Получается это потому, что сюда часто вторгается арктический воздух. Вторжение арктического воздуха в район Алтая в ноябре—декабре, например, достигает 40 процентов от всех вхождений воздушных масс разного происхождения.

Времена года в разных местах Алтая отличаются своеобразием в зависимости от высоты над уровнем моря. По продолжительности времени года и режиму основных климатических условий территории Алтая можно разделить на три зоны: высокогорную (свыше километра над уровнем моря), среднегорную (300—800 метров над уровнем моря) и степную предгорную.

ЗИМА

Высокогорный Алтай выделяется наиболее длительной суровой зимой и коротким летом. На среднегорном Алтае зима несколько короче и мягче даже по сравнению с предгорными равнинами. На высотах 300—500 метров наиболее теплая зима вообще во всей Западной Сибири.

В основных сельскохозяйственных районах равнинного и среднегорного Алтая зима начинается в ноябре, чаще в первой декаде ноября. Наступление зимы отмечается переходом (понижением) среднесуточных температур через -5° , установлением устойчивого снежного покрова и ледоставом на реках.

Переход от осени к зиме происходит в результате вторжения арктического воздуха с северо-запада, с севера или востока.

С северными и восточными вторжениями приходят ранние зимы с суровым началом. Температура воздуха в течение 1—2 суток понижается до $15-20^{\circ}$, устанавливается ясная, тихая морозная погода. Снегу еще мало.

В долинах среднегорного Алтая усиливаются ветры с верховьев. Воздух опускается из высоких долин, прогревается и приходит в виде сухого и теплого ветра — фёна в долины Катунь, к берегам Телецкого озера и в другие межгорные котловины. По этим причинам в долинах очень часто теплее на $10-15^{\circ}$, чем на степных равнинах, и приход зимы не сопровождается резкими похолоданиями.

В высокогорных районах Алтая вершины и склоны гор покрываются снегом значительно раньше. Зимние снегопады и метели — обычное явление в октябре на вершинах даже таких гор средней высоты, как Семинского, Тигерцкого, Коргонского хребтов.

В высоких закрытых долинах и плоскогорьях (Чуйская и Курайская степи, плоскогорье Укок) холодный воздух застаивается, еще более выхолаживается, и вскоре наступает зима с устойчивыми морозами.

В те годы, когда на востоке долго не оформляется высокое давление, зима начинается вторжениями арктического воздуха с северо-запада. Установление зимы в таких случаях происходит неуверенно, за несколько приемов, с обильными снегопадами, оттепелями и в более поздние сроки.

На протяжении зимнего сезона обнаруживается закономерная повторяемость чередований циклональных и антициклональных типов погоды.

Первый период зимы (ноябрь и половина декабря) отличается очень неустойчивой циклональной погодой. В это время сохраняются большие температурные различия в воздушных массах, сталкивающихся над средними широтами Западной Сибири. Если в Средней Азии еще стоит теплая осень, то на берегах Карского моря и в Якутии зима уже вступает в свои полные права. Не удивительно, что контрасты температур воздуха достигают десятков градусов.

Резкая циклоническая деятельность сопровождается сильными ветрами юго-западного направления и обильными снегопадами. За короткий период выпадает больше половины от всего зимнего количества осадков.

Неустойчивая погода первого периода зимы сменяется с конца декабря основным зимним режимом, продолжающимся в течение января и половины февраля.

Основной зимний период проходит на фоне высокого давления, центры

которого на востоке (Восточная Сибирь) или на юго-востоке (Центральная Азия). Устанавливается морозная, безоблачная, тихая погода со слабыми восточными ветрами. В третьей декаде января наступает годовой минимум среднесуточной температуры воздуха.

В этом периоде зимы чаще всего приходят полярные антициклоны с северо-востока, сопровождающиеся наиболее суровыми похолоданиями. Поэтому на январь приходится абсолютные минимальные температуры до -50° на равнинах, но всего только -32° на южных берегах Телецкого озера.

Последний период зимы (конец февраля и две декады марта) проходит в синоптических условиях, которые аналогичны условиям периода установления зимы. Вновь создаются большие контрасты в температурах воздуха Средней Азии и Западной Сибири, усиливаются меридиональные перемещения воздушных масс: холодных с севера по западной части Сибири и теплых с юга через территорию Алтая; учащаются выходы циклонов из южных районов Союза.

Погода в конце зимы неустойчива. Оттепели чередуются с похолоданием, ясная солнечная погода сменяется снегопадами с сильными бурянами. В степных районах юго-западные ветры сдувают снег с полей в овраги, а у лесных полос и населенных пунктов накапливаются причудливые нагромождения снежных сугробов, скрывающих дома по самые крыши.

В долинах Алтая сухие и теплые ветры — фены «съедают» снежный покров, испаряя снег, и поэтому многие долины всю зиму используются для пастбы скота. В то же время в узких поперечных долинах и на северных склонах среднегорного таежного Алтая накапливаются метровые толщи снега.

Сказочно красива зимой горная тайга Алтая. Тяжелые лапы елей и пихт, придавленные снегом, опускаются до земли, образуя таинственные ущелья под кронами. Нагромождения бурелома, скрытые под снегом, приобретают вид причудливых сооружений. Тишина изумительная.

Закономерные чередования циклональной и антициклональной погоды обнаруживаются в характере температурного режима зимы. Похолодания чаще совпадают с тремя периодами: 2-й декадой декабря, 3-й декадой января и 1-й декадой марта. Наибольшая повторяемость потеплений приходится на начало января и конец февраля.

Преобладание высокого давления и антициклональной погоды зимой над Алтаем препятствует распространению западных циклонов, поэтому за 5 зимних месяцев (ноябрь—март) выпадает небольшая часть от годовой суммы осадков: в горных районах от 9 до 25 процентов и на равнинах до 35 процентов.

Накопление снега на полях в степных районах предгорного Алтая — очень важное агротехническое мероприятие, ибо в сухой и ветреный весенний период растения оказываются в неблагоприятных условиях, поэтому запасы почвенной влаги необходимы.

ВЕСНА

Весна начинается в конце марта. Признаками весеннего сезона являются усиление процессов меридиональной циркуляции и выносы воли тепла из южных районов страны. Холодные восточные вторжения прекращаются. Устанавливается теплая солнечная погода, среднесуточные температуры переходят через 0° .

Далеко не одновременно проходят весенние явления в разных районах Алтая. Высота местности, развитие фенных ветров, направление хребтов и долин отражаются на интенсивности весенних процессов, ускоряя или замедляя их. Первые проталины на южных склонах начинают зеленеть в начале апреля, а в глубоких долинах и на северных склонах снег будет лежать до июня. В мае еще являются обычными снегопады и метели на горных перевалах, скалистых вершинах и в высокогорных долинах.

На среднегорном и равнинном Алтае в конце апреля устанавливается весенний режим. Среднесуточные температуры переходят через $+5^{\circ}$, исчезает снежный покров, всламывается лед на реках, наступает тихая погода—

теплые дни и ночные заморозки. Склоны гор зеленеют, роши лиственных деревьев еще оголены, но своеобразная дымка нежносибирского цвета окутывает кроны деревьев, напоминая о развернувшихся жизненных процессах в зародышевых тканях.

В мае погода ухудшается. Происходит чередование вторжений холодных и теплых воздушных масс. От одного дня к другому и даже на протяжении одного дня теплая солнечная погода может смениться пасмурной, с холодным морозящим дождем или даже снегопадом. Последние морозы заканчиваются 11—20 мая, а заморозки на почве продолжаются и в первой декаде июня.

В середине мая разворачиваются листья на березе, а в третьей декаде начинается цветение черемухи, фруктовых деревьев, ягодников.

ЛЕТО

Первая декада июня проходит под угрозой холодных вторжений. Вполне реальной угрозой для огородных культур являются заморозки на почве.

Только во второй декаде июня средние широты Сибири в процессе широтной циркуляции устойчиво заполняются почти однородной массой теплого воздуха. Заморозки прекращаются в воздухе и на почве, среднесуточные температуры переходят через $+15^{\circ}$. Наступает лето. Однако на горах выше 1,5 километра безморозный период вообще отсутствует. Лето на высоких лугах очень своеобразное: прохладное, сырое, с ночными заморозками, что, однако, не мешает развитию пышного травяного покрова.

Лето — лучшее время года на Алтае: теплое, солнечное, с частыми ливневыми дождями и грозами. Длительное ненастье не типично для летнего периода. Дожди могут быть и каждый день, но они быстро проходят, сменяясь солнечной и тихой погодой. Снеговые вершины высоких хребтов часто скрыты в облаках, в то время как над долинами сияет солнце. Пышный цветущий травостой покрывает долины и горные склоны, а в черневой тайге разнотравье зонтичных сомкнулось соцветиями на высоте пояса человека. Березовые и осиновые леса с подлеском из кустарников густым зеленым покровом закрыли распадки и лога, образовав сплошную тень под кронами, а роши сибирской лиственницы выделяются молодой яркозеленой хвоей на фоне темной елово-кедровой тайги.

Частые и обильные дожди способствуют росту трав, исключительно богатых по густоте и разнообразию видов. Горные луга являются ценнейшими пастбищами, особенно для молочного скота. В черневой тайге и в сырых долинах в июле высокотравье так буйно развивается, что скрывает пешехода, образуя настоящие заросли.

К половине августа созревают яровые хлеба на предгорных равнинах и в низких долинах. В конце августа собирают урожай и в высокой Урсульской степи.

Сочетание богатых черноземных почв, тепла, влаги с агротехникой на колхозно-совхозных полях Алтая обеспечивает высокие урожаи зерновых культур, сахарной свеклы, овощей, ягод и фруктов.

Среднегорный Алтай издавна славится богатыми лечебно-климатическими возможностями. Здесь находится единственный в Западной Сибири горно-климатический курорт Чемал и бальнеологический курорт Белокуриха. Во многих местах Алтая трудящиеся Западной Сибири проводят свой отпуск, наслаждаясь красотой горных ландшафтов.

ОСЕНЬ

Осень часто начинается на границе августа и сентября холодным вторжением воздушных масс из северных районов. Распространению арктического воздуха по Западно-Сибирской низменности благоприятствуют устойчивые

антициклоны над европейской территорией Союза и Средне-Сибирским плоскогорьем.

Вторжение холодного воздуха сопровождается дождливой погодой, быстрым падением среднесуточных температур.

В природе происходят разительные перемены. Еще накануне леса были зелеными, еще цвели позднелетние травы на лугах, голубели горные озера, но потянуло холодом, небо закрылось низкими тучами и пеленой дождя, и начали заливаться желтизной склоны гор, посыпались листья с деревьев.

Идет торопливая уборка хлебов на самых верхних пашнях, в соседстве с побеленными вершинами. Стада с высоких пастбищ направляются вниз по долинам. Идет сбор урожая на огородах, отепляются скотные дворы, засыпаются завалины вокруг домов. Ранняя осень торопит.

Если обычно первые заморозки в равнинном и среднегорном Алтае наступают во второй половине сентября, то в отдельные годы, в условиях равнин холодных вторжений, заморозки наблюдались 23—28 августа.

В другие годы осень приходит незаметно, и в сентябре продолжается августовская солнечная, тихая погода. Признаками осени в таких случаях являются прохладные вечера и ночи, переход среднесуточных температур через $+15^{\circ}$ и первые изменения в природе. Начало заморозков оттягивается на октябрь.

Особенность осени на Алтае состоит в том, что условия одного года редко подходят на условия другого года. Осень может быть сухой, теплой и долгой, или, наоборот, дождливой, холодной, с ранними заморозками.

Повторяемость сырой ранней осени не так велика. Очень сырой сентябрь с количеством осадков больше 100 миллиметров на Алтае за 50 лет наблюдался только дважды.

В октябре самая обычная погода — ветреная, облачная, с частыми осадками, причем нередко в виде снега или крупы. В результате интенсивного похолодания в конце месяца средняя суточная температура опускается ниже 0° . Начинается холодный период года на равнинах и на среднегорном Алтае. В высоких долинах холодный период начинается раньше на месяц.

Предзимок, приходящийся на октябрь, характеризуется или неустойчивым снежным покровом, стаяющим и вновь возобновляющимся, или резким похолоданием, когда низкие температуры находятся в контрасте с оголенной почвой.

* * *

Равнинные пространства Алтая, включающие Кулундинскую, Рубцовскую степи и лесостепное Приобье, выделяются в Западной Сибири наиболее благоприятным сочетанием природных условий для сельского хозяйства.

Замечательным богатством природы этого района являются свойства континентального климата: высокие температуры воздуха в летние месяцы и обилие солнца.

Благодаря этим свойствам суммы положительных температур выше 15° тепла весьма значительны (1300—1400 $^{\circ}$), что и позволяет в условиях короткого вегетационного периода вызреть многим культурам, требовательным к теплу.

Возможный вегетационный период (среднесуточные температуры выше 5°) продолжается только 160—170 дней, что на 20—25 дней короче, чем в соответствующих широтах европейской территории. Наиболее отрицательной стороной теплового режима является короткий безморозный период: 115—120 дней в среднем и до 80 дней в отдельные годы. В этом отношении климат равнин Алтая много уступает Западным районам Союза.

Однако, неблагоприятные тепловые условия весны и осени восполняются высокими температурами лета. В течение трех летних месяцев почти повсеместно удерживаются среднесуточные температуры $+15^{\circ}$ при высоких дневных температурах. Большое количество солнечных дней в течение лета (до 900 часов солнечного сияния) обуславливает быстрое созревание зерновых, огородных и плодовых культур.

Из таблицы видно, что в Курске безморозный период значительно продолжительнее, чем в Рубцовске (оба пункта на одной широте), но по количеству жарких дней Рубцовск не уступает Курску.

	Безморозный период	Число дней со среднесуточной температурой выше 15°
Рубцовск	125 дней	99 дней
Курск	162 дня	100 дней

Эта особенность температурного режима представляет исключительно своеобразное богатство климата.

Но как бы лето ни было богато теплом и светом, короткий безморозный период требует от хлеборобов Алтая четкой и правильной организации полевых работ: своевременной обработки почвы, посева в лучшие сроки, подбора культур, созревающих неодновременно, и т. д.

• • •

Средние суммы осадков на большей части края составляют от 300 до 500 миллиметров в год. На первый взгляд, этого количества достаточно для обеспечения высоких урожаев. Однако отрицательной стороной климата на равнинах Алтая является неравномерное выпадение осадков в течение года и резкое колебание сумм осадков от одного года к другому.

В теплый период года выпадает до 70 процентов от годового количества осадков, но в первой половине вегетационного периода, когда растения особенно нуждаются во влаге (апрель, май, июнь), выпадает только 30 процентов осадков теплового периода, а остальные 70 процентов приходятся на вторую половину лета и осень. Эта особенность в распределении осадков обнаруживается повсеместно.

Распределение осадков в процентах от годовой суммы

	Апрель, май, июнь	Июль, август, сентябрь, октябрь	Ноябрь, декабрь, январь, февраль, март
Славгород	25	50	25
Рубцовск	22	43	35
Барнаул	23	45	32

В отдельные годы недостаток атмосферной влаги в первой половине вегетационного периода сочетается с недостатком почвенной влаги в результате сухой осени и малоснежной зимы, и растения вскоре замедляют свое развитие, исчерпав скудные запасы весенней влаги.

Колхозы и совхозы Алтая в целях обеспечения растений влагой в раннелетний период применяют комплекс агротехнических мероприятий: яблечную вспашку как средство накопления осенней влаги в почве, снегозадержание, задержание талых вод и прочее. Важное место в системе этих мероприятий по накоплению влаги занимают лесные насаждения.

Опыт многих колхозов и совхозов убедительно показывает, что можно в значительной мере улучшить естественный водный баланс в почве и получить устойчивые урожаи даже при неблагоприятных условиях увлажнения.

Коренное разрешение вопроса о перспективах зернового хозяйства степных районов Алтая намечено в директивах XIX съезда партии, где записано: «Провести подготовительные работы к строительству оросительных систем для орошения и обводнения земель Кулундинской степи».

Решение проблемы орошения такой значительной площади, как Кулундинская степь, раскинувшаяся на 10 миллионов гектаров, может быть связано только с большими гидротехническими сооружениями на реке Оби.

Несомненно, что будущее нового орошаемого района непосредственно связано с работами по регулированию стока верхней Оби и сброса части обской воды через высокий левый берег в Кулундинскую котловину.

Алтай располагает всеми природными условиями для мощного развития сельского хозяйства.

ПО РОДНОМУ КРАЮ

Е. А. КАЗАКОВА

Заслуженный мастер спорта

НА СНЕЖНЫХ ВЕРШИНАХ

Еще утренний туман плыл над речкой и затягивал лес на склонах, — мы уже свернули палатки, навьючили лошадей, двинулись в путь.

— Теперь смотрите, — сказал наш караван-баши Андриан Тимофеевич, — как туман подымется, перед нами должна быть Белуха.

Белуха — высшая точка Алтая. Она достигает 4516 метров над уровнем моря. Для ее чистых, сверкающих снежных вершин лучшего названия не придумаешь. Многие из тех, кто побывал у этой богатырской горы, зовут ее красавицей Белухой.

Но «красавица» не всегда приветлива. Черные, отвесные скалы, изломы ледниковых трещин, тучи, клубящиеся на вершинах, грохот снежных лавин и каменных обвалов с давних времен внушали жителям Алтая страх перед Белухой. Немало легенд и поверий сложили алтайцы о ее неприступности. Согласно этим легендам, в ледяных чертогах, в расселинах грозных скал обитает коварный, злой дух Эрлик. Вершина Белухи священна. Эрлик покарает всякого, кто посмеет вступить на нее.

Со склонов Белухи во все стороны стекают мощные ледники, изрезанные глубокими трещинами. Там, где на пути ледников встречаются скалистые преграды, плавное течение нарушается, и разорванный лед, громоглася зеленовато-голубыми глыбами, образует непроходимые ледопады.

Солнце пригрело, и туман стал подыматься. Мы придержали лошадей, чтобы не пропустить момента появления Белухи. Фотолюбители заволновались, засуетились в поисках «переднего плана».

Вот голубое окно расширилось, и в рамке пушистых лиственниц появилась Белуха, ослепительная в лучах утреннего солнца. Высоко взметнулась ее ледяная стена, увенчанная двумя гранеными пирамидами. Из-под стены, слегка извиваясь, спустился ледник. У его подножия поблескивало Аккемское озеро, гладкое в это тихое утро, как стекло.

Алтай — удивительная коллекция богатств и красот природы. На десятки километров простираются величественные лиственные леса. Выше по склонам нарядную лиственницу вытесняет могучий кедр.

А какие на Алтае дуга! Лошадь и всадник целиком утопают в море трав и цветов. В горах повыше растут знаменитые эдельвейсы. В Альпах этот цветок, с лохматыми лепестками в виде елочной звездочки, теперь редкость. Любители сильных ощущений по отвесным скальным кручам ведут

опасную охоту за уцелевшими экземплярами. А здесь, на Алтае, эдельвейсами усыпаны целые склоны, рвы охапками.

За изумрудно-бирюзовые озера и реки, за дымчатые дали снежных вершин народ в легендах и сказках прозвал Алтай голубым. И, кажется, нет уголка чудесней голубого Алтая с его красавицей Белухой.

Еще в XIX веке центральный Алтай был географической загадкой. В науке того времени утвердилось мнение, что Алтай — горная страна, почти лишенная ледников и вечных снегов. Честь научного открытия ледникового Алтая принадлежит русским ученым, в частности профессору Томского университета Василию Васильевичу Саложиникову.

С 1895 по 1911 год им было совершено девять путешествий по Русскому и Монгольскому Алтаю, открыто около девяноста ледников с общей площадью оледенения в 350 квадратных километров. Им были нанесены на карту и описаны почти все крупные ледники Алтая.

В. В. Саложиников пять раз посетил Белуху, побывал на всех ее основных ледниках и в 1898 году, после двух неудачных попыток, поднялся, наконец, до седла Белухи. Отсутствие необходимого снаряжения не дало возможности преодолеть последнее крутое обледенелое склона вершины.

Судя по записям в дневнике, В. В. Саложиников был не только крупным географом, но и страстным альпинистом. В 1895 году, после неудавшейся попытки подъема на склоны Белухи, он писал: «Я возвращался с сожалением, что не удалось подняться выше; странное чувство испытываешь, находясь в высоких горах; вершины имеют какую-то особую притягательную силу; готов идти, несмотря на сильное утомление, и, когда возвращаешься по необходимости, чувствуется какая-то неудовлетворенность».

В. В. Саложиников описал свои путешествия по Алтаю в четырех книгах: «По Алтаю», «Катунь и ее истоки», «Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо» и «Пути по Русскому Алтаю». Эти книги по богатству материала поныне остаются лучшим описанием горного Алтая. Первые три книги с некоторыми сокращениями недавно переизданы*. «Пути по Русскому Алтаю» — ценнейший путеводитель — стал библиографической редкостью.

Под влиянием В. В. Саложинова за изучение высокогорного Алтая принимаются другие томские ученые. Особенную целеустремленность, настойчивость в исследовании ледников Алтая проявили братья Троновы, совершившие многочисленные походы в самые отдаленные ущелья.

Благодаря путешествиям и исследованиям Троновых в настоящее время в Русском Алтае известно более 750 ледников с общей площадью оледенения около 600 квадратных километров.

Спустя сорок лет после первого своего посещения Алтая Михаил Владимирович Тронов попрежнему ежегодный гость на Алтае. Энергичный и подвижный в свои 60 лет, он и теперь неутомимый исследователь и альпинист.

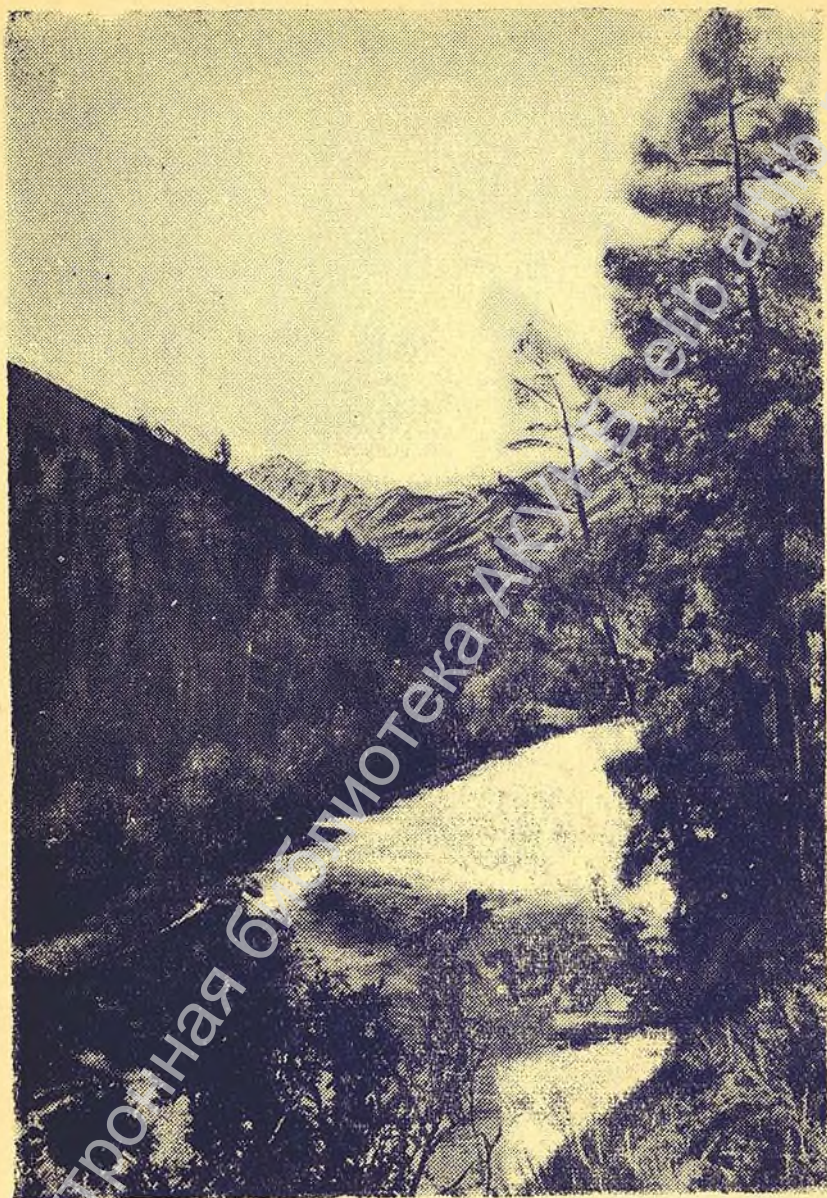
После Великой Октябрьской социалистической революции началось планомерное изучение Алтая. Сюда направляются экспедиции Академии наук СССР, общества изучения Сибири и ее производительных сил, Геологического комитета, Томского университета.

В 1933 году в районе Белухи, в связи со Вторым международным полярным годом, у истока Катунь и на Аккемском озере устанавливаются две высокогорные станции и под руководством К. Г. Тюменцева проводится специальная экспедиция по изучению Катунского ледника.

На Алтае начинает развиваться альпинизм. В 1933 году экспедиция в количестве девяти человек совершила восхождение на восточную вершину Белухи.

В то же лето четверо из нас, совершив большой переход через центральный Алтай, в сентябре достигли Чуйских белков и совершили первовосхождение на высшую точку этого хребта — вершину Иик-ту.

* В. В. Саложиников. По Русскому и Монгольскому Алтаю. Географгиз. Москва, 1949 г.

Горная река

Фото П. Шведова

В 1935 году организуется первая альпинида на Белуху. Это был по всем отношениям замечательный поход, в котором участвовало около ста человек, в том числе 8 алтайцев-колхозников, 6 научных сотрудников. Художник И. И. Тютиков сделал много зарисовок с натуры, а сибирский писатель А. Коптелов, побывав на Белухе, написал повесть «Снежный пик».

Альпиниаду обслуживало специальное авиазвено. Несмотря на непогоду, летчики регулярно снабжали альпинистов газетами, письмами, свежими продуктами. 43 человека взойшло на восточную вершину Белухи. Легенда о неприступности Белухи была окончательно развеяна.

В 1936 году покоряет западную вершину Белухи группа инструкторов альпинистского лагеря, организованного под Белухой, а годом позднее трое сибиряков совершили полный траверс (прохождение) обеих вершин.

Начиная с 1936 года, альпинисты устремляются также к вершинам Чуйских белков, почти таким же высоким, как Катунские. Здесь работает передвижной лагерь, школа младших инструкторов.

В 1941 году в Северо-Чуйской гряде, в ущелье Актру, открывается стационарный альпинистский лагерь. Но освоить его не удалось — война отвлекла альпинистов от любимого спорта.

После войны альпинизм на Алтае возобновляется. В 1952 году ВЦСПС направляет к Белухе альпиниаду молодых спортсменов Сибири и Урала. Тактика и мастерство советских альпинистов заметно возросли. Все 43 человека, допущенные к восхождению, достигли вершины.

В 1953 году спортивное общество «Наука» отремонтировало лагерь в ущелье Актру, и туда со всех концов Советского Союза потянулись начинающие альпинисты.

Несмотря на многолетние исследования и многочисленные восхождения, все еще есть на Алтае горные массивы и ледники, где не бывали ни географы, ни альпинисты. К числу таких нетронутых уголков относится восточная часть Катунского хребта, расположенная между Белухой и Аргутской тесниной. Реки, берущие здесь свое начало, впадают в Аргут — один из крупнейших притоков Катунь.

В ознаменование 30-летия советского альпинизма летом 1953 года ВЦСПС направил сюда экспедицию, поручив нам проникнуть в верховья не исследованных ранее горных долин и взойти на наиболее интересные вершины этого района. В этом походе приняли участие москвичи, ленинградцы, уральцы, сибиряки — спортсмены с заводов, из различных организаций

• * •

21 июля. Сегодня, на восьмые сутки после выхода из селения Катанды, мы достигли ущелья Аргута. Куда девались густой тенистый лес, пышные альпийские луга? Кругом лишь голые скалистые склоны, обильные осыпи. Только кое-где вдоль редких ручейков зеленеет трава. Сухой колючий кустарник цепляется за одежду.

Через час мы оказались около устья полноводного и бурного Иедыгема. В его верховье расположен самый длинный из ледников Алтая — Мен-су. Он простирается не менее чем на 10—11 километров.

Базовый лагерь разбили километра на три выше по Иедыгему, где пустынный характер Аргутского ущелья вновь сменился сочной алтайской растительностью.

23 июля. Готовимся к первому походу. Предстоит проникнуть к истокам Кулагаша и Куркуре, впадающих в Аргут выше Иедыгема. На их ледниках еще пикто не бывал. Пойдем четырьмя отрядами, чтобы осмотреть как можно больше площади.

24 июля. Печет солнце. Идем среди камней у самого берега Аргута. До устья Кулагаша километров двадцать. Тропа хорошая, рюкзаки на лошадях.

У впадения Кулагаша сделали привал. Неожиданно разразилась гроза. Переждали под плащами. Здесь расстаемся с отрядами Даниловича и Игуменова. Они уходят дальше к Куркуре. Наш путь к истокам Кулагаша.

Караванщик Андриан Тимофеевич ходил в разведку. Сведения неутешительные. Старая охотничья тропа совершенно заросла, а на перлом куруме* у входа в ущелье ее засыпало свежим обвалом. Вторую половину дня разбирали камни на этом завале, чтобы утром провести лошадей.

25 июля. С утра пошли ущельем Кулагаша. Ну и дебри! Местами в чаще почти темно. Иду впереди и высматриваю, где лучше провести коней. Володя Худяков и Вася Просвиркин идут с топорами следом, валют мелкие деревья, расчищают заросли. Андриан Тимофеевич следит за проводкой лошадей.

За первым курумом вскоре последовали второй и третий. Между камнями растут низкорослые кустики черной смородины. У берега на песчаных отмелях много медвежьих следов.

С середины дня идет дождь. Уже в полной темноте голодные и мокрые остановились на ночевку. За двенадцать часов прошли не более 6—7 километров и совершенно вымотались. Лошадям нечего есть, вся земля устлана мхом, трава не растет вовсе, слишком здесь темно и сыро.

26 июля. Сразу после выхода со стоянки попали на каменные кручи. Лошади пройти не могут. Надо возвращать их обратно. Вещи и продукты разложили по рюкзакам. Продолговатые на обратную дорогу подвесили в мешках повыше на деревьях в надежде, что рыси и медведи не учуют. Караванщики с лошадьми повернули обратно к устью. Там они подождут нашего возвращения.

Идти трудно. Тяжелые рюкзаки оттягивают плечи. Во мху и низкорослом кустарнике вязнут ноги. Часто проваливаемся в скрытые под мхом расщелинки. Особенно достается Виктору Ивановичу Маслову — ему как-никак за пятьдесят. На привале тайно, чтобы не задеть самолюбия «старой гвардии», повытаскали из его рюкзака тяжелые вещи. Сразу приободрился и пошел веселее.

Вся долина поросла густым лесом. Выше склоны переходят в скальную стену, увенчанную причудливыми башнями и зубцами.

Днем подошли к притоку. На карте он не показан вовсе, хотя довольно полноводен. Отряд Мездрикова решил взять на себя обследование истоков этой речки. Расстаемся. Наша пятерка перебрела через три рукава притока и двинулась дальше.

Стремимся к озеру, у которого сливаются два истока Кулагаша. Вот уже вечер, а озера все нет. В сумерках нарубили душистых веток лиственницы и улеглись без палатки.

Над чернеющими макушками деревьев мерцают звезды, неугомонно шумит река.

27 июля. Лес редее. Идем у самой реки. К полдню подошли к долгожданной развилке ущелья, где сливаются два истока Кулагаша. Высота 1750 метров над уровнем моря.

Для Виктора Ивановича построили шалаш. Пока мы будем заниматься ледниками и вершинами, он поживет здесь, порисует этюды.

После обеда ушли в правое ущелье. Лес кончился. Весь берег зарос ярликовой стелющейся березкой. Ходить по ней нет никакого терпения. Густосплетенные ветки лишают твердой опоры. На каждом шагу проваливаешься и застреиваешь под сеткой ветвей. Одно хорошо — падая, нешибаешься — заросли березки, как пружинный матрац.

Показался ледник. Вскоре всякая растительность остается позади. Теперь мы в царстве осыпей. Склоны засыпаны обломками разрушенных пород.

Заночевали, не доходя до ледника, выложив из плоских камней площадку поровнее.

28 июля. Ледник кончается на высоте 2400 метров, то-есть на 400 метров выше, чем уровень большинства крупных ледников Белухи. Он лишен снегового питания, потому что окружающие его вершины невысоки, и снег на них не держится. Вероятно, в этом причина значительного отступления ледника.

* Курум — осыпь из крупных камней.

Северная стена Белухи и Аккемское озеро. На переднем плане лагерь экспедиции.
Фото П. Швалова.

У нижней кромки льда на большом камне сделали надпись: «Альпинистская экспедиция ВЦСПС 28/VII—1953 г.». По этой отметке лет через 20—30 кто-нибудь определит скорость отступления ледника.

Через два часа подъема мы достигли верхнего поля ледника. Снежный покров, скопившийся здесь за зиму, в значительной степени стаял. В некоторых местах поверхность снега розовая, вероятно, от тех же водорослей, которые В. В. Саложников обнаружил на склонах Белухи. А мы-то думали, что находимся в безжизненном царстве снега и льда. Вскоре выяснилось, что здесь водится крупный зверь.

На боковой морене оставили рюкзаки и налегке стали подниматься к седловине Катунского хребта, предполагая, что она может оказаться перевалом на южную сторону. На снегу обнаружили вмятины. Присмотрелись. Явные следы медведя, и при этом совсем свежие. Вот так чудеса! Мишка — альпинист. На крутизне косматый, видно, не удержался и съехал гоня. Что ему здесь было нужно? Куда он отправился дальше? На этот вопрос ответить трудно, ниже на льду следов не различишь.

Седловина оказалась перевальной. Через нее-то и пожаловал медведь из долины Орочегана. Перевал нанесли на карту, из камней сложили тур.

Алтайская погода верна себе. Днем пошел дождь, и мы поспешили укрыться в палатке.

29 июля. День ушел на посещение второго перевала, зарисовки, фотографирование ледника. Засветло спустились к шалашу.

30 июля. Поработали сегодня на славу. Ушли из лагеря в шесть утра, а вернулись к одиннадцати вечера. Успели побывать на двух ледниках, из которых рождается второй исток Кулагаша, поднялись на гребень, отделяющий наш ледник от того, на который отправился отряд Мездрикова, и даже вошли на вершину высотой около 3500 метров. Все сфотографировали и зарисовали. Обратного не шли, а летели, перепрыгивая с камня на камень. Внизу напали на медвежью тропу и по ней легко добрались до слияния истоков, миновав противные заросли ползучей березки.

31 июля. Сегодня день встречи всех отрядов на Аргуте. Обратного по старым следам идти легче, да и рюкзаки значительно потеряли в своем весе.

Поздно вечером добрались до устья и по отсвету костров нашли стоянку наших. Встретились так, точно не выдался год, а не неделю. Все наперебой спешат рассказать, где побывали, что повидали. Отряды поработали много. Материалов достаточно, чтобы составить схему ледников района.

Андрян Тимофеевич наловил хариусов и угостил нас замечательной ухой.

1 августа. К обеду мы в базовом лагере. Как приятно после десяти дней бродяжьей жизни оказаться «дома», где тебя ждет вкусный обед, гора свежих лепешек, новости по радио, телеграммы от родных и лесни у костра!

* * *

Через день мы снова надели рюкзаки и взяли ледорубы. Предстоит разведать ледник Мен-су и окружающие его вершины. Альпинисты здесь еще не бывали.

Переночевали у последних кедров и поднялись на каменную морену, ограничивающую мощную толщу ледника. Конец его сильно отступил, обнажив сглаженные льдом «бараньи лбы». По подсчетам М. В. Тронева, этот ледник в среднем отступает на 19 метров в год.

По мере подъема все полнее открывается величественная панорама снежных гор. Верхнюю часть ледника опоясывают вершины, первоклассные по трудности восхождения на них. Снежно-ледовый покров вершин богато испещрен лавинными полосами, карнизами, трещинами, сбросами.

В середине цирка стоит восточная вершина Белухи. Правее возвышается пик Делоне. Прямо перед нами, над снежной перемычкой, соединяющей ледник Мен-су с Большим Берельским, — изящная пирамида пика Берельского. Дальше, вдоль правого берега ледника тянется стена, увенчанная рядом вершин. Сильная крутизна склонов, мощные ледопады, глубокие тре-

шины, нависающие карнизы и блеск натечного льда — все говорит о трудностях, ожидающих восходителей.

В этот же вечер обсудили, как назвать безымянные вершины. Левый, наиболее величественный массив, увенчанный тремя снежными вершинами, было решено назвать в честь 50-летия КПСС, средний — изящную двухглавую вершину — «Героической Кореей» и правый — пиком В. В. Сапожникова.

Долго в бинокль изучали причудливую поверхность ледяных трещин, скальные гребни, намечая путь для восхождения.

5 августа четыре отряда вышли на штурм вершин. Двое нас остались на морене, чтобы наблюдать за продвижением и принимать сигналы.

Вскоре наши товарищи скрылись среди трещин ледопада, который им предстояло преодолеть. Для нас, оставшихся на морене, наступили часы томительного ожидания и волнения за товарищей. Обычно, когда сам поднимаешься на вершину, все внимание бывает поглощено трудностями восхождения, и страха не испытываешь даже в трудных местах. Совсем другое дело, когда наблюдаешь за передвижением других. Страшишься каждого их шага, каждого неловкого движения.

Вечером в условленный час мы поспешили к месту приема сигналов. Но ни один огонек не блеснул со склонов. На вершинах было тихо и безжизненно.

Следующий день до ряби в глазах всматривались мы через бинокль в каждый камушек, в каждую чернеющую точку. Все напрасно. Нигде никого. Мрачные и молчаливые бродили мы по морене, удивляясь исчезновению товарищей.

Днем разразилась гроза. В самый разгар проливного дождя пришел табунщик Егор с продовольствием.

Скоро туман рассеялся, и вновь показались вершины.

— Вижу группу Хакимуллина, — кричит с морены Шведов.

Бросаясь к нему и отнимая бинокль. Долго блуждаю взором по склонам пика Делоне, наконец, натыкаюсь на три вертикальные черточки, ясно различимые на снегу недалеко от вершины. Затем на скальном ребре «Героической Кореей» на фоне неба крошечными силуэтами вырисовался отряд Пепина. Когда стемнело, перед средней вершиной «50 лет КПСС» загорелся сигнал благополучия группы Даниловича. А вот отряд Игумнова так и не показался.

Контрольный срок возвращения был назначен на восемь часов вечера седьмого августа. За три часа до этого срока с победой вернулась тройка Хакимуллина. Вскоре на леднике показались отряды Пепина и Игумнова. По унылым фигурам четверки Игумнова не трудно было догадаться, что им не повезло. Так и оказалось Пик Сапожникова все время был затянут облаками, и даже не удалось рассмотреть пути к вершине.

Не успев отдышаться, Пепин гордо отрапортовал о полном успехе на «Героической Кореей».

Миновал контрольный срок, а уралмашевцев Даниловича все еще не было. В бинокль удалось разглядеть на снежных участках между трещинами и нависающими ледяными глыбами цепочку следов, но самих восходителей не было видно. Особенно волновало то обстоятельство, что группа уклонилась от намеченного пути и перешла на крутой ледяной склон, где в любой момент могла обрушиться снежная лавина.

Прежде чем выходить на поиски, решили дожидаться часа сигналов в надежде, что уралмашевцы дадут о себе знать.

В девять часов все поднялись на морену, внимательно вглядываясь в контуры вершины. Хакимуллин говорит:

— Вижу сигнал на скалах, внизу склона.

Действительно, каким-то непонятным образом восходители «невидячки» спустились по ледяному склону и выбрались на скалы.

Теперь можно было спокойно разойтись по палаткам.

Уралмашевцы явились в час ночи, еле держась на ногах от усталости, но счастливые удавшимся восхождением. За нарушение контрольного срока

На леднике Мен-су.

Фото П. Шведова.

и спуск по опасному пути группе предстояла основательная проборка, но за поздним временем пришлось отложить разговор до следующего дня.

Наутро выяснились подробности их восхождения. В первый день группа успешно подвинулась на первую вершину. На другой день пошел снег, и в десяти шагах ничего нельзя было разглядеть. Тем не менее они продолжали восхождение, но ошиблись, и два небольших возвышения на гребне приняли за вторую и третью вершины. Как полагается, на всех вершинах были сложены туры и оставлены записки о первоисхождении.

За ночь туман рассеялся, и утром уралмашевцы были неприятно удивлены, обнаружив впереди вершины, которые считали уже пройденными. В этот день истекал контрольный срок, а впереди была еще добрая половина пути. Альпинисты поспешили и к середине дня сложили еще два тура, на этот раз уже на подлинных вершинах. Желая ускорить спуск, участники группы начали уговаривать Даниловича изменить маршрут и пойти прямо вниз. Сначала Данилович не соглашался, но в конце концов не устоял и, пренебрегая опасностью, повел группу кратчайшим путем. Поступок был недопустимый. Данилович не имел никакого права рисковать ни своей жизнью, ни тем более жизнью своих товарищей. Пришлось вынести ему строгий выговор. Это было тем более обидно, что другие руководители восхождений получили благодарность.

* * *

...Начинаем штурм Белухи. Ослепительно сверкают шапки вершин. Солнце пригрело, и по леднику бежит множество ручейков. Настроение у нас приподнятое, даже рюкзаки кажутся не такими тяжелыми.

По ровному леднику идти легко, лишь кое-где перепрыгиваем через небольшие трещины.

Еще час ходьбы, и перед нами вырастают ступени ледопада. Начинаем его обход по крутому боковому леднику. Появились хрупкие, прозрачные мостики. Удвоили осторожность и связались по двое веревкой. Лед звенит под ударами ледоруба — делаем ступеньки, чтобы выбраться на скалы.

Погода в горах капризная. С утра не было ни облачка, и казалось невероятным, что через какие-нибудь два или три часа не осталось и следа от сверкающей солнечной картины. Все затянуло тучами, и пошел снег. На запыленных скалах мерзнут руки. Порывистый ветер бросает в лицо холодную жесткую крупу. Стараемся держаться ближе друг к другу, чтобы не потеряться в тумане. Давно хочется есть, но никак не попадается подходящего места для остановки.

К пяти часам закончили обход ледопада и достигли верхнего поля ледника. Четверка Пети Андрияшина остается здесь на ночевку, завтра они выступят на штурм пика Сапожникова.

В полном тумане уходим туда, где должна быть снежная перемычка. Володя Курочкин и Анект Пепин по очереди топчут след в глубоком снегу, прощупывая ледорубом края засыпанных трещин.

В сумерках ставим палатки. В одну из них забирается наша пятерка, идущая на траверс Белухи, в другую — отряд Пети Шведова, который пойдет с нами до пика Берельского.

Ветер вешадно треплет палатку. Старательно застегиваем все кнопки, но снежная пыль все же проникает внутрь. Попржнему свирепствует метель. Потолок палатки обледенел и сильно провисает. При каждом порыве ветра холодные брызги и льдинки попадают в лицо, за шиворот. У соседей слышится оживленная беседа и взрывы смеха. По очереди ходим к ним в гости и заодно сметаем с палаток снег. Так миновал день.

На следующее утро проснулись от возгласов Шведова:

— Нас засыпало снегом.

Одеваю ботинки, штурмовку, отгребаю сугроб у входа и, наконец, выбираюсь наружу. Ветер дует с прежней силой. О том, чтобы двигаться дальше, — нечего и думать. Перемерзшие люди топчутся около сваленной палатки. Нужно срочно устанавливать ее, иначе они совсем заколечуют.

Принимаемся за расчистку площадки. На подмогу вылезают Арсен Давлянович и Володя Курочкин. На их место лезут греться «бездомные».

Наконец, палатка установлена и во льду вырублен защитный ров, в который сыпается снег, сметаемый ветром со склона. Каждые два-три часа ров придется очищать. На ветру мы продрогли, и горячий какао, приготовленный Ниязом, — лучшая награда за труд.

Мучительно долго тянется время. Настроение портится. Альпинисты ворчат и раздражаются из-за пустяков. В полной бездеятельности проходит еще один день.

Чуть свет бросаемся к выходу. Снаружи все то же, в двух шагах ничего не видно. Ветер не улегся. Что делать? Сегодня уже пятый день, как мы из лагеря. Продуктов взято только на семь, а мы еще в самом начале восхождения. Сокращаем дневной паек. Если завтра погода не улучшится, от восхождения придется отказаться.

Минует еще ночь, и вот весь мир залит солнцем. От мрачного настроения нет и следа. Итак, наша пятерка все-таки идет наверх. Соседи грустят: им приходится возвращаться, продукты кончились, внизу их ждет четверка Андриашина.

Воюем с заносами свежего снега. Местами погружаемся по пояс и роем траншеи. Только к заходу солнца добираемся до пика Берельского, хотя с утра казалось, что до него рукой подать.

До самого горизонта протянулись бесконечные цепи гор. Глубоко вниз уходит ледник Мен-су, по которому мы поднимались. Там, где-то в лабиринте ущелий, движется сейчас наш караван. Ему придется пройти около 150 километров, чтобы встретить нас по другую сторону Белухи.

Проснулись рано. Сегодня обязательно нужно подняться на восточную вершину Белухи. Шаг за шагом набираем высоту. Снег тает, со скал капает вода. Хорошо бы напиться вволю. Последние пять дней вокруг нас были миллионы тонн снега и льда, но ни капли воды. Расставляем кружки, крышки, котелки. Поели, напились, и дальше.

Скалистый гребень вывел на небольшое снежное плато. Теперь перед нами крутой склон. Внизу он снежный, выше — ледяной. Вперед уходит молодежная группа: Нияз, Анект, Володя. Мы на высоте более 4000 метров. Снег здесь сухой и сыпучий. Чтобы хоть немного продвинуться вверх, передний невероятно высоко поднимает ногу, пытаясь утрамбовать в рыхлом снегу ступеньку. Но верхняя ступенька обрушивается на нижнюю, и мы почти топчемся на месте. Идущий впереди скоро выбивается из сил, приходится каждые 10—15 минут сменять его следующим по связке.

Очень обрадовались, когда достигли ледяного склона и перестали вязнуть в снегу. По сомнительному мостику перешли через мрачную трещину. Теперь рубим ступени прямо вверх к разрыву в нависающем карнизе.

— Вершина! — радостно кричит Володя, выбравшись на снежный карниз.

Мы на высшей точке Алтая. Отсюда, понижаясь, уходят во все стороны горячие хребты. Напротив нас грозной ледяной стеной стоит Западная Белуха. Дальше в лучах вечернего солнца сверкает большой берег снежное плато. Туда лежит наш путь. В бинокль рассматриваем берег Аккемского озера, сегодня там должны быть отряды Андриашина и Шведова.

Нияз и Анект усердно щелкают аппаратами. При вечернем освещении снимки должны получиться особенно эффектными. Снимаем копию с записки прошлогодней альпиниады, пишем свою, и аккуратно заворачиваем их в станиолиевую бумажку из-под шоколада. Когда записка запечатана в тур, Арсен раздает шоколад, и мы «празднуем» подъем на вершину.

Вечереет. Склон, по которому будем спускаться, уже в тени, снег смерзается и будет хорошо нас держать.

— Пора вниз, — торопит Арсен. Он не фотолюбитель, и ему непонятно рвение, с которым Нияз и Анект бегают с места на место в поисках «удачной точки», «удачного кадра».

Спуск крут, но безопасен — внизу широкое снежное седло, в крайнем случае зароешься в сугроб. Спускаемся одновременно, повернувшись лицом к склону и вгоняя носки ботинок в подмерзающий снег. Под конец «сглиц-

У подножья пика «Героической Кореи».

Фото П. Шведова.

сырвали», стоя на ногах, на снежное поле. Это удовольствие, в котором трудно себе отказать на безопасном месте.

За два часа потеряли по высоте около 500 метров. Палатку расставили уже в темноте. Ровно в десять внизу у Аккемского озера запылал большой костер. Спешим дать ответный сигнал. Для альпинистов этот лаконичный «разговор» очень содержателен. Внизу перестают волноваться за судьбу восходителей, а тем, кто наверху, приятно дать знать товарищам на «земле» о том, что у них все в порядке.

Следующий день посвящаем Западной Белухе. Подъем крут и тоуден. Тщательно выбираем путь, следим друг за другом. Время от времени слышны скучные реплики: «возьми вправо», «выдай веревку», «камень».

К часу дня мы на вершине. Погода портится, задерживаться нельзя. Спускаемся осторожно, под тонким слоем снега — натечный скользкий лед. Внизу сквозь туман проглядывают трещины и нагромождения ледяных глыб. Благополучно добираемся до западного плато Белухи. Это почти ровная снежная поверхность протяженностью до трех километров на высоте 4000 метров над уровнем моря.

Вдвоем с Арсеном уходим осматривать плато, чтобы выбрать путь дальнейшего спуска. Пока пересекали плато, все затянуло туманом. Постояли и обрыва минут 20—30 в надежде, что туман разойдется, и ни с чем пошли обратно. Молодежь тем временем приговорила из наших скудных запасов обед, вскипятила чай.

Ночью туман рассеялся. Теперь перед нами последняя и, пожалуй, самая трудная задача — спуск с плато на ледник Мюшту-айры. Плато ограничено крутыми стенами высотой более 1000 метров.

Решаемся спускаться по скальной стене, обращенной к леднику Мюшту-айры. Но как добраться до первых верхних скал? Под снежным покровом плато, на котором мы стоим, лежит ледяной слой толщиной в 20—25 метров. У края лед обрывается совершенно отвесно и испещрен вертикальными трещинами.

Вперед выходит Арсен. Загоняю ледоруб у края трещины по самую головку и начинаю постепенно выдавать веревку. Арсена уже не видно за краем обрыва, слышны только удары ледоруба. Продвигается крайне медленно, время от времени слышу: «Держите», это значит, что идет ненадежно, может сорваться. Напрягаю все силы, чтобы удержать в случае рывка. Стою наготове. Если ледоруб не выдержит, мой прыжок в трещину уравнивает улявшего.

Все сходит благополучно. Через 30 минут Арсен на скалах. Но о том, чтобы спускаться здесь остальным, не может быть и речи. Путь слишком рискованный — лед у края сильно растрескался и в любой момент под тяжестью тела может рухнуть. Снизу Арсен просмотрел для нас более надежный спуск по соседней трещине. Нужно закрепить наверху веревку и спуститься по ней на руках внутри ледяной трещины. Весь вопрос в том, как закрепить верхний конец веревки. Толстый слой снега, лежащий на плато, не дает возможности вбить здесь ледовый крюк. Выход только один: тому, кто сильнее, стать на плато и держать верхний конец веревки, пока остальные будут по ней спускаться.

Такое ответственное дело можно поручить только Арсену. Приходится ему по веревке выбираться обратно к нам наверх. Довольно долго занимаемся наладкой, место трудное и опасное, следует не спеша все обдумать и предусмотреть. Местами трещина сужена, спускаться по ней нужно аккуратно, чтобы не застрял рюкзак. Внизу она кончается обрывом, и только узкая ледяная перемычка соединяет ее со скалами. Нужно так рассчитать свой спуск, чтобы полость ногами как раз на эту перемычку. Все настроены серьезно, большинство из нас впервые участвует в таком спуске.

Первым за веревку берется Низа. Спокойно перемещает он вдоль веревки специальный страхующий узел и постепенно спускается все ниже и ниже. Наконец он на скалах. Следом спускаются остальные.

Сложнее спустить того, кто держал веревку. Подумали, погадали и сделали так: связали в виде кольца две веревки по 25 метров и перебросили это кольцо через ледяной массив между двумя трещинами. Снизу кольцо натянули, и Арсен без всяких приключений спустился к нам.

Еще день ушел на тысячеметровый спуск по скалам, и вот мы на леднике Мюшту-айры. Траверс Белухи окончен. Приятно после десяти дней трудного восхождения поздравить верных спутников с победой.

Теперь — вниз, к лесу, к теплу, к товарищам, с нетерпением ожидающим нас.

...В ранний утренний час кромка Кочурлинского озера подернута тонким звенящим ледком. На березах появились золотые пряди. На склонах рдеют кустарники. В горах наступила осень. Отдохнувшие люди весело бегут по торной тропинке. Еще задолго до вечера мы въехали в Катанду.

Шумным весельем у костра закончилась наша экспедиция.

А. ГОНЗАРЬ

НА СПИНИНГЕ — ТАЙМЕНЬ

Мы мчимся на машине по Чуйскому тракту, затем перекаладываем груз на выючных лошадей и движемся к Катунь, преодолевая скалы, овраги, каменные россыпи. Путь труден, однако теперь уже не остановит нас никакая сила. Мой спутник сгорает от нетерпения, через каждые полчаса спрашивает:

— Скоро ли?

Его волнение может быть непонятным только тому, кто никогда не ходил по берегу со спиннингом в руках.

Нам предстоит провести у Катунь несколько дней нашего отпуска. Вспоминаю, как воскресным утром 1941 года я шел к реке, чтобы осмотреть заброшенный накануне перемёт. Я торопился. Мне мерещилась красавица-нельма на крючке. Но услышанное по дороге слово «война» заставило забыть о рыбалке. На фронте я нередко вспоминал оставленный в реке перемёт, грустил по обским просторам, по вкусной ухе, сваренной на берегу из только что пойманной рыбы. Что же, теперь, в мирное время, отведем душу.

Вот и Катунь. Вода течет стремительно, сквозь шум слышатся глухие удары камней. Движемся левым берегом вниз по течению. Тропинка петляет между гранитными волунами, затем круто поднимается вверх. Лошади с трудом карабкаются по каменистым уступам. Одна из них пугливая, боится за нее — если немного поддастся в сторону, сразу же полетит вниз, а под нами двухсотметровая отвесная скала, ушедшая своим основанием в воду. Наконец, благополучно спускаемся на невысокую прибрежную терраску. Мой спутник повел лошадей до места начлега, а я должен поймать рыбы на уху. Забрасываю за спину рюкзак, вешаю на пояс багорик, беру спиннинг.

День жаркий, хотя уже конец сентября. На небе ни одного облачка, ярко светит солнце. В такую погоду тайменя не жди. Но страсть есть страсть.

Вода в Катунь бирюзовая, прозрачная. У берега — плесы, завихрения среди камней. Посылаю небольшую никелированную блесну, рассчитанную на ленка. Ни первый, ни второй заброс ничего не дают. Крутя катушку, внимательно смотрю в воду. У ленка есть привычка сопровождать блесну до берега. На этот раз не появляется. Еще несколько забросов, и вот легкий зацеп. Чувствую, что рыба небольшая и смело верчу катушку. Прямо с ходу выбрасываю на берег килограммового ленка. Оказывается, зацеплен якорем не за губу, а за основание переднего плавника.

Медленно продвигаюсь вниз по течению. Уже прошел несколько километров, а улов не увеличился. Ноги утомлены до боли. Приближаюсь к переправе. Мой спутник уносит на другой берег остатки нашего груза.

Здесь обширные, глубокие заводи. Первый заброс, и вытаскиваю солидного ленка. Задание выполнено — рыба на уху есть.

* * *

В первые дни отпуска мы собирались поехать на реку Чулышман и на Телецкое озеро. Там водятся очень крупные таймени. Но у нас много ушло бы времени на продвижение до места рыбалки, поэтому решили выбрать участок на Катунь, где впадает в нее четыре притока: Айлагуш, Кадрин, Ильгумень, Б.-Едоман. Таймени скапливаются в устьях этих речек, охотясь за хариусами. Между прочим, хариусы здесь отличаются сильно от сибирских и байкальских — крупные, зубастые.

При впадении в Катунь реки Айлагуш живут двое лесников. Они пригласили нас остановиться на время рыбалки у них. Мы воспользовались их гостеприимством и провели здесь несколько памятных дней нашего отпуска. Днем рыбачили, а вечерами долго беседовали с хозяевами, тоже страстными рыболовами и охотниками.

Только начинает брезжить рассвет, а мы уже в пути. Я со спиннингом, мой «сподвижник» с удочкой; он охотится за ленком и хариусом.

Вот устье реки Кадрин. Перед впадением в Катунь воды Кадриня совершают круговой оборот. Заводь достигает десятиметровой глубины. Здесь несомненно должны быть таймени и ленки.

Забрасываю лососевую блесну. Махаю удильщиком час, другой, а поклевки нет. Но вот вижу из глубины заводи идет за блесной крупной ленок. Три раза выходил он, однако блесну не взял. Перехожу на другое место — повторяется та же история. Тогда я приглашаю своего спутника. Бросив снова блесну, я повел ее к берегу, а спутник забросил удочку с червяком. Показалась блесна, за ней ленок. Заметив червяка, он сразу проглотил его и вскоре трепыхался на берегу. Так было поймано три ленка весом до трех-четырёх килограммов каждый.

В полдень наблюдали интересную охоту ленок за букашками, приносимыми кадринской водой. Плавники ленок резали поверхность воды. От сверкающей блесны рыба шарахалась в сторону, а за «девоном» сразу гналась, но тотчас отставала, продолжая ловить букашек.

Возвращаясь на стоянку, мы наблюдали за сеноставцами. Около многих камней сушились стожки сена, заготовленного этими зверьками. При нашем появлении сеноставцы издавали свое тревожное «цви».

Проходит день за днем. Нам попадаются ленки и мелкие таймени. Все это не то, что нас интересует.

Утрами холодно. По небу блуждают белые облака. Все чаще и чаще встречаются стаи уток, летящих на юг. Между камнями на берегу видим белок, перебегающих на новые места, обильные кормом. Переплывая реки, белки нередко становятся добычей тайменя. Этот хищник охотится за мелкими зверьками, охотно поедает мышей.

Мы упорно продолжаем рыбалку в расчете на то, что все-таки должна же быть когда-то удача.

На сравнительно тихом течении забрасываю никелированный «Байкал». Подматывая леску, замечаю, что из глубины за блесной идет таймень. Ускоряю обороты катушки. В пяти метрах от берега блесна исчезает в пасти тайменя. Он хочет повернуть в реку, но уже поздно. Несколько минут мучаю его, затем подтягиваю к берегу и цепляю багором. Крупная рыба в руках. Беру за лесу и хочу отойти подальше от воды. Таймень с силой трепыхнулся, багорчик вырвался из руки, блесна отлетела в сторону. Тотчас моя добыча скрылась под водой. Обидно, только ничего уже нельзя изменить. Так нехорошо отнесся ко мне первый «солидный» таймень.

Немного успокоившись, привязываю другую блесну и стараюсь послать ее как можно дальше. При подмотке чувствую задев якоря, рука мехапи-

чески делает рывок. В первые секунды сдвинуть тайменя с места не так-то просто. Чувствую короткие рывки — он мотает головой, пытается освободиться от цепкого якоря. С усилием подвожу его к берегу. Присмотревшись, он рвется в глубину, сматывая до двадцати метров лесы. Так повторяется три—четыре раза. Наконец, десятикилограммовый улов на берегу. На этот раз уже не обманешь меня — спешу подальше от воды.

Мы все-таки дождалась удачи. Каждый день попадалось нам по два—три крупных тайменя, не считая ленков и мелких тайменей.

Возвращались домой с богатым уловом. Но не рыба была главным итогом нашего отпуска. Мы закалились физически, чувствовали в себе силу и бодрость.

На землю уже падали снежинки. Прощай, любимый спорт, до следующей осени!

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. СМЕРДОВ

ПОЭМА О САРТАКПАЕ-СТРОИТЕЛЕ *

Поэма Константина Козлова «Сартакпай-строитель», написанная по мотивам алтайских народных сказок, вызывает особый интерес не только как новое поэтическое произведение, но и как явление, имеющее известное значение для развития литературы на Алтае. В связи с этой работой К. Козлова возникает ряд важных принципиальных творческих вопросов, касающихся использования устного народного творчества, в частности национального героического эпоса Горного Алтая в современной поэзии.

Алтайская литература, начиная с произведений такого выдающегося ее представителя, как покойный поэт, драматург и прозаик Павел Кучияк, питается неисчерпаемым, самоцветным источником национального устного народного творчества, эпическим наследием прошлого. Нередко обращаются к фольклору талантливого алтайского народа и русские советские писатели, создавая по фольклорным мотивам оригинальные произведения, примером чего может служить поэма К. Козлова.

В многовековом и богатейшем алтайском народном эпосе легенды о Сартакпае занимают особое место.

В большинстве случаев в алтайских народных сказаниях положительные образы героев-богатырей (Алтай-Бучай, Мальчи-Мерген, Келер-Куш и многие другие) изображаются как единоборцы за социальную справедливость, защитники угнетенных и обездоленных, вступающие в поединки с ханами-угнетателями, иноземными порабителителями или мифическими чудовищами, олицетворяющими враждебные народу злые силы.

Сартакпай же прежде всего работник, отдающий всю свою чудесную богатырскую силу труду на общее народное благо. Как повествуют легенды, Сартакпай, наделенный исполинскими силами, собственными руками освобождает из каменного плена алтайские горные реки и выводит их в жаждущие, иссушенные зноем долины, на пастбища и к людским селениям. Он открывает вольнолюбивым алтайским рекам Катунь и Бий путь к далекому океану, соединив их в могучий поток Оби. Сартакпай прокладывает для людей дороги в недостижимых горных высях и неприступных скалах, возводит мосты через бурные горные потоки. При этом важно подчерк-

* К. Козлов. «Сартакпай-строитель». (По мотивам алтайских народных сказок). Алтайское книжное издательство. 1953 г., стр. 32, тираж 30 000.

нуть, что он постоянно борется не с мифическими силами и чудищами, как это происходит в большинстве старинных алтайских сказаний, а с реально выступающими и противостоящими человеку стихийными силами природы и стремится поставить их на службу людям. Не случайно имя и деяния этого богатыря в народной памяти и поныне связываются с конкретными географическими точками и местностями Горного Алтая, святыми этой яркой легендой. Поедете ли вы по чудесному Чуйскому тракту или вдоль бурных потоков Катуня и Бии, подниметесь ли на дымчатые взгорья Чемала — любой алтаец не раз вспомнит имя Сартакпая и этим именем назовет не одно причудливое явление великоленной алтайской природы: то ущелье в неприступных скалах, будто бы пробитое рукой Сартакпая для Катуня, то нагромождения гигантских каменных глыб, набросанных богатырем для переправы через дикие потоки, то голубие впадины — следы богатырской поступи Сартакпая... Пожалуй нет еще другой такой легенды и другого образа народной фантастики, которые были бы так «овеществлены» и увековечены в народной памяти.

Сартакпай является близким образом старинного народного эпоса и для нашего советского времени, для нас — советских людей. Верное служение богатыря народу, его героическая борьба за людское благо и счастье, богатырские его деяния, направленные на покорение и преобразование родной природы, — все это несомненно перекликается с нашим временем и живо отвечает тем светлым идеям и великим делам, какими живет сегодня наш народ — создатель нового мира.

Вполне понятно, почему именно этот образ старинного эпического богатыря сегодня привлек к себе внимание советского поэта, и старая национальная легенда увлекла его творческое вдохновение.

С глубоким интересом открываешь книжку Константина Козлова — «Сартакпай-строитель», представляющую собой не обычный литературный перевод и обработку народной легенды, а попытку создания по

мотивам этой легенды самостоятельного поэтического произведения.

Кстати, это не первая попытка использовать замечательную алтайскую легенду в качестве поэтического первоисточника. Незадолго до Великой Отечественной войны в журнале «Сибирские огни», а затем в отдельном издании появилась поэма погибшего впоследствии на фронте сибирского поэта Евгения Березницкого — «Сказ о Сартакпае — алтайском богатыре». Между этими двумя произведениями поэтов сибиряков, появившимися в разное время, нет какой-либо непосредственной связи, кроме идентичности исходного материала. И уж безусловно нет оснований для каких-либо предположений о зависимости поэмы К. Козлова от ранее появившегося произведения Евг. Березницкого.

Но есть одно обстоятельство, свидетельствующее скорее не о какой-то зависимости, сколько о недостаточной оригинальности и творческой самостоятельности поэтического приема в обоих произведениях. Речь идет о сходстве композиционного построения произведений, о почти одинаковом приеме использования фольклорного источника. Та и другая поэмы начинаются почти совпадающим вступлением от автора, так сказать «привязывающим» легенду давних лет к нашему времени, и заканчиваются тоже почти одинаковым авторским заключением, перебрасывающим мостик между деяниями легендарного богатыря-строителя и нашей сегодняшней действительностью. Так, во вступлении к поэме Евг. Березницкий дает красочное описание алтайской природы, вечерний горный пейзаж, а затем показывает вечерний отдых колхозных пастухов и табунщиков, во время которого старый пастух-сказитель Барлай начинает напевный сказ о древнем богатыре Сартакпае.

Синий вечер над Алтаем
Тихо крылья распростер.
На вершине Карагая
Догорел зари костер...

Ярок свет звезды счастливой.
Тишина. Не дрогнет лист...
И рукой неторопливой
Тронул струны топшурист.

Таким же почти зачином открывается и поэма К. Козлова:

Догорало закатное солнце
Над вершинами гор островерхих...
Ярким светом костра ночного
Озарилась долина Чодру.
Расседлав лошадей усталых,
Пастухи у костра расселись
Старый Бокуш топшур настроил
И ударил по чутким струнам...

Дело здесь разумеется не в текстовых совпадениях, а в легкости и даже известной штампованности самого поэтического приема и подхода к использованию фольклорного источника, увязки его с современностью. Подобный прием, ставший уже некоторым каноном и штампом, неоднократно встречался читателю и в ряде других произведений, написанных по мотивам старинного устного эпоса народов СССР. Можно было бы указать на аналогичные примеры из бурят-монгольской, якутской, казахской поэзии.

Поскольку по времени появления поэма К. Козлова — одно из самых последних произведений подобного рода, то наличие в ней этого трафаретного приема приходится отнести к недостаткам, объяснимым не вполне глубоким отношением автора к своей работе.

И еще один вопрос поэтического мастерства, владения поэтической формой встает при сравнении этих двух произведений, созданных на одном и том же материале. Поэма Евг. Березницкого написана рифмованным стихом, размером пушкинских русских сказок, что сделано автором, очевидно, в целях приближения национальной алтайской сказки к восприятию русского читателя. Поэма К. Козлова написана белым стихом, в размере и тональности великоленного перевода И. Бунина поэмы «Гайавата» Лонгфелло. Этот стих нередко используется в качестве образца в переводах национальной поэзии, особенно в переводах старинного устного эпоса с языков народов нашей страны. В большинстве случаев следование этому образу уводит далеко от подлинного интонационного, ритмического строя переводимого оригинала, лишает переводы поэтического своеобразия, колорита и особенностей, присущих

той или другой национальной по форме поэзии. Справедливо в свое время, например, отмечалась неполноценность, отдаленность от подлинника перевода М. Плотникова замечательного эпоса народов Севера — «Янгал-Маа».

В этом отношении нельзя, конечно, признать полностью отвечающей требованиям поэтическую форму, избранную для своего произведения Евг. Березницким. Но с большим основанием этот упрек надо предъявлять Константину Козлову, уже имеющему довольно большой и успешный опыт в переводах на русский язык алтайской, в том числе народной устной поэзии. Очевидно, что и тут К. Козлов пошел в своей работе по наиболее легкому, проторенному пути. Между тем поэтическая форма, интонационный строй алтайского народного эпоса имеет свои богатые и яркие особенности и средства. Правда, сводного и цельного текста алтайского эпоса о Сартакпае до сих пор еще не зафиксировано, он бытует в виде разрозненных легенд и многочисленных устных вариантов. Но в распоряжении поэта было большое богатство других алтайских народных эпических сказаний, в том числе ряд произведений с разной степенью приближения к национальным подлинникам, переведенным на русский язык. Не попытавшись в своей работе творчески воспользоваться этими возможностями, К. Козлов тем самым волею или неволею значительно обеднил поэтическую форму произведения, в известной степени лишил его того поэтического колорита и свежести, какие заложены в первоисточнике и материале его поэмы. Поэтому поэма его оставляет, со стороны поэтической формы, впечатление некоторой трафаретности и равнения на канон.

Однако, вернемся к разбору поэмы по существу основной задачи, выясним, насколько удалось поэту донести до читателя содержание мудрой и яркой народной легенды и выразить ту основную идею, ради которой советский поэт взял в качестве первоисточника «преданье старины глубокой».

Уже само название поэмы — «Сартакпай-строитель» показывает, что привлекло поэта в образе легендар-

ного алтайского богатыря. К. Козлов правильно и достаточно глубоко понял и выдвинул на первый план характерную черту в образе легендарного героя-строителя, созидателя, труженика на общее людское благо и счастье — «созидателя рек широких, ловца змеевидных молний, строителя-Сартаклая». Именно эта черта в образе Сартаклая делает его близким нам — современникам, заставляет воспринимать этот образ сквозь призму наших сегодняшних идей, интересов. К. Козлов в общем отчетливо и ясно воплощает эту главную мысль в эпическом образе своего героя. Сартаклай предстает перед нами как могучий труженик, постоянно озабоченный нуждами своего народа. Повествование о его славных деяниях и начинается с того, что богатырь узнает о страшном бедствии, постигшем людей, живущих в долинах.

Прискакал усталый всадник
Из далекого аила

Он припал к воде сначала
Воспаленными губами,

А потом, вздохнув печально,
Поклонился Сартаклаю.

«Богатырь, к тебе скакал я
Рассказать о страшном горе...

Там, в долинах Артыбаша,
В голубых горах Чемала,

Ходит голод по аилам;
Словно тени, люди стали;

Солнце высушило травы,
Зносом кедры опалило.

Притавились реки в недрах —
Плачут, сжатые камнями...

Это сообщение повергает Сартаклая в глубокую думу и заботу о помощи бедствующему народу. При этом Сартаклай размышляет о долге и призвании человека перед своим народом и рассказывает своему сыну Адучи назидательную притчу о богатыре Байбараке, впусую, ради собственной страсти и честолюбия растратившем свои богатырские силы и потому не оставившем по себе никаких добрых воспоминаний у потомков.

Только тот, кто каждый подвиг
Совершает для народа,

Кто живет на счастье людям,
Будет жить в сердцах их

вечно.. —

Так заключает Сартаклай свое наставление сыну, посылая его на выполнение части своего большого замысла — освобождения горных рек из каменного плена. Он поручает Адучи отправиться к горе Белухе: «Ты ступай, сынок, к горе той, оттолкни ее, старуху, и Катунь из плена вырви, укажи ей путь в долины». Сам Сартаклай спешит в другую сторону Алтая, раскидывает скалы, пробивает своими руками русла для горных потоков и открывает путь в долины рекам Челушману, Башкаузу и другим.

Оживилась вся природа:

Птицы радостно запели,

Даже маленькие пчелки

Над цветами закружились...

Заглянуло солнце в юрты,

Радость светлая пришла в них.

Пил кумыс алтаец каждый

За здоровье Сартаклая.

И до самого рассвета

У костров звенели струны,

О большом народном друге

Пели песни толпуристы...

Эти чудесные богатырские деяния Сартаклая не совершаются без борьбы, без преодоления противоборствующих сил. Но как раз тут К. Козлов и не мог подняться до понимания и верного раскрытия перепитий этой борьбы.

В качестве противоборствующих Сартаклаю сил в поэме выступают лишь сама природа и главным образом собственный сын богатыря — Адучи-Мерген, наделенный так же, как и отец, богатырской силой, но ленивец, лежебока. Адучи не выполнил отцовского задания, предаваясь «праздному лению» и забываям с молодой женой Оймок в своем аиле. Совершив еще несколько богатырских деяний в горах и объездив стойбища людей в долинах, Сартаклай возвращается домой, прославляемый народом. Удостоверясь в том, что сын не выполнил его поручения, не освободил Катунь, Сартаклай устраивает испытание силы и ловкости Адучи-Мергену. И тут выясняется, что ленивец и тунеядец Адучи растерял свою силу, он не смог как следует метнуть стрелу из своего лука, чтобы разбить ею скалу Согон-Туу, преграждавшую путь Катунь. Сартаклай, упрекнув сына в

лености, сам совершает за него этот подвиг, за что его вновь приветствуют и прославляют «шестьдесят племен Алтая».

Кстати, народ Алтая в поэме К. Козлова только и упоминается в качестве этих безликих и пассивных «шестьдесят племен», что подразумевает нельзя признать сколько-нибудь удивительным раскрытием главного содержания поэмы о народном богатыре. Сартакпай в народной легенде выступает именно как своеобразный алтайский Антей, черпающий свои силы в народе, совершающий свои чудесные подвиги именно во имя и на благо народа, что поэт правильно и подчеркивает на протяжении всей своей поэмы, противопоставляя Сартакпая его сыну-тунеядцу, пренебрегающему долгом перед людьми. Но поскольку К. Козлов не показывает сколько-нибудь конкретно сам алтайский народ и связи Сартакпая с народом в реальном плане, Сартакпай выступает в поэме несколько изолированно от людей.

Ограничив себя линией конфликта Сартакпая с собственным сыном и совершенно упустив социальную борьбу, поэт лишил свое произведение и образ народного богатыря должной широты и полноты идейного, социального содержания.

К. Козлову не удалось должным образом завершить яркий поэтический рассказ о славных деяниях народного богатыря. Финал поэмы весьма смутен, сомнителен, заключительный эпизод — постройка Сартакпая моста через Катунь и печальный исход этого подвига героя никоим образом не раскрывают и не завершают того широкого идейного замысла, какой лежит в основе произведения. Сартакпай, убедившись в том, что сын его не может быть ему сподвижником и помощником в его богатырском труде, в одиночку продолжает исполнение своих замыслов, борьбу со стихиями природы. Он приступает к сооружению переправы через Катунь. Описание этого подвига Сартакпая передано К. Козловым поэтически красочно и выразительно.

Сартакпай в кипящий омут
Рушил каменные глыбы...
А Катунь, шумя волнами,
Мчалась бешеным галопом.

Гнул к земле деревья ветер,
Облака в выси клубились.
И когда взревела туча,
Налетая на другую,
Просвистев кнутом пастушьим,
Горы молния стегнула,
Сартакпай взмахнул рукою,
Быстро молнию схватил он
И ее с размаху оставил
В ствол расщепленной березы.
Отступила темь ночная
И в ущельях притаилась.
Сартакпай с себя снял шубу,
На бульжник шапку бросил.
Он кидал с могучей силой
Камень к камню, глыбу к глыбе,
И они, ложась покорно,
Над рекою повисали...

Таких выразительных и живописных картин немало в поэме Константина Козлова, что свидетельствует о несомненной одаренности и поэтической культуре поэта, о хорошем чувстве слова. Тем более обидно, что поэт не проявил должной глубины и взвешивости при раскрытии содержания своего большого замысла в финале его поэмы.

Сартакпай уже почти заканчивал сооружение переправы через Катунь, но вдруг проникся яростной обидой на своего нерадивого сына, беспечно почивавшего в это время с женой в своем жилище. Богатырь посылает им проклятие, и в это мгновение рушится почти уже возведенный им мост.

«Будьте прокляты вы оба!» —
Богатырь воскликнул гневно
Так, что небо всколыхнулось,
Так, что горы задрожали.
И от крика Сартакпая
Покачнулся мост и рухнул...

Трудно понять, что хотел сказать поэт таким неожиданным поворотом и завершением сюжета поэмы, явно противоречащим всей идейной основе произведения. На протяжении всей поэмы Сартакпай утверждал своими делами, подвигами и помыслами верность народным интересам, служение людям, этому он поучал своего сына. А в заключительном эпизоде поэмы действия героя почему-то свелись лишь к сугубо личному мотиву возмездия его недостойному сыну. Сартакпай, обиженный на сына, словно забывает о том, что все его преды-

дущие деяния и этот мост через Катунь — исполнение его благородного долга перед людьми. Кстати, в финале поэмы почему-то совсем обрываются, исчезают связи Сартакпая со своим народом. Последним, безотчетно сновольным поступком — разрушением сооруженной им для людей переправы — Сартакпай как бы подчеркивает тщетность и бесполезность всех своих прежних начинаний, сам разрушает то, что он сделал для общего блага людей. Вольно или невольно в этом заключительном эпизоде поэмы автор как бы подчеркивает всемогущество рока, торжествующего над дерзновенными помыслами и делами человека — Сартакпая.

Впечатление это усугубляется последующим эпизодом — чудодейственным превращением Адучи и жены его Аймок в пару диких гусей, которых Сартакпай пытается поразить брошенным в высь стопудовым камнем. Этот уже полностью сказочный мотив явно противоречит всему предыдущему характеру, строю и развитию повествования, написанного в относительно реалистическом плане.

На протяжении всей поэмы мы видели Сартакпая богатырем, наделенным необычайной, но не мистической силой, направленной на благо народа. Эта глубокая мысль правильно понята поэтом. Она сообщила поэме в целом реалистическое развитие и направление и, казалось, должна была подсказать поэту соответствующее этому завершение произведения. И вдруг эпизод с гусями. Напрашивается вопрос: почему именно этим эпизодом, противоречащим общему тону и направлению всей поэмы, автор решил завершить свое произведение? Поэма могла быть закончена и ранее одним из замечательных эпизодов легенды, показывающим созидательные усилия и свершения Сартакпая, например, прокладкой им дорог в горах. Было бы вернее, в соответствии с общей тканью и направлением поэмы, завершить ее показом Сартакпая в неустанным созидательном труде, устремленном в будущее, в труде на благо людей. Ведь именно тружеником, строителем и запечатлен и живет в народной поэзии образ этого богатыря-созидателя, рожденного народной мечтой и

фантазией, выражающего вековые народные чаяния. Именно эти черты эпического алтайского богатыря делают его близким нам — советским читателям.

Очевидно только неглубоким, не до конца продуманным отношением к своему замыслу, недостаточным проникновением в самое содержание и развитие образа героя и можно объяснить то обстоятельство, что поэт не нашел верного финала, подсказываемого основной идеей и развитием ее как в фольклорном первоисточнике, так и в самом произведении К. Коалова. Эта смутность, неопределенность представления самого автора обнаруживается в его утверждении в заключительных строках, что народ не ведает о том, «что же случилось с Сартакпаем», и об этом «не рассказывают песни». Такое заключение явно противоречит и всему содержанию поэмы и следующим строкам, утверждающим бессмертие Сартакпая, воплощенное в «его делах великих»:

Наклонись к воде студеной
И спроси о Сартакпае.
Прошумит волна речная:
«Я поила Сартакпая»...
Ты пройди по всем долинам,
И везде цветы прошепчут:
«Здесь скакал быстрее ветра
Сартакпай на иноходце...»
А когда у ветра спросишь, —
Прошепчет рассветный ветер:
«Я носил на легких крыльях
Звонкий голос Сартакпая...»
Если спросишь у березы, —
Скажет белая береза:
«Отдыхал не раз великий
Под моей густой листвою...»
Если спросишь у народа, —
Скажет весь народ Алтая:
«Он не умер, он бессмертен,
Сартакпай наш благородный.»

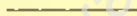
К сожалению, этому выводу, верно передающему основную мысль, идею произведения, предшествует непродуманная ситуация, ломающая и общую линию поэмы и явно ослабляющая смысл и силу вышеприведенных хороших строк.

Излишне многословна в местах чересчур риторична авторская концовка поэмы. Тут поэт как бы поясняет читателю содержание пересказанной им поэтической легенды, до-

статочно ясное и без этого, втолковывает читателю выводы, хотя они отчетливо раскрываются из самой ткани поэтической легенды. Излишне прямолинейно и схематично поэт проводит аналогия между легендарными деяниями Сартакпая и великими реальными явлениями и процессами нашей социалистической действительности. Вероятно, вместо многословного пояснения было бы достаточно в конце нескольких поэтических строк о претворении въявь вековой народной мечты и народных чаяний, воплощенных в старой легенде.

Таковы серьезные недостатки и неудачи интересной и не лишенной поэтического обаяния новой поэмы способного алтайского поэта. Поэма могла бы стать ярким литературным явлением, как творческий сплав устной народной и современной совет-

ской поэзии, произведением большого идейного и эпического звучания, если бы поэт более вдумчиво отнесся к своему большому и благодарному замыслу, если бы он более требовательно и настойчиво поработал над поиском и отбором поэтических средств для выражения богатого возможностями исходного поэтического материала. Но если автор не сочтет, что публикация поэмы не исключает дальнейшей работы над нею, если он найдет в себе желание настойчиво и взыскательно ее совершенствовать, — он имеет все возможности устранить многие очевидные недостатки, довести произведение свое до необходимой силы и должного уровня поэтической, идейной выразительности. Именно этого от всей души и хочется пожелать Константину Козлову.

Электронная библиотека Акулиной

Арк. МИНЧКОВСКИЙ

ПЕРВАЯ ПЬЕСА МЕСТНОГО ДРАМАТУРГА

Барнаульский краевой драматический театр поставил пьесу М. Юдалевича «Ползунов» — первую пьесу местного драматурга. Это является значительным событием в культурной жизни края, свидетельствующим о росте творческих сил на Алтае.

Среди ряда историко-биографических произведений советской драматургии пьеса «Ползунов» займет свое особое место. Это едва ли ни первая биографическая пьеса, посвященная не полководцу, не государственному деятелю или великому ученому, а человеку технического гения.

Подвиг Ивана Ползунова во имя родного народа, его ранняя трагическая гибель требовали в изображении приподнятости, известного пафоса и потому кажется закономерным обращение молодого драматурга к поэтической форме повествования.

Хорошее начало пьесы... Двор «просвященной» Екатерины II. Старейший Ломоносов бьется за построение на родине первой в мире «огненной машины». В короткой сцене, с ограниченным количеством действующих лиц, сталкиваются силы екатерининской России, ее свет и тени. Первая картина пьесы — как бы своеобразный пролог к повествованию. Автор строго разграничивает друзей Ползунова, его врагов и равнодушных людей, которым безразлична судьба «Прометей из Барнау-

ла». И сразу внимание зрителей привлекается к еще незнакомой фигуре механика — таланта из глубины страны, и зритель уже хочет поскорее увидеть его, знать, что будет дальше с его изобретением. Завязка сделана, толчок пьесе дан.

Вторая картина сразу вводит нас в обстановку, в которой трудится шихтмейстер Ползунов.

Главный герой пьесы — народ, с которым кровью и плотью связан Ползунов. Да и как не быть связанным с народом выходцу из него — солдатскому сыну, умом и талантом добившемуся невысокого офицерского звания. Пожалуй, народные сцены — наибольшая удача дебютирующего драматурга. Язык его здесь сочен и меток. Работные люди, как назывались они тогда на Алтае, немногословны, и это немногословие удалось М. Юдалевичу передать в коротких стихотворных диалогах.

Вот свободолюбивый Андрон, нежелающий покоряться, упорно стремящийся к свободе. Он зовет товарищей бежать на Беловодье, уверяя, что там край обетованный. Короток, но точен диалог, следующий за призывами Андрона.

ИВАН. А далеко до этих мест?

АНДРОН. Семь дён пути.

ИВАН. Семь дён?

АНДРОН. Не боле.

КУЗЬМА. (возбужденно, серьез-

но) Сем дён! Семь дён пути до воли.

Страстен и упорен Андрон в своем стремлении к свободе. Он не хочет ни перед чем останавливаться, и то, что за их бегство может пострадать Ползунов, не трогает Андрона

Да леший с ним.

Лишаться воли

Из-за него мы будем что ли?

Теперь нам не сидеть на месте.

Нам путь теперича один.

Да мне кто встанет на пути,

Тому живому не уйти.

Так декларирует свои стремления Андрон, дочь которого является невестой Ползунова. Здесь намечается конфликт Андрона с Ползуновым и людьми, не желающими подводить Ползунова, конфликт, который, к сожалению, в дальнейшем не развит автором. Вслед за этой сценой и появляется Ползунов, сразу догадавшийся о предстоящем бегстве. Картина заканчивается тем, что Ползунов, которого с его согласия собирались связать работные люди, сам выручает их перед внезапно появившимися солдатами. Лишь неукротимый Андрон все же уходит. Остальные неудачливые беглецы Кузьма, Трифон, Иван остаются с шихтмейстером в надежде на указ императрицы о постройке машины. Указа, как мы уже знаем из первой картины, не последует, ибо Екатерина лишь повелела наградить механика, стремясь похоронить его идею.

Как видим, сцена не лишена драматизма, органически связана с предыдущей и все же она недостаточно напряжена. Беда здесь в том, что Андрон, Кузьма и даже Трифон интересней Ползунова. Их речь богаче. Ползунову не хватает страстности. Его роль начата несколько вяло. В противоположность Ползунову особо следует отметить Кузьму, — это наиболее интересный персонаж пьесы, реплики его короткие и хлесткие. Он не только балагур, но и гневный обличитель. Вот его слова, обращенные к императрице:

..Ты во дворце своем великом

Все, чай, пируешь во весь дух

И не заметила поди-ка,

Как я здесь с голоду опух.

Характер Кузьмы, «Козла», выписан Юдалевичем разносторонне. В ми-

нуту малодушья никто иной как Кузьма умеет поднять общий дух. Это одаренный человек. Работая с Ползуновым, он помогает ему придумать важное приспособление, чем вызывает восторг изобретателя. Причем момент, когда Кузьма излагает казалось бы чисто техническую мысль, написан в пьесе поэтично.

Вот этой самой поэтичности, страстности не хватает в характере Ползунова — главного героя драмы. Видимо, сказалась некоторая робость автора в изображении исторического персонажа.

М. Юдалевичу неплохо удалось основные черты Ползунова — его горячий патриотизм, любовь к народу, творческое горение, упорство в достижении цели. Но ему не хватает пафоса, он презмерно сдержан.

Англичанин Брук предлагает изобретателю оставить родину и строить машину в Британии на его деньги. Против Ползунова и начальник Барнаульского завода Христиани, ждущий подходящего момента избавиться от ненавистного ему шихтмейстера, и молчаливый двор Екатерины. Но Ползунов отвергает предложение иностранца. Он хочет строить машину на родине, чтобы облегчить труд своему народу. Брук намекает на все развивающуюся болезнь Ползунова. Изобретатель отвечает ему иронический фразой:

А я слышал, что для больного

Нет лучше воздуха родного..

Брук пытается соблазнить Ползунова крупным окладом. Но чужда нажива русскому изобретателю. Он непреклонен.

Оклад немного маловат.

Ведь вы, я чай, видали сами

Его —

Отечество мое,

С дремуче-темными лесами,

Со светло-золотым жиньем,

С высоко-горной тропкой узкой,

С народом нашим тароватым,

Веселым, неумным, русским.

Нет, право, мистер, маловато.

Ползунов дает понять, что он не продаст отечество ни за какие деньги. Убийственной иронией разит он мистера Брука. Казалось бы все здесь на месте: и мысль ясная, и стихи хорошие. Но нет страстности, гнева. Если бы автор продолжил мо-

нолог Ползунова, написав несколько горячих строф, тогда бы и вся картина, построенная драматургически верно, однако холодно, приобрела бы необходимую взволнованность.

Законмерно, что следующая картина, последняя во втором акте, начинается с тесного общения Ивана Ползунова с верными и единственными его единомышленниками — работными людьми. Сцена написана правдиво, живо и весело, как впрочем все в пьесе сцены Ползунова с народом.

Поэту удалась последующая сцена мысленной беседы изобретателя с великим русским ученым М. В. Ломоносовым. Эта сцена интересно задумана и смело написана. Мы видим Ползунова в домашней обстановке, окруженным близкими ему людьми, и Михайло Ломоносов такой же близкий человек и друг Ивану Ползунову, как Кузьма и жена Полина.

М. Юдалевич, будто снова чего-то убоившись, не дал большой, широкой сцены Ползунова с Полиной, сцены сокровенной беседы, где бы совершенно по-новому могла раскрыться душа Ползунова уже не механика, а поэта. Образ Полины мог бы занять более достойное место в пьесе. Вообще женские образы драмы — образы Полины и невесты Трифона Василисы, — самое бледное, что есть в пьесе Юдалевича. Совершенно не участвуя в событиях, они серыми тенями то возникают, то исчезают в картинах.

Зато как ярко неожиданное появление Андрона. Исхудалый и страшный, Андрон, исходивший Беловодье, бежавший от заводчика с Урала, Андрон, который пришел умирать домой, вносит в эту картину напряжение, которое не ослабевает до ее конца.

И дальше, после ухода Никитина, — отличная сцена, когда измученный Андрон достает последнюю алтынную монету, которую берег на то, чтобы после смерти его схоронили на этот алтын, и отдает Ползунову со словами:

Бери! Не делика монета
Зато Россия велика.

Кинь клич и строй свою машину

На эти медные алтыны,
Строй на алтыны мужика.

Эта и последующие заключительные картины пьесы сильнейшие в ней и это разумеется хорошо, это говорит о драматических способностях М. Юдалевича, ибо нет ничего более губительного для драмы, когда первая ее часть сильней последней. Жаль только, что и здесь Андрон в своих речах оказывается куда сильней Ползунова, хотя нужно оговориться, заключительные слова Ползунова в картине:

Мы победим наверняка
Ведь наша служба для России,
— пусть нам жить годы, ей —
века!

звучит убедительно и сильно.

Умело, интересно написаны и последние сцены. Вообще автор словно разошелся к концу пьесы, забыв про робость. Здесь хорош Трифон, идущий на каторгу, но отказавшийся губить машину Ползунова. Чувство обиды вызывает лишь совершенно упущенная в пьесе линия Трифона и Василисы.

Финал пьесы монументален. Здесь поэт, как впрочем и во всей драме, хорошо пользуется народным словом, однако не впадая в любованье областным диалектом. Волнующий момент, когда «огненная машина» Ползунова — первый в мире тепловой двигатель начинает работать. Скупое и хорошо передает драматург радость измученного народа, чувствующего, что с машиной придет и к нему когда-нибудь облегчение непосильного труда.

Пьеса Марка Юдалевича — его первая работа в области драматургии. Значимость и ответственность темы предъявили к поэту большие требования. Со своей задачей автор справился. Но ему следует поработать над окончательной редакцией драмы и прежде всего над образом Ползунова, которому необходимо прилить больше страстности, может быть, одержимости в осуществлении своей великой идеи.

Хочется пожелать молодому драматургу больше смелости и дерзаний в работе над новыми пьесами — над пьесами на современные темы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>БОРИС КАУРОВ.</i> — На переднем крае. Стихи	3
<i>НИКОЛАЙ ДВОРЦОВ.</i> — Наше счастье. Повесть	5
<i>И. ЗДОРОВЕНКО.</i> — У истока. Поэма.	119
<i>ИВАН КОЖЕВНИКОВ.</i> — О чем шумит колхозный лес. Очерк.	153
<i>ИВАН ФРОЛОВ.</i> — Две сестры. Стихи.	159
<i>ВАЛЕНТИН СМИРНОВ.</i> — Дорога на Кебезень. Ты жди меня, родная, без тревоги. Стихи.	161
<i>ТИМОФЕЙ БЕЛОЗЕРОВ.</i> — Золотой ключик. Стихи.	163
<i>ИВАН ИГНАТЬЕВ.</i> — Тайга проснулась. Стихи	164
<i>БОРИС ОРЛОВ.</i> — Из лирической тетради. Стихи.	165

ПУБЛИЦИСТИКА

<i>И. КРАМАРЕНКО.</i> — За высокий урожай на новых землях	167
<i>А. ЛАРИНА.</i> — Навеки вместе.	172
<i>А. СЛЯДНЕВ.</i> — Времена года на Алтае	180

ПО РОДНОМУ АЛТАЮ

<i>Е. КАЗАКОВА.</i> — На снежных вершинах	187
<i>Л. ГОНЗАРЬ.</i> — Из сплывшего — таймонь.	205

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>А. СМЕРДОВ.</i> — Поэма о Сартакпае-строителе	208
<i>АРК. МИНЧКОВСКИЙ.</i> — Первая пьеса местного драматурга	215

Редактор *А. Тресков.*

Члены редколлегии: *Н. Дворцов, Н. Павлов, К. Растегаев,*
В. Трушин, Н. Швацов, М. Юдалевич.

Технический редактор *С. Каплан.*

Корректоры: *Б. Пасынков, М. Вычужанина.*

АГ 00883 Сдано в набор 25. III. 1954 г. Подписано к печати 2. VII.
1954 г. Бумага 60 × 92 $\frac{1}{2}$ = 6,76 б. л., 13,52 п. л., 15,93 изд. лист.
Тираж 6000 экз. Заказ № 620. Цена 7 р. 40 коп.

Типография № 1 Полиграфиздата Барнаул, ул. Льва Толстого, 29.

7 руб. 40 коп.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru